

ПЕРЕПИСКА С АНДРЕЕМ БЕЛЫМ

1902—1912

Вступительная статья и публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова

Творческие и личные взаимоотношения Брюсова и Андрея Белого (Б. Н. Бугаева) представляют для истории русской литературы начала XX в., для характеристики основных тенденций развития русского символизма чрезвычайно благодарный и показательный материал. Они позволяют осмыслить философские и эстетические особенности двух поколений символистов, ярчайшими представителями которых выступают перед нами Брюсов и Белый. Как Брюсов явился одним из первооткрывателей новых путей для русской литературы в 1890-е годы, так и Белый выступил «на рубеже двух столетий» основным выразителем творческих устремлений младшего поколения символистов. В глазах критики и читающей публики того времени писатели воспринимались зачастую как единомышленники, приверженцы единой философско-эстетической позиции: «Со стороны казалось: все символисты — одно, а Белый — верный Личарда своего учителя, Валерия Брюсова» (*Начало века*, стр. 414). Однако при внимательном рассмотрении отношений писателей друг к другу становится ясным, как они были далеки от идеальных представлений об учителе и ученике. Религиозно-мистические искания и произвольные теоретические построения Белого, его стремление обусловить искусство религией — все это не могло найти признания у Брюсова — рационалиста и эстета. Противоположность их натур обнаруживается с исключительной яркостью в их личных взаимосвязях. Отношение Брюсова к Белому как писателю было на протяжении многих лет неизменно устойчивым: Белый для него прежде всего — крупный художник и высоко ценимый литературный сотрудник, союзник в борьбе за утверждение «нового искусства». Отношение же Белого к лидеру символистского движения было неравным, отличалось исключительной полнотой переживания и в любви, и в отвержении; это во многом объяснялось тем, что в сознании Белого Брюсов всегда был связан с самыми животрепещущими для него проблемами жизненного и творческого пути. Резкие перепады в восприятии Белым Брюсова отражают существенные особенности внутреннего мира Белого, его сознания, постоянно мечущегося в исканиях истины.

1

Судьбы Брюсова и Белого переплелись уже в юношеские годы: оба писателя в разное время окончили гимназию Л. И. Поливанова, одно из лучших частных учебных заведений Москвы. В памяти Белого сохранился образ Брюсова-гимназиста (*На рубеже двух столетий*, стр. 322—323). Знаменательно, что в выпускных классах гимназии и Брюсов и Белый проповедовали среди соучеников свое понимание идей символизма. Осмыслия связь жизненных судеб — своей и Брюсова, Белый подчеркивает духовное сродство их юношеских устремлений: «Но в целом несхожие Брюсов и Белый пересекаются в атмосфере, в точке исхода: от позитивизма к символизму. Случайна ли их встреча впоследствии? Разумеется — нет: они должны были встретиться» (там же, стр. 198).

С поэзией Брюсова Белый познакомился в 1899 г.: «...читаю «Шедевры» Валерия Брюсова (это имя чаще все подымается в наших беседах с Соловьевыми; помнится, — именно в это время Соловьевы знакомятся у Шестеркиных с Брюсовым и рассказывают мне о нем)»¹. В том же 1899 г. Брюсов вместе с С. А. Поляковым создает изда-

тельство «Скорпион», приступившее к систематическому выпуску книг русских и западноевропейских символистов. Белый формируется тем временем в оригинального художника, автора ряда стихотворений, драматических отрывков и симфоний. «Декадентство» он считает лишь временной стадией развития «нового» искусства; символисты же, по Белому, должны стремиться к «творчеству жизни», к преображению жизни и искусства. При этом Белый отмечает: «Брюсов и Гиппиус (особенно Гиппиус) мне говорят; прочие — нет...»² Белый считает Брюсова поэтом, находящимся на промежуточной стадии развития от «декадентства» к символизму, «ибо в нем силы упадка казались уравновешенными потенцией к новому творчеству» (*Начало века*, стр. 112).

Интерес к Брюсову-поэту восполнялся интересом к личности Брюсова. В памяти Белого запечатлелись первые случайные встречи с Брюсовым на улице, на театральном представлении³. В свою очередь, в дневниковой записи Брюсова о визите к Соловьевым, относящейся к сентябрю 1901 г., мы впервые находим упоминание о Белом: «Ждали сына проф. Бугаева, декадентствующего юношу, жаждавшего меня видеть, но случилось, что его не было дома (он живет рядом)» (*Дневники*, стр. 106).

В 1901 г. Белый вступил в литературу при непосредственном содействии Брюсова. В сентябре он читал свою вторую «Симфонию» в доме Соловьевых; М. С. Соловьев обратился к Брюсову как руководителю «Скорпиона» с предложением ее напечатать. Брюсов высоко оценил произведение молодого автора. «Получается ответ Брюсова на запрос М. С. Соловьева о моей «Симфонии»; Брюсов считает «Симфонию» прекрасным произведением и уведомляет, что «Скорпион» печатает ее, но только через год, ибо «Скорпион» уже на год завален работой; тогда М. С. Соловьев решается лично спешно печатать «Симфонию» под маркой «Скорпиона» (который на это соглашается); я не хочу печатать «Симфонию» под моим именем; мы выдумываем псевдоним мне; я предлагаю: «Бурево́й», но М. С. смеется: «Нет, когда узнают, что автор — вы, то будут смеяться: это не Бурево́й, а «Бори вой»... М. С. придумывает мне псевдоним: «Андрей Белый» и делается моим крестным отцом в литературном крещении»⁴.

Личное знакомство Брюсова и Белого состоялось 5 декабря 1901 г. на квартире у Соловьевых (*Начало века*, стр. 153). На другой день Брюсов вместе с Мережковскими вновь был у Соловьевых; на вечере опять присутствовал Белый. Брюсов отнесся к знакомству с ним поначалу несколько иронически: «Были там еще два наших студента-декадента: Бугаев, Борис Николаевич (автор «Симфоний» и сын проф. Бугаева) и Петровский, чуть-чуть заикающийся: Бугаев старался говорить вещи очень декадентские. Оба благоговели перед Мережковским и Зиночкой»⁵.

С начала 1902 г. Брюсов устанавливает с Белым прочные личные контакты, знакомит его со своими литературными соратниками. Без преувеличения можно утверждать, что Брюсов ввел Белого в круг символистов и стал его непосредственным литературным наставником. Дневниковые записи Брюсова в июле 1902 г. свидетельствуют о том, что он начал воспринимать Белого как талантливейшего выразителя новой волны символизма: «В те же дни был у меня Бугаев, читал свои стихи, говорил о химии. Это едва ли не интереснейший человек в России. Зрелость и дряхлость ума при странной молодости. Вот очередной на место Коневского!»⁶. В октябре того же года Брюсов записывает свои впечатления от знакомств с «целым рядом новых и молодых»: «Всех этих мелких интереснее, конечно, А. Блок, которого я лично не знаю, а еще интереснее вовсе не мелкий, а очень крупный Б. Н. Бугаев — интереснейший человек в России» (*Дневники*, стр. 122). «Он очень настоящий человек, — признается Брюсов П. П. Перцову. — У меня душа успокаивается, когда я думаю, что он существует»⁷.

Эта увлеченность объяснялась, конечно, ярким художественным талантом молодого писателя, обаянием его личности, но также в немалой степени интересом Брюсова к тем новым идейным тенденциям, которые принес с собой в символизм Белый. Ко времени сближения с Брюсовым вокруг Белого сплотились молодые московские поэты, художники и философы, образовался кружок «аргонавтов». Вдохновлявшиеся религиозной философией позднего Вл. Соловьева и философско-поэтическими произведениями Ницше, «аргонавты» жаждали насыщения жизни новым духовным смыслом, пытались развивать апокалипсическое мирозерцание. Упоение «музыкой зорь»

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

С рисунка А. А. Тургеневой, 1909

Assja Turgenieff. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart, 1972

и стихийная, импульсивная передача эмоционального состояния — гармонического предчувствия грядущих свершений — в этом, по существу, и заключался весь пафос «аргонавтизма». Отношение Брюсова к «аргонавтизму» Белого было двойственным. С одной стороны, он не скупился на иронию при обрисовке мистического кружка: «Все, иже с Белым, замкнулись в общество «Арго», где выискивают «чистых» духом и говорят раз в неделю, по пятницам, о добродетели»⁸; с другой — стремился всерьез и глубоко осмыслить идеалы «младших» символистов и собственную в этой связи позицию, жалея даже, порой, что ему недоступны прозреваемые ими духовные сферы. Об этом свидетельствует его стихотворение «Младшим», опубликованное в апреле 1903 г. и вошедшее в книгу «Urbi et Orbi».

Наряду с пристальным интересом к философским исканиям Белого, Брюсов всячески старался способствовать развитию молодого писателя, подходя к его произведениям со строгой требовательностью. Белый неоднократно отмечал значение этих советов и разборов для своего творчества, Брюсов для него — «воспитатель вкуса» и «учитель стиховедения»⁹. «...я обязан ему всей карьерой своей; я ни разу себя не почувствовал пешкой, не чувствовал «ига» его: только помощь, желание помочь, облегчить», — подчеркивал Белый (*Начало века*, стр. 159). Подтверждением этих слов служит хотя бы история печатания первого сборника стихов Белого «Золото в лазури» в «Скорпионе»: Белый полностью доверял литературному вкусу и опыту Брюсова, в том числе даже в сугубо авторском деле — выборе заглавий.

Брюсов откликнулся рецензией на этот сборник, сравнив в ней поэтическое мастерство Белого и Вяч. Иванова¹⁰. «В Белом больше лиризма, в Вяч. Иванове больше

художника. Творчество Белого ослепительнее: это вспышки молний, блеск драгоценных камней, разбрасываемых пригоршнями, торжественное зарево багряных закатов (...) В Белом есть восторженность первой юности, которой все ново, все в первый раз». Белый достигает поэтических высот исключительно интуитивными художественными прозрениями, которые перемежаются явными недочетами и промахами. В рецензии Брюсова он предстает значительным талантом, находящимся в процессе становления.

В свою очередь, и для Белого Брюсов после выхода «Urbi et Orbi» вырастает во всем своем значении. В письме к Э. К. Метнеру (ноябрь 1903 г.), предвзяв обширные выписки из книги Брюсова, Белый восторженно заявляет: *«Брюсов по этому сборнику оказывается единственным современным поэтом, держащим в руках судьбы будущей русской поэзии. Все иные (включая сюда и Бальмонта) мелкие величины сравнительно с Брюсовым. Такой концентрации, мощи, порой Микель-Анжеловских взмахов, вдумчивости русская поэзия не видала со времен Фета, Тютчева, Майкова. Правда, легко просмотреть (особенность всех крупных авторов) Брюсова (он не ярок), но мое глубочайшее убеждение, что отныне к именам Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Дельвига, Тютчева, Майкова, Полонского, Ал. Толстого до л ж о п р и с о е д и н я т ь и м я Б р ю с о в а !..»*¹¹.

К концу 1903 г. Брюсов имел в лице Белого надежного и преданного литературного союзника. Эта консолидация осуществилась реально на страницах журнала «Весы», вокруг которого Брюсов объединил основные силы символизма. Оба писателя придавали огромное значение «Весам» в деле самоопределения «нового» искусства, равно как обоих не удовлетворял опыт предшественника «Весов» — религиозно-философского и литературного журнала «Новый путь». «Весы» явились для Брюсова воплощением потребности именно в своем журнале, с преобладанием собственно эстетических задач над религиозными и идеологическими. С 1904 г. началась совместная журнальная работа Брюсова и Белого, длившаяся шесть лет.

Различия в понимании сущности искусства Брюсовым и Белым определились еще до начала издания «Весов», но в 1904 г. они ими сознательно не заострялись. Над эстетическими ценностями, апологетом которых был Брюсов, Белый воздвигал систему религиозно-философских построений; искусству как самоценному творчеству он противопоставлял искусство в его провиденциальном, теургическом значении, художественному творчеству отводилось подчиненное место перед «творчеством жизни». Белый писал Э. К. Метнеру 14 июня 1904 г.: «Весы» прежде всего тенденциозный орган с фанфарами, плакатами, зазываниями в сторону «нового искусства» (...) Но в «Весях» молодая русская литература прокладывает себе путь к официальному признанию (...) Я понимаю: «Весы» банальны декадентской банальностью, но для того, чтобы стать выше этой банальности, публика должна переболеть ею. И вот рассадники декадентской банальности *суть* полезные этапы на пути развития»¹².

Таким образом, основой единения Брюсова и Белого в «Весях» было общее литературное дело, хотя и различно понимаемое. Глубокие личные конфликты 1904—1905 гг., о которых пойдет речь ниже, писатели стремились не переносить в литературу; Белый писал: «...мы оба перешагнули через личную вражду, порой даже ненависть — там, где дело касалось одинаково нам дорогой судьбы литературного течения: под флагом символизма» (*Начало века*, стр. 414). Объединение Брюсова и Белого на страницах журнала было, однако, не только тактическим, но отчасти и мировоззренческим. В начальный период издания «Весов» Брюсов решительнее, чем когда бы то ни было, склонялся к иррационалистической интерпретации художественного творчества. «Искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство — то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства — это приотворенные двери в Вечность», — писал он в программной статье «Ключи тайн», открывавшей первый номер «Весов»¹³. Грядущей судьбе искусства Брюсов придает жизнетворческий и даже мессианский смысл: именно искусству суждено указать пути к «вечной свободе». И в статье Брюсова «Священная жертва» можно отметить близость с «теургической» концепцией искусства Белого: «Мы требуем от поэта, чтобы он неустанно приносил свои «священные жертвы» не только стихами, но каждым часом

своей жизни, каждым чувством <...> Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь»¹⁴. Примечательно, что Белый неоднократно цитировал эти слова Брюсова для защиты своих воззрений¹⁵. Именно в 1904 г. Брюсов написал знаменитое стихотворение «Конь блед», навеянное апокалипсическими мотивами, столь близкими Белому. Утверждая, что это стихотворение «лучшее, что мной пока написано», Брюсов отметил: «А. Белый и юный С. М. Соловьев, когда я им его прочел, повскакали со стульев»¹⁶.

Творчество друг друга писатели оценивали неизменно в высшей степени положительно. Так, рецензируя альманах издательства «Гриф» (1905), в котором был помещен цикл стихов Белого «Тоска по воле», Брюсов писал: «Первая книга Белого («Симфония драматическая») показала сразу столько своеобразия в творчестве начинающего поэта, что его позднейшие произведения были для многих некоторым разочарованием. Но — при смелости такого сравнения — мне хочется напомнить о солнце, которое, стремительно пройдя первую часть небосвода, начинает подниматься к зениту медленнее и более плавно. В новых стихах Белого <...> его лиризм входит в свои берега, словно расплавленный и кипящий металл постепенно принимает свою определенную, ему предназначенную форму»¹⁷. Что касается Белого, то творчество Брюсова стало для него объектом постоянного восхищения и сферой поэтических откровений, а также и самым благодарным материалом для проведения своих взглядов на искусство. В июле 1904 г. Белый публикует статью «Поэзия Валерия Брюсова». В ней предпринята попытка раскрыть философскую сущность творчества Брюсова. Поэзия Брюсова оказывается созвучной идеальным представлениям Белого о символистском искусстве: в ней он находит наиболее полное проявление вечного во временном, сочетание свободы творчества с внутренней необходимостью, высокого поэтического порыва с безукоризненной четкостью и строгостью воплощения: «Везде стремление соединить в символе случайность обыденного явления с его вечным, мировым, не случайным смыслом. И чем случайней поверхность явления, тем величественнее сквозящая в нем Вечность»¹⁸.

Развитием подобного истолкования творчества Брюсова явилась статья Белого «Апокалипсис в русской поэзии», опубликованная в апрельском номере «Весов» за 1905 г. и приведшая к открытой полемике между Брюсовым и Белым на страницах журнала¹⁹. В этой статье Белый рассматривает исторический опыт русской поэзии под мистико-теургическим углом зрения. Искусство, долженствующее стать теургическим творчеством, явится преодолением господствующего в мире хаоса, шагом на пути к достижению жизненной цельности и гармонии. Преодолеть хаос суждено именно русской поэзии, которая, по убеждению Белого, исполнена апокалипсического смысла.

Белый выделяет «два русла», по которым развивается русская поэзия; одно из них берет начало от Пушкина, другое — от Лермонтова. «Отношением к тому или иному руслу определяется характер поэзии Некрасова, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева, Брюсова и, наконец, Блока. Только эти имена и западают глубоко в нашу душу: талант названных поэтов совпадает с providенциальным положением их в общей системе развития национального творчества»²⁰.

Одно из утвержденных Белым метафизических начал, идущее от Пушкина и дробящее пушкинскую гармонию в неорганизованный хаос, осуществляется в поэзии Брюсова. Однако Белый с сожалением констатирует отсутствие в ней «огня религиозных высот»: «Прекрасное тело его музы еще не оживлено, оно механизировано хаосом: это автомат, движимый паром и электричеством»²¹. Другое русло, в котором смогли отразиться религиозные помыслы, присущие «русской душе», Белый выводит из поэзии Лермонтова, его развитие он видит в поэзии Вл. Соловьева и его преемника А. Блока. «Лермонтовская и пушкинская струя русской поэзии, определившись в Брюсове и Блоке, должны слиться в несказанное единство», — заключает Белый²².

Брюсов остался недоволен статьей. Теоретические установки Белого безусловно противоречили его воззрениям на искусство, которые он стремился утвердить в «Весках». И, несмотря на то, что Белый неслыханно высоко охарактеризовал его поэзию, Брюсов решил печатно возразить ему. В следующем номере «Весов» появилось «открытое письмо Андрею Белому» под названием «В защиту от одной похвалы». «Конечно, лестно оказаться в числе шести избранных, рядом с Тютчевым и Фетом, — писал

Брюсов, — но не понадеялся ли ты, Андрей, слишком на свой личный вкус?» И он приводит имена значительных поэтов, которые оказались за пределами предложенной Белым схемы. Брюсов требует выводить критерии достоинств поэзии исключительно из внутренних художественных качеств самих произведений; эстетические концепции, объясняющие искусство по признакам, с искусством общих черт не имеющим, будут грешить тенденциозностью и только обеднять художественные произведения. И Брюсов предлагает оценивать поэтов «только по достоинствам и недостаткам их поэзии, ни по чему другому»²³. Брюсов сознавал известную резкость своего открытого письма к Белому, он даже советовался с С. А. Поляковым о возможности помещения письма на страницах «Весов»: «Статья моя о Белом, хотя и резка, но, на мой вкус, очень хороша. Если вам покажется, что ее неудобно печатать в «Весах», pošлю ее в «Вопросы жизни»²⁴.

В июньском номере «Весов» было напечатано ответное «открытое письмо Валерия Брюсову» — «В защиту от одного нареkania». Вслед за Брюсовым Белый признал правомерной идею независимости художественного творчества, однако защищал и свое право ставить искусство в обусловленную связь с религией, не усматривая противоположности между точкой зрения «теургической» и собственно эстетической: «Так почему же ты отнимаешь у меня право рассматривать, как преломилась та или иная религиозная идея в тех или иных эстетических формах? Или должен я снова и снова провозглашать независимость Красоты?»²⁵.

«Весовскими» открытыми письмами Брюсов и Белый заявили о себе как о приверженцах различных теоретических позиций в символизме. В «семейной полемике»²⁶ Брюсова и Белого впервые определенно проявились кардинальные различия в лагере сгруппировавшихся вокруг «Весов» символистов, казавшемся тогда читательскому миру единым и монолитным. Эти различия намечались, впрочем, не только в теоретической, гласной полемике, но еще более ощутимо и значительно для обоих писателей в их личных взаимоотношениях 1904—1905 гг., своеобразно преломившихся в романе Брюсова «Огненный ангел».

2

Известно, что в основу сюжета «Огненного ангела» легли биографические коллизии: «треугольнику» Рупрехт — Рената — граф Генрих соответствуют личные отношения Брюсова, Нины Петровской и Андрея Белого. Брюсов сознательно запечатлел в отношении персонажей реальные ситуации и характеры. В черновиках последовательно биографических глав романа мы находим пояснительные пометы Брюсова: «Преимущественно о Белом», «Понял, что ее любовь — истерия, не ко мне, не к Б. Н., а вообще»²⁷. На жизненную основу романа многократно указывал и Белый: он писал, что Брюсовым осуществлена «мифизация» <...> наших отношений в эпоху 1904—1905 годов в его романе «Огненный ангел», где он меня удостоил роли графа Генриха»²⁸.

В символистском окружении к тому времени определилось восприятие Брюсова как поэта-«мага», в значительной степени это было обусловлено его известной увлеченностью спиритизмом и вообще «тайными науками». Белый способствовал созданию такого восприятия: в 1903 г. в альманахе «Гриф» появилось его стихотворение «В. Я. Брюсову», вошедшее в сборник «Золото в лазури» под заглавием «Маг»:

...В венце из звезд, над царством скуки,
Над временем вознесены,—
Застывший маг, сложивший руки,
Пророк безвременной весны.

В письме к Э. К. Метнеру от 25 июля 1903 г. Белый дал свое истолкование брюсовского «магизма» и значения этой маски в утверждении нового: «Среди официальных выразителей магизма, с сознательным актерством регулирующих себя перед обществом, гальма первенства принадлежит, конечно, Брюсову, который *«играет роль»* с чувством, с пафосом, исполняя свою миссию (миссию показного мага) перед целой

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВЪ ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЬ

ПОВѢСТЬ XVI ВѢКА, ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА. КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ». МСМVIII

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЬ»

М., «Скорпион», 1908

Обложка

Росси́ей, п, конечно, заслуживает уважение и признание за это, ибо он же — гром-отвод, принимающий львиную долю грязи, оскорблений на себя, приучающий нашу мужиковато удивляющуюся толпу не удивляться. Не знаю, понятно ли характеризую его, но для меня понятен и по-своему близок *an sich* Брюсов. Вот почему в своем стихотворении я и постарался дать изображение идей и *прототипа* Брюсова»²⁹.

В сборнике «Urbi et Orbi» Брюсов в свою очередь поместил стихотворение «Андрею Белому», явившееся откликом на первый сборник стихов Белого и перепевом его основных мотивов и стиля.

Я многим верил до иступленности,
С такой надеждой, с такой любовью!
И мне был сладок мой бред влюбленности,
Огнем сожженный, залитый кровью.

Как глухо в безднах, где одиночество,
Где замер сумрак молочно-сизый...
По снова голос! зовут пророчества!
На мутных высях чернеют ризы!

«Брат, что ты видишь?» — Как отзвук молота,
 Как смех внемирный мне отклик слышен:
 «В сияньи небо — вино и золото! —
 Как ярко дали! как вечер пышен!»

Отдавшись снова, спешу на кручи я
 По острым камням, меж их изломов.
 Мне режут руки цветы колючие,
 Я слышу хохот подземных гномов.

Но в сердце — с жаждой решение строгое,
 Горит надежда лучом усталым.
 Я много верил, я проклял многое
 И мстил неверным в свой час кинжалом.

В стихотворении в первый раз намечена оппозиция, приобретающая определенность в последующих личных отношениях поэтов: Белому, приобщенному к мировой гармонии и пророчествующему на «мутных высях», противопоставлен Брюсов в маске страстного и мстительного героя; первый образ отмечен цельностью и лучезарной оптимистичностью, второй — трагической дисгармонией. В 1904 г. Белый воспринимал это стихотворение исключительно в личном плане, связывая его с обострением отношений между ним, Брюсовым и Н. И. Петровской³⁰.

Петровская была одной из участниц кружка «аргонавтов». Из числа соратников Белый с осени 1903 г. начал выделять Петровскую, подчеркивая ее «особую чуткость» к нему. Отношение Петровской к Белому было благоволевым; в мемуарах она сообщает, что считала его «новым Христом». Постепенно эта духовная связь начинает восприниматься Белым как реальное воплощение открытых им качественно новых человеческих отношений — непосредственной духовной близости, осуществляющейся в мистическом откровении и «мистериальной» любви. Раннюю стадию своих отношений с Петровской Белый отразил в стихотворении «Преданье» (декабрь 1903 г.). Однако в конце января 1904 г. произошло изменение в их отношениях, потрясшее все его жизненные устои: «...вместо грез о мистерии, братстве и сестринстве оказался просто роман <...> чувствовалось — недоумение, вопрос; и, главным образом, — чувствовался срыв: я ведь так старался пояснить Нине Ивановне, что между нами — Христос; она — соглашалась; и — потом, вдруг, — *такое*». Мои порывания к мистерии, к *теургии* потерпели поражение»³¹. Целостность жизненной концепции Белого не выдержала натиска извне, отсюда глубокий трагизм разочарования в себе, утрата уверенности в способности к жизнетворческому «подвигу», ощущение себя самозванным пророком. Отношения Белого и Петровской при этом не составляли тайны в символистском окружении, и Брюсов едко пронизировал над близостью «грифики» и «ангелоподобного Андрея»³². В августе 1904 г. между Белым и Петровской происходит разрыв, но еще более драматический оттенок отношениям трех участников этой истории стало придавать зарождавшееся сближение Петровской и Брюсова.

Переживания 1904—1905 гг. Брюсов осознавал как этапный, кризисный процесс в своем мироощущении, вызванный, с одной стороны, революционными катаклизмами, с другой — глубоко личными переживаниями, связанными с любовью к Петровской. Для него наступил «год бури, водоворота»: «Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов...» (*Дневники*, стр. 136). Как «связь двух врагов» воспринимал свои отношения с Брюсовым и Белый. Потрясенный крушением своих упований, он все отчетливее начинает воспринимать Брюсова как некий роковой феномен, овладевший его сознанием: «...с Брюсовым устанавливаются холодные, жуткие отношения»³³.

В феврале 1904 г. Белый пишет ряд стихотворений; упоминая позднее о них, он отмечал влияние брюсовской поэтики на свое творчество: «Я пишу несколько отрывков стихотворных, посвященных Брюсову, и с удивлением вижу по ним, что от ритмов «Золота и лазури» и следа не осталось; влияние поэзии Брюсова на себе я ощущаю болезненно; в этом влиянии точно сламывается во мне что-то; февраль могу назвать

перегоранием *«Золота в лазури»* в *«Пепел»*³⁴. Все это ярко проявилось и в новом стихотворении *«Маг»*, в котором Белый изображает Брюсова властелином, одиноко царящим над вселенной.

Упорный маг, постигший числа
И звезд магический узор,
Ты — вот: над взором тьма нависла...
Тяжелый, обожженный взор.
.....
Ты знаешь: мир, судеб развязка,
Течение быстрое годин —
Лишь снов твоих пустая пляска;
Но в мире — ты, и ты — один...³⁵

В этом стихотворении гордый повелитель мира — лишь одна из брюсовских личин, одновременно Брюсов предстает Белому как «черномаг и отдушник, из которого, как из печки, в дни ужасов кто-то выбрасывает столбы серных паров»³⁶. О своих отношениях с Брюсовым в 1904 г. он вспоминал: «...весь стиль наших встреч — открытое, исступленное нападение Брюсова на устои моего морального мира; и я отвечал не предвзято на это — перчаткою, брошенной Брюсову; между нами господствовал как бы вызов друг друга на умственную дуэль»³⁷.

В это время Брюсов уже был готов к реализации замысла *«Огненного ангела»*, его позиция объяснялась в известной мере и писательской заданностью — воплотить возможно точнее и полнее задуманные психологические типы, проверить «жизнью» сюжетные ходы. Белому же мотивы поведения Брюсова были поначалу неведомы, и он мучился в поисках выхода из создавшегося положения. Если верить многочисленным свидетельствам Белого, Брюсов действительно стал сознательно выступать в роли «мага», демонического искусителя и служителя «тьмы». Такая установка, несомненно, была лишь умелым исполнением этой роли, но она имела под собой серьезное и глубокое внутреннее противостояние всей мировоззренческой системе Белого. Это противостояние осуществлялось и в поэтическом творчестве.

В том же 1904 г. Брюсов работал над стихотворением *«Предание»*. Это был отклик на упомянутое выше стихотворение Белого под тем же названием³⁸. Брюсов посвятил его Белому, но в трактовке темы он утверждает именно те ценности, отказ от которых воспел Белый. В стихотворении Белого воплощены мистические томления по «мистериальной» любви, Брюсов воспекает земную любовь. В описании заката на море и отплытия пророка вдаль Брюсов почти буквально повторяет Белого, но завершает картину противоположным образом. У Белого пророк перед отплытием надевает сибилле венок из ландышей:

Сибилла грустно замерла,
Откинув пепельный свой локон.
И ей надел поверх чела
Из бледных ландышей венок он.

В брюсовском же *«Предании»* после отплытия пророка перед сибиллой появляется «верховный жрец и снимает надетый пророком венок:

И тень, приблизившись, легла,
Верховный жрец отвел ей локон,
И тихо снял с ее чела
Из белых ландышей венок он.

Далее Брюсов живописует тайную любовь жреца и сибиллы. Любовь «святую», воспетую Белым, он заменяет всепоглощающей эротикой; на сибилле вместо венка из белых ландышей — венок из роз. В стихотворении Белого сибилла остается ждать пророка, и на камне навеки остается надпись «Sanctus Amor». Стихотворение Брюсова заканчивается иной картиной: пророк возвращается к сибилле. Любовь небесная и

единение с вечностью снижены, и это позволяет Брюсову воспеть как несравненно большую ценность «хаотическое» земное, человеческое чувство. Все цитаты из Белого, тщательно воспроизводимые Брюсовым, действуют против первоисточника. Брюсов писал стихотворение в ноябре 1904 г., затем дорабатывал его, но так и не опубликовал.

В ноябре 1904 г. Белый воплотил ощущение своей роковой подвластности Брюсову в строках стихотворения «Отчаянье»: ³⁹⁻⁴⁰

Двойник мой гонится за мной;
Он на заборе промелькает,
Скользнет вдоль холодной мостовой
И, удлившись, вдруг истает.
Душа, остановись — замри!
Слепите, снеговые хлопья!
Вонзайте в небо, фонари,
Лучей наточенные копы!

«Брюсов становится для меня темным, безвестным другом-врагом, пронзающим копыми гипноза, — писал Белый в ноябре 1904 г. — То я начинаю осознавать, что все *«это»* есть наваждение <...> И когда я восклицаю — *«вонзайте в небо, фонари, лучей наточенные копы»*, то я как бы уступаю действию гипноза Брюсова» ⁴¹. Трансформированный образ Брюсова возникает и в философско-поэтической прозе Белого («Химеры», «Сфинкс»). В первом из этих произведений описана борьба «юноши с солнечными волосами» с преследующими его «химерами», одна из которых — некий «профессор мрака», бросающийся на противника «жадно и мстительно», «слова его — море шипящих змей» ⁴². В «Сфинксе» представления, внушенные восприятием Брюсова, воплощены в образе «мага, закрытого пледом»; решительно ниспровергается магия: «Не ремесло человеку магия. Ужас — она» ⁴³.

Конфликт достиг высшего напряжения, когда Брюсов отправил Белому свое стихотворение «Бальдеру Локи» ⁴⁴, свернув лист в виде стрелы.

Светлый Бальдер! Мне навстречу
Ты, как солнце, возносишь лик.
Чем лучам твоим отвечу?
Опаленный я поник.
Я взбегу к снегам на кручи:
Ты смеешься с высоты!
Я внесусь багряной тучей:
Как звезда, сияешь ты!
Припаду на тайном ложе
К алой ласковости губ:
Ты метнешь стрелу, — и что же!
Я, дрожа, сжимаю труп.
Но мне явлен Нертой мудрой
Призрак будущих времен.
На тебя, о златокудрий,
Лук волшебный наведен.

.....

Угрозы «светлому богу» завершаются пророчеством о гибели «небесных сил» («Нет! не вечен в мире свет!») и воцарении «сумрака». Учитывая, как обостренно воспринимал Белый борьбу света с мраком, небесного с земным, можно представить, что послание Брюсова он мог воспринять (и воспринял) как нападение на всю свою жизненную позицию ⁴⁵. Борьба с брюсовским «искушением» стала в этот период главным стимулом его духовной жизни. 14 декабря 1904 г. Белый отправил Брюсову — в ответ на «Бальдеру Локи» — стихотворное послание «Старинному врагу», сопроводив его особым листом, на котором начертил крест и привел несколько цитат из Евангелия;

КАРИКАТУРА НА БРЮСОВА

Рисунок Андрея Белого

В подписи — строки
из стихотворения Брюсова
«Бальдеру Локи»:«Светлый Бальдер, ты, как солнце,
мне навстречу взносишь лик»Центральный архив литературы
и искусства СССР, Москва

весомненно, он придавал этому определенный мистический смысл: отвержение крестным знаменем «дьявольского» наваждения: «Пока писал — чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и — знал: на клочке посылаю заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии — раз навсегда, грохотала во мне сила света»⁴⁶.

Старинному врагу

в знак любви и уважения

Я был в ущелье. Демон горный
Взмахнул крылом — затмился свет.
Он мне грозил борьбой упорной.
Я знал: в борьбе пощады нет.

И длань воздел. И облак белый
В лазурь меня — в лазурь унес.
Опять в эфирах вольный, смелый,
Омытый ласковостью рос!

Ты несея ввысь со мною рядом,
Подобный дикому орлу.
Но опрокинут тяжким градом,
Ты пал, бессильный, на скалу.

Ты пылью встал, но пыль, но копать
Спалил огонь, рассеет гром.
Нет, не взлетишь: беспечно хлопать
Своим растрепанным крылом.

Моя броня горит пожаром.
 Копье мне — молния, Солнце — щит.
 Не приближайся: в гнев яром
 Тебя гроза испепелит.

1904 года, 9-го декабря ⁴⁷.

Стихотворение «Старинному врагу» произвело сильнейшее впечатление на Брюсова, что стало известно Белому: «Получив это стихотворение, он видит во сне, что между нами дуэль на рапирах и что я проткнул его шпагой; просыпается — с болью в груди (это я узнал от Н. И. Петровской)» ⁴⁸. Белый воспринял реакцию Брюсова как победу своего образа мышления, как торжество «света» над «тьмою». Брюсов, действительно, почувствовал несостоятельность своей роли «демона-искусителя» перед выстрадавшими морально-религиозными устоями Белого. 1 января 1905 г. он написал стихотворение «Бальдеру. II», предпослав ему характерный эпиграф из З. Н. Гиппиус: «Тебя приветствую, мое поражение», которое завершило умственный поединок поэтов.

Кто победил из нас, — не знаю!
 Должно быть, ты, сын света, ты!
 И я, покорствуя, встречаю
 Все безнадежные мечты.

Своим и я отметил знаком
 Ту, за кого воздвигся бой,
 Ей на душу упал я мраком
 И в бездны ринул за собой.

Но в самом ужасе падений,
 На дне отчаянья и тьмы,
 Твой дальний луч рассеял тени,
 И в небеса взглянули мы! ⁴⁹

.....

Впоследствии ощущение мистической подвластности Брюсову у Белого постепенно исчезало, но неприязненные отношения оставались, грозя привести к новым осложнениям. Именно такое столкновение и произошло в феврале 1905 г.; это был чисто «внешний» конфликт, не сопровождавшийся какими-либо психопатологическими переживаниями, но едва не приведший к дуэли. Брюсов, зайдя к Белому, завел разговор о Мережковском и оскорбительно отозвался о нем. После ухода Брюсова Белый написал ему письмо с осуждением его «злословия» (см. п. 44); на следующий же день (20 февраля) Брюсов отправил Белому ответное послание, фактически явившееся вызовом на дуэль (см. п. 45). Поступок Брюсова привел Белого в полное недоумение, так как он не видел для дуэли, и вообще для ссоры, никакого повода; вызов он воспринял как заранее организованное нападение. В ответном письме Белый отказался признать свои слова оскорбительными и еще раз, более сдержанно, разъяснил их смысл. Брюсов счел себя удовлетворенным объяснениями. Белый осмыслил вызов Брюсова в непосредственной связи со всем характером их предшествующих отношений: «...у меня с Брюсовым должна была быть *эмпирическая*, а не символическая дуэль, или, лучше сказать, тут символизм наших отношений хотел *окончательно воплотиться*» (как черт в Ивана Карамазова)» ⁵⁰.

Обостренное ощущение обоими писателями личных конфликтов в 1905 г. вытеснялось интересом к общественным проблемам, который всколыхнула первая русская революция. В 1905 г. Брюсов писал, что ему «по душе революционное действие» ⁵¹, а Белый признавался в начале 1906 г.: «О, как полюбил я красные стяги революции <...> Я вне партий, но если бы *необходимость* толкнула, конечно был бы с крайними. Я их так полюбил» ⁵². Революционные события усилили гражданские мотивы в поэзии Брюсова, переосмысление собственного политического сознания. Белый упорно воспринял революцию как первый катаклизм в ожидаемом катастрофическом потря-

сении основ мироздания. Оба писателя равно стремились преодолеть в общественном пафосе кризисность своего мироощущения.

Летом 1905 г. в отношениях Брюсова и Белого наметились новые стороны, прежде всего — попытка отрешиться от внутренней враждебности, оставшейся после напряженных психологических схваток. Постепенно между писателями установились спокойные дружеские отношения, которые, все более укрепляясь, приобрели оттенок своеобразной нежности и любви. Основой этого сближения было общее дело — издание «Весов». В конце 1906 г. вышел сборник рассказов Брюсова «Земная ось» с посвящением: «Андрею Белому память вражды и любви» — своего рода резюме личных отношений Брюсова и Белого 1903—1906 гг.

Когда Белый ознакомился с первыми главами «Огненного ангела», печатавшегося в «Весах», ему открылась заданность тех странностей, которыми его преследовал Брюсов: «...он, бросивши плащ на меня, заставлял произвольно меня в месяцах ему позировать, ставя вопросы из своего романа и заставляя на них отвечать; я же, не зная романа, не понимал, зачем он, за мною — точно гоняясь, высматривает мою подноготную и экзаменует вопросами: о суеверии, о магии, о гипнотизме, который-де он практикует; когда стали печататься главы романа «Огненный ангел», я понял «стилистику» его вопросов ко мне» (*Начало века*, стр. 284).

И действительно, отношения Белого, Петровской и Брюсова обнаруживают прямые параллели в сюжете «Огненного ангела». Андрей Белый — глава кружка «аргонавтов», чтимый в нем как «пророк», — становится прототипом графа Генриха фон Оттергейма — члена некоего тайного мистического общества, поставившего задачей искание пути к «правде и свету». История отношений Белого и Петровской, послужившая одной из причин кризиса «аргонавтического» мироощущения Белого, аналогична коллизиям, запечатленным в романе: граф Генрих сближается с благоговейщей перед ним, как перед «ангелом», Ренатой, которая склоняет его и к «земной» любви, после этого он переживает крушение своих жизненных надежд; внезапное «бегство» графа Генриха от Ренаты соответствует стремлению Белого прервать связь, которая начала тяготить его. Постепенное сближение Петровской и Брюсова также находит отражение в истории приключений Рупрехта и Ренаты. Центральный эпизод романа — встреча и последовавшая дуэль Рупрехта и графа Генриха — совмещает две биографические предпосылки: «умственную дуэль» Брюсова и Белого, сопровождавшуюся «гипнотическими» опытами и стихотворными посланиями, и вызов на дуэль «эмпирическую». Поединок героев романа представляет собой символическое изображение личных и мировоззренческих столкновений писателей: «...я очень скоро убедился, что совершенно неосновательно судил о фехтовальном искусстве своего соперника, ибо под своим клинком обрел я шагу твердую, быструю и ловкую (...) И вот уже стало казаться мне, что глаза Генриха сияют где-то в высоте надо мною, что наш бой идет в свободных надземных пространствах, что это не я отбиваю нападения врага, но что темного духа Люцифера теснит с надзвездной высоты светлый архистратиг Михаил и гонит его во мрак преисподней...»⁵³. Рупрехт при этом терпит поражение подобно Брюсову на дуэли «умственной». В романе преломляются и последующие дружеские отношения Брюсова и Белого: после смерти Ренаты Рупрехт встречается с графом Генрихом и мирится с ним. В одном из черновых вариантов этой сцены Рупрехт дарит графу молитвенник Ренаты с надписью «Память вражды и любви»⁵⁴, дословно совпадающей с посвящением Белому сборника «Земная ось». Самый облик графа Генриха, тщательно воссозданный Брюсовым, можно рассматривать как исходящий от внешности Белого; все особенности характера и поведения этого героя романа также восходят к его прототипу.

3

Мучительная личная борьба с Брюсовым не могла не активизировать у Белого тенденций противостояния «декадентству», представление о котором у него, естественно, связывалось с именем Брюсова. Например, 21 декабря 1904 г. (неделю спустя после отсылки стихотворения «Старинному врагу») он написал письмо Полякову, в котором

объявил о своем решении порвать всякие отношения с Брюсовым: «Я совершенно разуверился в убежденности большинства так называемых декадентов, т. е. я уверен в их полной беспринципности <...> Валерия Брюсова я ненавижу и презираю теперь, когда открылись для меня его карты»⁵⁵. Но вслед за этим письмом последовало другое, рисующее душевное состояние Белого: «Все, что я писал вам, — неправда, неправда, неправда. Я иступленный, нервный, измученный человек, мне самому больно, и я другим делаю больно. За что, за что я так отнесся к Бальмонту и Брюсову? Ведь я их люблю <...> Мне бы хотелось и писать в «Весах» и не разрывать связей с людьми, которые мне дороги»⁵⁶. Вместе с тем неудовлетворенность «декадентством» вылилась у Белого в цельную систему взглядов, которую он изложил в большом письме, адресованном Брюсову, но по существу направленном ко всему брюсовскому литературному окружению (см. п. 52).

К концу 1905 г. в мнропонимании Белого происходит постепенное смещение в сторону большей трезвости и реальной обусловленности. «Аргонавтический символизм» сменяется «теоретико-познавательным символизмом»; Белый начинает черпать вдохновение уже не столько в Соловьеве и Ницше, сколько в «чистой логике» неокантианства. В последнем номере «Весов» за 1905 г. он объявил о новых стимулах духовных исканий, отличных от заповеданных «учителями»: «Мы преклонились пред будущим. Но теперь, когда будущее запоздало, мы требуем гарантий, во имя чего мир прекрасных форм, мыслей и знаний должны мы предавать иступленному безумию <...> Не отказываясь от религии, мы призываем с пути безумий к холодной ясности искусства, к гистологии науки, к серьезной, как музыка Баха, строгости теории познания»⁵⁷. Это повлекло за собой постепенное и изменение отношения Белого к ниспровергаемому «декадентству»: если не время говорить о «грядущем», то закономерной «ближней» задачей оказывается утверждение символизма как художественно-эстетического течения. Белый лапидарно охарактеризовал эту «перемену декораций»: «вместо «аргонавтизма» — журналистика от «символической, московской» школы <...> до «1905» года не «Весы» *par excellence*; с 906 до 908 и 909 — «Весы» *par excellence*»⁵⁸. С этого времени деятельность Белого осуществляется уже не просто на страницах «Весов», как ранее, но все более во славу «Весов», что сближало его с Брюсовым в тактических, а отчасти и в эстетических позициях вплоть до 1909 г. Уже в 1905 г., когда Брюсов сузил рамки своей непосредственной работы в «Весах», Белый отчасти компенсировал это расширением своего участия: в 1905 г. в «Весах» появилось вдвое больше статей и рецензий Белого, чем в 1904 г.

В 1906 г. писатели заняли единую позицию по отношению к новым тенденциям в литературе, отстаивая символизм «Весов» в широко развернувшейся полемике по поводу попытки Г. И. Чулкова и Вяч. Иванова создать новую философско-эстетическую теорию — мистический анархизм. Около двух лет продолжалась ожесточенная литературная борьба, расколовшая лагерь символистов и объединившая Брюсова и Белого, а также некоторых других писателей, прежде всего Эллиса и З. Н. Гиппиус, в группу самых последовательных и непримиримых ниспровергателей мистического анархизма, равно как и других попыток обновления символизма.

В рецензии на книгу Чулкова «О мистическом анархизме» (1906) Белый выдвинул в тезисной форме основные упреки: «случайность и неотчетливость определений», смешение и недостаточная дифференциация понятий анархизма и индивидуализма, поверхностная связь с общественностью, неясность политических аллюзий⁵⁹. Столь же критичной явилась статья Брюсова о книге. Брюсов адресует мистическим анархистам упрек в создании лишь новых терминов («ярлычков» и «кличек»), а не оригинальной теории, в эклектическом объединении положений из различных философских и социальных учений для изготовления «слабого раствора позаимствованного мистицизма»⁶⁰. Своей рецензией, наиболее категоричной по тону среди других откликов на книгу Чулкова, Брюсов предварил последующий натиск «Весов», и в первую очередь Белого, на мистический анархизм.

Сплочению Брюсова и Белого в полемике с мистическим анархизмом сопутствовали их почти панегирические отзывы о творчестве друг друга: над былым идейным противостоянием к этому времени возобладало стремление к взаимопониманию и

творческому взаимообогащению. В частности, в рецензии на «третью симфонию» «Возврат» Брюсов назвал Белого провозвестником и первооткрывателем новых миров, провозвещающим действительность «светом иного бытия». Охарактеризовав «пророческие» основы таланта Белого, Брюсов высоко оценивает собственно эстетические достоинства его «симфонийного» творчества: «Возврат» должен быть признан лучшей, наиболее совершенной из трех симфоний А. Белого <...> Как все истинно значительные произведения искусства, симфонии А. Белого создают свою собственную форму, не существовавшую до них»⁶¹. В рецензии на литературно-философский сборник «Свободная совесть» (кн. 1) Брюсов называет в целом его мистическую проблематику «грудой мертвых костей» и, напротив, вдохновенно пишет о Белом⁶². Брюсов стремился упрочить авторитет Белого и за пределами России. «Тронула меня ваиа похвала Андрею Белому, которого я лично чту очень высоко, — писал он шведскому писателю Альфреду Йенсену. — У него есть страстные поклонники, но до сих пор он не занял в нашей литературе подобающего ему положения»⁶³.

В свою очередь Белый опубликовал в 1906 г. статью «Венец лавровый» — о поэзии Брюсова. Вероятно, это вообще самая высокая оценка его творчества, когда-либо высказывавшаяся. Белый утверждает, что имя Брюсова должно стоять в одном ряду с именами величайших русских поэтов; единственно равновеликой Брюсову фигурой во всей русской поэзии Белый считает Пушкина: «То, что укрыл Пушкин, выдал Брюсов <...> И если в Брюсове мы подчас угадываем Пушкина, то в Пушкине с равным правом мы начинаем видеть ряд новых брюсовских черт». Брюсов в концепции Белого характеризуется и тем, что он, «достигнув художественной цельности <...> стоит между творчеством и жизнью, очищенной творчеством»⁶⁴.

Совместная работа укрепляла сближение поэтов. Если Брюсов был «инспириатор и вождь самой активной, сплоченной и ортодоксальной группы символистов»⁶⁵, то Белый стал наиболее непримиримым и темпераментным полемистом среди возглавляемых Брюсовым «весовцев». В 1907 г. Белый обрушился на завоевавшее популярность «чулковство» со всей силой своего критического таланта. Одна за другой появлялись статьи Белого, большей частью в «Весах», в которых он обличал мистический анархизм и вызванное им брожение в среде петербургских литераторов («Штемпелеванная калоша», «Иван Александрович Хлестаков», «Люди с «левым устремлением», «Вольноотпущенники» и др.). В своих филиппиках Белый уже не ограничивался приемами привычной литературной критики, но придавал мистическому анархизму значение некоего мирового глумления и «опошления духовных ценностей». Резкость и ожесточенность Белого оказались созвучными установкам Брюсова на неприятие мистико-анархического обновленчества и определили тон литературной полемики в «Весах».

Существенную роль в обострении литературной борьбы сыграл конфликт Белого и Брюсова с журналом «Золотое руно», с которым писатели, в силу ряда внешних и внутренних причин, разошлись еще в первой половине 1907 г.; в разгар полемики состоялся окончательный разрыв. Поводом к инциденту послужила статья Белого «Против музыки» и возражение на нее его ближайшего друга Э. К. Метнера «Борис Бугаев против музыки», помещенное в «Золотом руно»⁶⁶. Белый написал ответное «письмо в редакцию» «Золотого руна», в котором полемизировал с Метнером по существу проблемы, однако владелец журнала Н. П. Рябушинский наотрез отказался его печатать⁶⁷. Отказ был чисто формальным, ибо Рябушинский сразу же дал согласие на публикацию при условии возвращения Белого в состав сотрудников «Золотого руна», что было расценено писателем как наглое оскорбление. Возмущенный Белый опубликовал протест в газете «Столичное утро» (5 августа 1907 г.). Через три дня в той же газете появился ответ Рябушинского, который Брюсов расценил как попытку «оклеветать Белого, говоря неправду, заведомую и непростительную»⁶⁸. В тяготах газетной распри Белый пользовался полной поддержкой Брюсова. Опытный литературный дипломат и писатель, обладавший большим авторитетом у символистов, он склонил на сторону Белого многих писателей, числившихся сотрудниками «Золотого руна». 21 и 22 августа в газетах появились два коллективных письма с отказом от сотрудничества в журнале Рябушинского⁶⁹.

Помимо защищаемых теоретических положений, «весовцы» опирались на творчество Брюсова, которое мыслилось ими как эталон художественных ценностей; имя Брюсова было знаменем, а поэтические достоинства его творчества — каноническими и неоспоримыми. И С. Соловьев, и Эллис, и другие «весовцы» опубликовали немало панегирических строк — и в стихах и в прозе, — посвященных Брюсову; пальма первенства в этом, безусловно, принадлежала Белому. «Огненный ангел» глубоко импонировал Белому и Эллису своей классической строгостью, ясностью и тонким чувством стиля. Белый в своей статье о романе противопоставлял его модной современной литературе: «Нет здесь кричащих перьев модернистского демимонда; нет косметики выкриков и страшных псевдосимволистских зубовных скрежетов; нет здесь шелестящих шелков импрессионизма, ни брызжущих в нас дешевых духов современных словечек, то есть всего того, чем жив модернизм; несомненно, в высшей степени несомненно Валерий Брюсов в своем романе. Но за это и оценят его подлинные любители изящной словесности»⁷⁰.

Одна за другой появляются статьи Белого, анализирующие творчество и писательский облик Брюсова⁷¹; все они продолжают линию его апологетической статьи «Венец лавровый». Особенную известность приобрела статья «Поэт мрамора и бронзы», оказавшая большое влияние на читательское восприятие поэзии зрелого Брюсова. Белый создал литературный портрет Брюсова, сопоставимый с известным портретом поэта работы Врубеля: «Когда я вспоминаю образ В. Брюсова, этот образ неизменно предстает мне со сложенными руками. Застывший, серьезный, строгий, стоит одиноко Валерий Брюсов среди современной пляски декаданса». В поэтическом мастерстве Брюсова Белый неустанно подчеркивает его классическую завершенность и стройность. «Творческий материал» Брюсова — «всегда мрамор», стихи его отчетливо изваяны, «как мраморные статуи», изощренны, «как мраморное кружево», их созидает он «рыцарским мечом». «Вчитайтесь теперь в эти стихи и вы получите большее, чем могут вас одарить почти все современные русские поэты»⁷².

Существовала, однако, и оборотная сторона монолитного единства Брюсова и Белого, все явственнее и настойчивее обнаруживались противоречия, связанные с проведением литературной тактики, с новой силой сказывалось различное отношение к символизму самих лидеров «Весов». Хотя Белый и Эллис и встали на защиту брюсовской школы от модного эклектического сочетания символизма с натуралистическими тенденциями, не менее рьяно они выступали против эстетизма, свойственного и брюсовской ветви в символизме. Белый и Эллис отстаивали в «Весах» строгое, чисто духовное, «рыцарское» искусство, образцом которого служило им творчество Брюсова, а сам Брюсов зачастую предоставлял те же страницы произведениям подчеркнуто эстетским, с примесью изощренного эротизма. Недовольство положением дел в журнале было вызвано у Белого и тем, что он не мог в полной мере развернуть теоретико-философскую деятельность по обновлению «системы символизма»; этот аспект, глубоко занимавший Белого, не был интересен большинству его соратников, и в первую очередь Брюсову. Белый писал о своей «весовской» работе: «Мои 65 статей напоминают мне тугие колбасы, набитые двумя начинками: начинкою *«темы дня»* с подложенными в тему кусочками мыслей о символизме; эти последние всегда — *«контрабанда»* <...> в «тылу», в «штабе», где заседал Брюсов, нами провозглашенный вождь, с удовольствием относились к обкладыванию петербуржцев и с сонным зевком к заданиям и теориям *«символистской школы»*: Брюсов, Ликиардопуло, Борис Садовской; и еще сколько!»⁷³. Наконец, положение в «Весах» обостряла фактическая диктатура Брюсова. Белый сам способствовал ее утверждению своими восхвалениями и даже был заинтересован в ее существовании с целью укрепления платформы «Весов». Однако единовластие Брюсова не могло не повлечь за собой новых конфликтов; неизбежно обнаруживалась разнонаправленность теоретических и художественных установок создателей «ортодоксального» символизма, давали о себе знать и личные разногласия. К началу 1908 г. относится пространное письмо Белого к Эллису, свидетельствующее об обострении отношений между ведущими сотрудниками журнала. Белый адресует Брюсову упреки в «варварском» подходе к нему, в превышении своих «председательских» прав, во всевозможных бестактностях и т. д.⁷⁴

В 1908 г. журнал Брюсова и Белого перешел в новую, последнюю фазу своего существования. Белый утрачивал интерес к «Весам», вплотную работая в 1909 г. над организацией издательства «Мусагет», ставившего своей задачей утверждение религиозно-философского символизма; Брюсов также находился в поисках нового литературного пристанища, пока не стал (с сентября 1910 г.) заведующим литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль».

Годы издания «Весов» были временем наибольшего общения Брюсова и Белого, которое оказывалось настолько тесным, что позволяло порой объединять их далеко не совпадавшие литературные позиции. Как бы итогом шестилетнего взаимодействия писателей явилась книга стихов Белого «Урна», посвященная Брюсову. Во вступительном цикле к ней Белый объединил стихи, в которых запечатлел образ Брюсова — «поэта», «мага», «созидателя»; этим стихам суждено было стать едва ли не самым известным литературным портретом Брюсова.

Грустен взор. Сюртук застегнут.
Сух, серьезен, строен, прям —

Ты над грудой книг изогнут,
Труд несешь грядущим дням.

Вот бежишь: легка походка;
Вертишь трость — готов напасть.

Пляшет черная борода,
В острых взорах власть и страсть ⁷⁵.

.....

Поэтическую характеристику своих отношений с Белым дал и Брюсов в стихотворении «Андрею Белому», написанном в начале 1909 г. В нескольких строфах Брюсов вновь, вслед за «Огненным ангелом», воссоздал эту многолетнюю тесную, противоречивую связь — изначальное несходство «двух путей», вражду, вдохновленную «палющей страстью», которая сменилась «путем единым»:

И, — помню, — кроя в сердце муку,
Как смертный, впившийся кинжал,
Братоубийственную руку
Я на поэта подымал...

И что ж! На пламени сомненья,
Что злобно зыблила вражда,
Сковались тайной цепи звенья,
Нас соединившей навсегда.

Я, в миги страшные, измерил
Твоих безумий правоту,
И ты, восторженный, поверил
В мою спокойную мечту ⁷⁶.

В ответном стихотворении Белого «Встреча», обращенном к Брюсову — «поэту и брату», также изображено в символической форме бывшее противоборство («И острое вонзилось жало // В мою взволнованную грудь») и единение писателей («Братоубийственную руку // Я радостно к груди прижал...»):

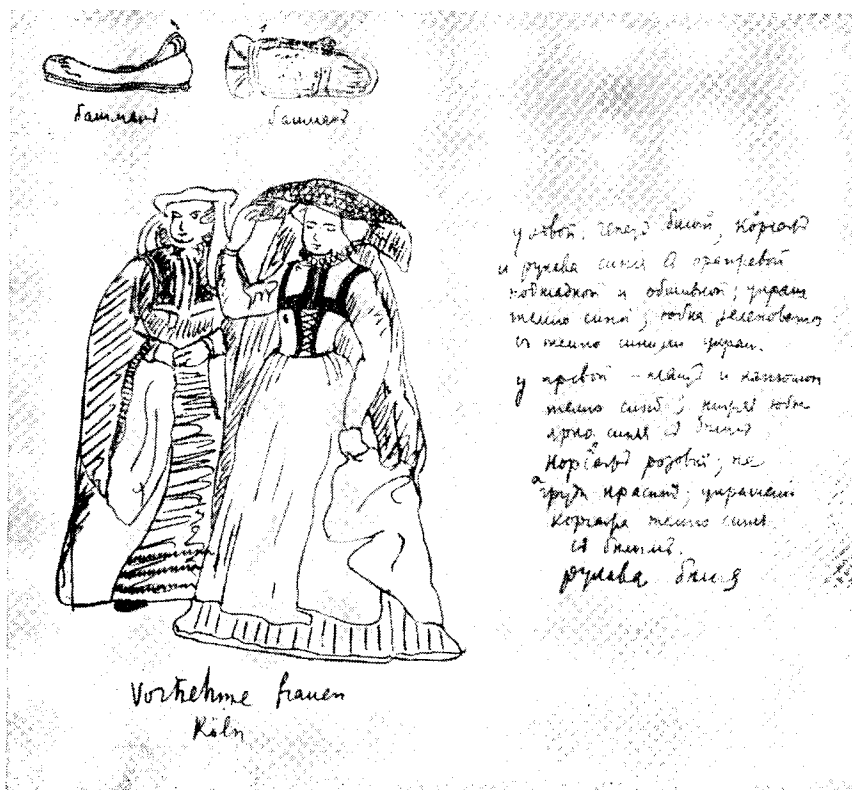
Нам с высей не идти назад:
Мы смотрим на одни вершины,
Мы смотрим на один закат... ⁷⁷

Брюсов откликнулся на «Урну» рецензией, определив книгу как «чисто лирическую», как «исповедь» поэта, в отличие от сборника «Пепел», в котором Белый «объективирует свои чувства, ищет для выражения своего я приемов эпоса». Большое значение стихов Белого, воплощенного в них «трагедию своего «самосожжения», несомненно для Брюсова, и своей задачей он ставит характеристику поэтики сборника: «В «Урне» А. Белый выступает как новатор стиха и поэтического стиля и вводит в русскую поэзию метод письма, которым до него еще никто не пользовался. Стихи «Урны» гипнотизируют читателя, заставляют его, против воли, войти в настроение поэта. То впечатление, какое они производят, ближе напоминает впечатление от музыки, чем от поэтического произведения»⁷⁸. Подчеркивая достоинства стиха Белого, разработку его звуковой стороны, Брюсов указывает и на определенные недочеты — недостаточную заботу о шлифовке языка, неловкость и натянутасть иных выражений и пр.

Высокая оценка Брюсовым художественного творчества Белого всегда шла вразрез с его отношением к теоретическому осмыслению символизма Белым, причем расхождение это после прекращения «Весов» опять выдвинулось на первый план и было декларировано со всей определенностью. В новом журнале «Аполлон» разгорелась полемика о символизме, во многом напоминавшая старый спор по поводу «Апокалипсиса в русской поэзии»⁷⁹. Брюсов, которому неизменно было «до тошноты отвратительно всасывание художественным творчеством мистического духа»⁸⁰, вновь выступил со страстной защитой «автономности» искусства; Белый написал ответную статью «Венок или венец», где обвинил Брюсова в измене идеалам символизма⁸¹.

Взаимоотношения писателей в 1910—1911 гг. носили уже, в сравнении с предшествующими годами, в основном внешний, эпизодический характер, а в январе 1912 г. между ними произошла решительная размолвка, способствовавшая их разъединению в течение ряда лет, — инцидент с романом Белого «Петербург». В 1911 г. Белый договорился с Брюсовым о публикации в «Русской мысли» своего еще не написанного романа. За октябрь — декабрь 1911 г. Белый с огромным напряжением сил написал половину романа и передал Брюсову рукопись, но редактор «Русской мысли» П. Б. Струве решительно воспротивился публикации романа в журнале. Струве объявлял роман «небрежным», «незрелым» и «уродливым», но Белый имел основания утверждать, что для редактора «Русской мысли» была скорее неприемлема в его произведении резкая критика правительственно-бюрократических кругов. Брюсову пришлось выступать в роли посредника между Струве и Белым. «Брюсов вертелся-таки, как пойманный с поличным, — вспоминал Белый; — разрываясь между мной и Струве, то принимался он похваливать «Петербург» <...> то он менял позицию и начинал доказывать, что роман недоработан и нуждается в правке»⁸². Брюсов, действительно, находил «Петербург» (вернее, раннюю редакцию романа, так и не увидевшую света) произведением неровным, но целесообразность его опубликования в журнале считал неоспоримой и пытался склонить Струве к такой же точке зрения. «Достоинства у романа есть бесспорные, — писал он Струве. — Все же *новый роман Белого* есть некоторое событие в литературе. Интересное само по себе, даже независимо от его абсолютных достоинств. Отдельные сцены нарисованы очень хорошо, и некоторые выведенные типы очень интересны. Наконец, самая оригинальная манера письма, конечно, возбудит любопытство, наряду с хулителями найдет и страстных защитников и вызовет подражания»⁸³. Струве не изменил своего категорического решения, а раздраженный Белый возложил равную вину за отклонение романа и на Брюсова: «Брюсов очень уж мне перегрыз горло, так что я совсем пал духом как писатель»⁸⁴. «Считаю: роль Брюсова в этом деле отнюдь красотою не блещет, — писал он в 1923 г. — С этого времени к Брюсову у меня водворилось одно отношение: шапочного знакомства»⁸⁵. Смертельная обида повлекла за собой литературное размежевание писателей, а отъезд Белого за границу в марте 1912 г. сделал невозможными даже случайные встречи.

Только в конце августа 1916 г. Белый возвратился в Москву. Вскоре после этого со стороны Брюсова была сделана попытка восстановить отношения с Белым. 20 октября с письмом к нему обратилась И. М. Брюсова; очевидно с ведома и одобрения Брюсова она писала: «Глубокоуважаемый Борис Николаевич, вы в Москве и до сих

ТИШЫ ГЕРМАНИИ XVI ВЕКА

Перерисовки Брюсова из книги: Fr. H o s s e n r o t h. Deutsche Volkstrachten. Frankfurt, 1900, т. I

Материалы к роману «Огненный ангел»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

пор не захотели нас с Валерием Яковлевичем повидать. Это грустно. А мы жаждем посмотреть, услышать вас, поговорить с вами» (ГБЛ, ф. 25.10.8). Но примирение между писателями тогда не состоялось.

Вновь судьбы Брюсова п Белого перекрестились после Октябрьской революции, когда писатели оказались по одну сторону баррикад. Оба они, хотя и каждый по-своему, приняли революцию, оба, хотя и в разной мере, участвовали в строительстве новой культуры. Миросозерцание их, однако, оставалось по-прежнему сугубо различным. Белый, солидаризировавшийся в эти дни с Блоком и развпавший «скифскую» идеологию, переживал революцию под углом своих философско-поэтических воззрений, отмеченных влиянием антропософского учения Р. Штейнера. Брюсов более последовательно распрощался с былыми идеалами, изменив, в частности, позицию по отношению к символизму; направление, лидером которого он был долгие годы, Брюсов оценивал теперь только как историческое прошлое русской литературы. Убеждение в отсутствии поступательного движения в символизме сказывалось и на оценке Брюсовым новых книг Белого. Упомянув о сборнике «Королевна и рыцари» и поэме «Первое свидание», Брюсов отмечает: «...решительно ниже себя во всех своих новых стихах был и Андрей Белый»⁸⁶. Рецензируя «поэму о звуке» Белого «Глоссолалия», в которой изложены субъективнейшие построения о природе звуков человеческой речи, Брюсов заключает, что она содержит только «пустые гадания» и «произвольнейшие параллели между творчеством языковым и всем мпрозданием»: «Это все столь же убедительно, как и то, что для Андрея Белого звук А — белый, для Артюра Рембо — черный, для Р. Балмонта — опаловый»⁸⁷.

В первые пореволюционные годы писателям приходилось встречаться, но лишь случайно, мельком, при неизбежном перекрещении литературных и организационных дел. Возобновлению личных отношений препятствовала память о конфликте 1912 г. Примирение произошло лишь в августе 1924 г. в Коктебеле, в доме Волошина, куда приехал отдохнуть Брюсов и где жил тогда Белый. «Я очень благодарен Коктебелю хотя бы за то, — писал Белый после кончины Брюсова, — что перед смертью Валерия Яковлевича с ним встретился и мирно прожил, можно сказать, под одним кровом 3 недели: мы примирились — без объяснений; и как бы простились (даже дурачились вместе); он был очень хил: ходил, опираясь на палку, и кашлял; но был примиренный и тихий, какой-то грустный; точно он примирялся, прощаясь, — с миром, с писателями»⁸⁸.

А несколько месяцев спустя Белый провожал гроб с телом Брюсова по улицам Москвы: «...я не участвовал в процессии, — лишь «от себя самого» проводил на тротуаре Брюсова вдоль Пречистенки...»⁸⁹. На кончину Брюсова Белый откликнулся мемуарным очерком, полным глубокого и благодарного осознания величия Брюсова и значения его литературной деятельности для русского искусства и для писательского пути самого Белого⁹⁰. Впрочем, позднейшая оценка Белым личности, творчества и литературной позиции Брюсова составляет тему, заслуживающую специального освещения.

Переписка Брюсова и Белого сохранилась неполностью. Всего до нас дошло 140 писем (67 — Брюсова, 73 — Белого). Из них публикуется 97. Остальные письма представляют собой краткие записки, написанные, как правило, по случайным и малозначащим поводам.

Основная часть писем Брюсова хранится в ГБЛ, в фонде Андрея Белого (ф. 25. 10. 9а); там же, в фонде Брюсова, — большинство писем Белого (ф. 386. 79. 1—3). Местонахождение писем из других архивохранилищ указано в примечаниях.

Письма Белого к Брюсову ранее не публиковались. Из писем Брюсова к Белому ранее были опубликованы (с неточностями) А. Островским письма 19, 23, 31 и 40 («Литературный критик», 1939, № 10-11, стр. 236—241).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Андрей Белый. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора (1923). — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 11 об. — 12. О Соловьевых см. п. 1, примеч. 2. О Шестеркиных см. наст. том, стр. 622—623.

² Там же, л. 26 об. Запись относится к декабрю 1901 г.

³ См.: Андрей Белый. Валерий Брюсов. — «Россия», 1925, № 4 (13), стр. 265; *Начало века*, стр. 151—152.

⁴ «Материал к биографии...», л. 25 об. Первая книга Белого — «Симфония (2-я, драматическая)». М., «Скорпион», <1902>. Белый передает здесь первое впечатление Брюсова о «Симфонии». Позднее оно несколько осложнилось. В библиотеке Брюсова сохранился экземпляр этой книги с многочисленными пометами: одни отрывки перечеркнуты, другие выделены на полях; на первом листе Брюсов написал: «Пустота и искренность смешаны тут везде...» (ср.: К. П у р и ш е в а. Библиотека Валерия Брюсова. — ЛН, т. 27-28, стр. 670).

⁵ *Дневники*, стр. 110. Об А. С. Петровском см. п. 13, примеч. 5.

⁶ Там же, стр. 121. — Об Иване Коневском см. наст. том, стр. 208.

⁷ Письмо от 19 октября 1902 г. — ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 21. В ответном письме от 20 октября 1902 г. Перцов предостерегал: «Вы переоцениваете восходящего Бугаева» (ГБЛ, ф. 386.98.9).

⁸ Письмо к Перцову от 24 сентября 1905 г. — «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 43.

⁹ «Россия», 1925, № 4, стр. 272; *Начало века*, стр. 164.

¹⁰ «Весы», 1904, № 4, стр. 60—62.

¹¹ ГБЛ, ф. 167. 1.27. Столь же восторженная оценка книги Брюсова дана Белым в письме к Блоку (*Переписка*, стр. 58).

¹² ГБЛ, ф. 167.1.37.

¹³ «Весы», 1904, № 1, стр. 19. Ср. суждение Брюсова о «Ключах тайн» в письме к С. А. Венгерову от 16 декабря 1905 г.: «Много там вздору, и давно я с этой статьей не согласен» (цит. в кн.: К. Д. М у р а т о в а. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М. — Л., 1966, стр. 171).

¹⁴ «Весы», 1905, № 1, стр. 29.

¹⁵ См. статьи Белого «Обломки миров» («Весы», 1908, № 5) и «Венок или венец» («Аполлон», 1910, № 11).

¹⁶ Письмо к Перцову от 19 марта/1 апреля 1904 г. — «Печать и революция», 1926, № 7, стр. 42.

¹⁷ «Весы», 1905, № 3, стр. 60.

¹⁸ «Новый путь», 1904, № 7, стр. 135.

¹⁹ См. об этом также: В. Ф. Асмус. Эстетика русского символизма. — В его кн.: «Вопросы теории и истории эстетики». М., 1968, стр. 548.

²⁰ «Весы», 1905, № 4, стр. 17.

²¹ Там же, стр. 20.

²² Там же, стр. 26.

²³ «Весы», 1905, № 5, стр. 37—38.

²⁴ ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 32. «Вопросы жизни» — журнал, издававшийся в 1905 г. Д. В. Filosoфовым, Д. Е. Жуковским и Г. И. Чулковым после прекращения «Нового пути».

²⁵ «Весы», 1905, № 6, стр. 40. Судя по письмам Б. М. Рунт к Брюсову (июнь 1905 г.), опубликованный вариант ответа Белого был значительно сокращен редакцией по сравнению с рукописью (ГБЛ, ф. 386.101.9а).

²⁶ Выражение Вяч. Иванова в письме к Брюсову от 20 сентября 1905 г. — См. наст. том, стр. 486.

²⁷ См.: С. С. Г р е ч и ш к и н, А. В. Л а в р о в. О работе Брюсова над романом «Огненный ангел». — *Чтения 1971*, стр. 134; ср. стр. 123—124.

²⁸ Андрей Б е л ы й. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития (1928). — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 74, л. 9.

²⁹ ГБЛ, ф. 167.1.19.

³⁰ О Н. И. Петровской см. наст. том, стр. 773—774.

³¹ «Материал к биографии...», л. 42 об. — 43.

³² «Грифихой» Брюсов назвал Петровскую в письме к Перцову от 5 ноября 1903 г. (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 23); «ангелоподобный Андрей» — из письма Брюсова к З. Н. Гиппиус, лето 1903 г. (ГБЛ, ф. 386.70.37, л. 43).

³³ «Материал к биографии...», л. 43 об.

³⁴ Там же.

³⁵ Андрей Б е л ы й. Урна. Стихотворения. М., «Гриф», 1909, стр. 18—19. Стихотворение датировано здесь: «1904, 1908»; в изд. 1923 г.: «1904. Март».

³⁶ Письмо к Э. К. Метнеру (1904, вторая половина мая). — ГБЛ, ф. 167. 1.35.

³⁷ Андрей Б е л ы й. Начало века. Берлинская редакция (1921—1922). — ГПБ, ф. 60, ед. хр. 11, л. 69.

³⁸ *Неизд. стих.* 1935, стр. 116—119. Авторская датировка стихотворения: «1904 — ноябрь, 1905 — март, 1906 — март». «Преданье» Белого вошло в кн. «Золото в лазури».

³⁹⁻⁴⁰ Альманах «Гриф». М., 1905, стр. 9.

⁴¹ «Материал к биографии...», л. 50 об.

⁴² «Весы», 1905, № 6, стр. 4—5.

⁴³ «Весы», 1905, № 9-10, стр. 40, 41.

⁴⁴ Бальдр и Локи — герои скандинавских мифов. Бальдр — юный светлый бог, сын Одина; характерна его роль пассивной жертвы. Локи — стихийный, «демонический» многоликий герой, сеющий распри между богами (см.: «Младшая Эдда», Л., 1970, стр. 81—82). Ср. комментарий Брюсова к этому стихотворению (*St*, стр. 172). Опубликовано впервые стихотворение было с подзаголовком «Андрею Белому» (*СП*—1905, стр. 35—36).

⁴⁵ Сохранилось несколько рисунков Белого, созданных под впечатлением от этого послания. Опубликовано В. Н. Орловым в кн.: «Переписка»; см. также наст. том, стр. 337 и 383.

⁴⁶ «Начало века». Берлинская редакция, л. 74.

⁴⁷ Стихотворение опубликовано в журнале «Вопросы жизни» (1905, № 3), с посвящением «В. Б.»; в прижизненные сборники не включалось; перепечатано в кн.: Андрей Б е л ы й. Стихотворения и поэмы. М. — Л., 1966, стр. 465. Первая строфа здесь существенно отличается от публикуемой нами по рукописи (ГБЛ, ф. 386.79.1, л. 47—47 об.).

⁴⁸ «Материал к биографии...», л. 51.

⁴⁹ *Стихотворения и поэмы*, стр. 502—503. Брюсов первоначально предполагал включить «Бальдеру. II» в *St*.

⁵⁰ Письмо к Э. К. Метнеру от 1 апреля 1905 г. — ГБЛ, ф. 167.1.44.

⁵¹ Письмо к Г. И. Чулкову (октябрь 1905 г.). — В кн.: Чулков, стр. 336.

⁵² Письмо к А. М. Ремизову. — ГПБ, ф. 634, ед. хр. 38.

⁵³ *Собр. соч.*, т. 4, стр. 161.

⁵⁴ ГБЛ, ф. 386.32.5, л. 16.

⁵⁵ ИМЛИ, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 21.

⁵⁶ Там же.

- ⁵⁷ Борис Б у г а е в. На перевале.— «Весы», 1905, № 12, стр. 70—71.
- ⁵⁸ Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г.— ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 18.
- ⁵⁹ «Золотое руно», 1906, № 7-8-9, стр. 174—175.
- ⁶⁰ А в р е л и й. Вехи. V. Мистические анархисты.— «Весы», 1906, № 8, стр. 47.
- ⁶¹ «Весы», 1905, № 12, стр. 59—60.
- ⁶² Валерий Б р ю с о в. Звенья. 1. Сборник «Свободная совесть».— Литературное приложение № 3 к газете «Слово», № 389, 1906, 20 февраля.
- ⁶³ Письмо от 8/21 декабря 1906 г. (Nils Åke Nilsson. Eight Letters from Valerij Brjusov to Alfred Jensen.— «Studia slavica Gunnaro Gunnarsson sexagenario dedicata». Göteborg — Stockholm — Uppsala, 1960, p. 79—80).
- ⁶⁴ «Золотое руно», 1906, № 5, стр. 44, 50.
- ⁶⁵ Максимов, 1940, стр. 204.
- ⁶⁶ Борис Б у г а е в. На перевале. VI. Против музыки.— «Весы», 1907, № 3; В о л ь ф и н г <Э. К. Метнер>. Борис Бугаев против музыки.— «Золотое руно», 1907, № 5.
- ⁶⁷ «Письмо в редакцию» Белого появилось в журнале «Перевал» (1907, № 10).
- ⁶⁸ Письмо к Ф. Сологубу от 31 августа 1907 г.— «Литературный Ленинград», 1934, № 51 (73), 8 октября.
- ⁶⁹ См. наст. том, стр. 698.
- ⁷⁰ «Весы», 1909, № 9, стр. 91.
- ⁷¹ «Валерий Брюсов. Пути и перепутья».— «Критическое обозрение», 1907, вып. 5, стр. 32—35; «Поэт мрамора и бронзы».— «Раннее утро», 1907, № 27, 19 декабря; перепеч. в кн. Белого «Арабески» (М., «Мусагет», 1911); «Валерий Брюсов. Силуэт».— «Свободная молва», 1908, № 1, 21 января; перепеч. в кн. Белого «Луг зеленый» (М., «Альциона», 1910).
- ⁷² «Арабески», стр. 451, 453.
- ⁷³ «Почему я стал символистом...», л. 28.
- ⁷⁴ ГБЛ, ф. 25.30.6.
- ⁷⁵ «Урна», стр. 16.
- ⁷⁶ Пути и перепутья, том III, стр. 139—141. Набросок другой редакции этого стихотворения приведен в примечаниях в Собр. соч., т. 1, стр. 652.
- ⁷⁷ «Урна», стр. 21.
- ⁷⁸ РМ, 1909, № 6, библиографический отдел, стр. 135, 136.
- ⁷⁹ См. об этом предисловие к переписке Брюсова и Вяч. Иванова (наст. том, стр. 431).
- ⁸⁰ Эти слова Белого «со стенографической точностью» воспроизводит Н. Валентинов в мемуарах «Два года с символистами» (Stanford, California, 1969, s. 145).
- ⁸¹ См.: Валерий Б р ю с о в. О «речи рабской» в защиту поэзии.— «Аполлон», 1910, № 9 (отд. I), стр. 31—34; Андрей Б е л ы й. Венок или венец.— «Аполлон», 1910, № 11 (отд. II), стр. 1—4. К этому времени относится и имеющая специальный характер полемика между Брюсовым и Белым по стиховедческим проблемам: Брюсов откликнулся на стиховедческие работы Белого, помещенные в его кн. «Символизм» (М., «Мусагет», 1910), статьей «Об одном вопросе ритма» («Аполлон», 1910, № 11, (отд. I), стр. 52—60), на которую возразил Белый (статья «К вопросу о ритме». — ГБЛ, ф. 190.55.19). См. об этом нашу заметку «О стиховедческом наследии Андрея Белого» («Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика». Тарту, 1971, стр. 67—68).
- ⁸² Андрей Б е л ы й. Воспоминания, т. III, ч. II.— ЛН. т. 27-28, стр. 455. Подробнее инцидент с «Петербургом» рассмотрен в статье: Л. К. Д о л г о п о л о в. Андрей Белый в работе над «Петербургом» (Эпизод из истории создания романа).— «Русская литература», 1972, № 1, стр. 157—167.
- ⁸³ И. Я м п о л ь с к и й. Валерий Брюсов о «Петербурге» Андрея Белого.— «Вопросы литературы», 1973, № 6, стр. 317—318.
- ⁸⁴ Письмо к Э. К. Метнеру от 30 января 1912 г.— ГБЛ, ф. 167.2.52.
- ⁸⁵ Андрей Б е л ы й. Воспоминания о Блоке.— «Эпопея», 1923, № 4, стр. 217.
- ⁸⁶ Валерий Б р ю с о в. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии.— «Печать и революция», 1922, № 7, стр. 49. Ср. другую его оценку стихотворений сборника «Королева и рыцари»: «В общем они повторяют мысли и приемы других книг Андрея Белого» («Художественное слово», 1920, № 1, стр. 57).
- ⁸⁷ «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 246.
- ⁸⁸ Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику от 8 декабря 1924 г.— ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 15. В этом же письме Белый описывает шуточное представление при участии своем и Брюсова — «коллективный кинематограф». Ср.: Леонид Г р о с с м а н. Борьба за стиль. М., 1927, стр. 294—295.
- ⁸⁹ Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику (март 1925 г.).— ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 16.
- ⁹⁰ Андрей Б е л ы й. Валерий Брюсов.— «Россия», 1925, № 4 (13), стр. 263—280.

1. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. До середины октября〉 1902

Дорогой мне Борис Николаевич!

Очень мне грустно, что вы меня не застали. Но в этот час я всегда в «Русском архиве»¹. Одновременно с этим пишу Михайлу Сергеевичу², прошу позволения быть у него в субботу: может быть, будете у них и вы. Если это неудобно Соловьевым или вам, не назначите ли заранее вечера — я буду вас ждать. В пятницу у меня спириты³. Вам это, вероятно, не любопытно.

Ваш Валерий Брюсов

Датируется приблизительно по упоминанию о работе в РА: 14—15 сентября 1902 г. Брюсов «разошелся» с этим журналом (ЛН, т. 27-28, с. 283).

¹ «Русский архив» — ежемесячный исторический и историко-литературный журнал (1863—1917), издававшийся П. И. Бартеневым (см. о нем наст. том, стр. 629). В течение четырех лет (1899—1902) Брюсов активно сотрудничал в журнале Бартенева, «был его помощником по изданию «Русского архива» (В. Брюсов. За моим окном. М., «Скорпион», 1913, стр. 56).

² Михаил Сергеевич Соловьев (1862—1903) — сын историка С. М. Соловьева, переводчик, педагог, издатель сочинений своего старшего брата, Вл. С. Соловьева. М. С. Соловьев познакомился с Брюсовым в сентябре 1901 г., когда прочитал статью последнего «Поэзия Владимира Соловьева», появившуюся в РА, 1900, № 8 (см.: *Дневники*, с. 106). Его жена, Ольга Михайловна Соловьева (1855—1903), — художница, переводчица, поклонница модернистской литературы и искусства.

³ В начале 1900-х гг. Брюсов увлекался спиритизмом и устраивал у себя на квартире спиритические сеансы с участием русских и иностранных медиумов.

2. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. 2—4 ноября〉 1902

Дорогой Борис Николаевич!

Очень спасибо за стихи. Мне они очень по сердцу. Читаю и заучиваю наизусть¹. Очень бы хотелось видеть вас. Жалел, что вас не было в прошлую среду. А на эту среду перенесен вторник Литературного кружка². Мне по обязанности «члена комиссии» придется быть там. Неужели вы так заняты, что не выберете когда-нибудь часа? Вам я готов отдать любое время и любой день.

Очень ваш Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по упоминанию о перенесенном «вторнике» (см. примеч. 2).

¹ Стихотворения Белого, посланные Брюсову М. С. Соловьевым, который в сопроводительном письме от 30 октября 1902 г. писал: «Думал быть у вас сегодня вечером, но простудился и должен посидеть дома. Надеюсь, что удастся побывать в следующую среду, а теперь посылаю вам: 1) V том брата, 2) стихотворения Блока, 3) стихотворения и отрывок из мистерии Бугаева «Антихрист», который, как сами увидите, лучше бы назвать «Пришедший» (ГБЛ, ф. 386.103.22; о «Пришедшем» см. п. 6 примеч. 1).

² О «Литературно-художественном кружке» см. наст. том, стр. 33. В сентябре 1902 г. Брюсов вошел в состав комиссии, ведавшей «вторниками» (*Дневники*, стр. 122). В среду 6 ноября 1902 г., вместо вторника 5 ноября, в «Кружке» состоялось выступление И. Ф. Шмидта на тему «Роль режиссера в современном театре» («Новости дня», 1902, № 6973, 6 ноября).

3. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Москва. 8 ноября 1902 года

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Очень жаль, что вас не было дома. Ну все равно: мы с Михаилом Сергеевичем собираемся к вам в среду (ближайшую)¹. Посылаю «Скорпиону» свою первую «Симфонию». Не напечатаете ли?² Хотелось бы третью послать вам³. Да времени нет переписывать для ремингтона. Волей-неволей посылаю эту.

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам.

Борис Б у г а е в

¹ Ближайшая среда была 13 ноября.

² «Северная симфония (1-я, героическая)» была издана «Скорпионом» и вышла в свет в октябре 1903 г. (на книге: 1904 г.).

³ Книга Белого «Возврат. Третья симфония» вышла в свет в издательстве «Гриф» в 1905 г.

4. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Петербург. Вторая половина декабря〉 1902

Дорогой мне Борис Николаевич!

«Новый путь» просит вас написать рецензию на «Драму жизни»¹. Напишите то, что вы говорили мне, и будет прекрасно. Но я уверен, что напишете вы без конца лучше, чем говорили. Читал ваше об Олениной-д'Альгейм. Начало — удивительно, слова для вечности. Но все могло быть сказано и *не* по поводу Олениной-д'Альгейм². Если будет у вас время, не покидайте нас. Рецензия нужна скоро, но думаю, что числу к 15—18 еще не будет поздно³: книжка выйдет к 15 февраля. Дело становится все более устойчивым.

Очень ваш Валерий Б р ю с о в

К письму приложена вырезка из неустановленной газеты — ироническая заметка о концертах М. А. Алексеевны Олениной-д'Альгейм и отзыве о них, помещенном «в одном декадентском журнале».

Датируется приблизительно по содержанию.

¹ «Драма жизни» (1896) — пьеса К. Гамсуна. Белый рецензировал издание: Кнут Г а м с у н. Драма жизни. Пер. с норвежского С. А. Полякова. М., «Скорпион», 1902. В своем лирически-субъективном отклике Белый охарактеризовал пьесу как «художественное произведение, в котором во многих отношениях превзойден Ибсен» («Новый путь», 1903, № 2, стр. 170—172). Ср. его же письмо к Э. К. Метнеру от 11 декабря 1902 г.: «Едва ли она не лучшее, что появлялось у нас за последние года в России, кроме «Пана», «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» и «Михаила Крамера»... Не знаю, быть может, я вообще слишком очарован Гамсуном, — но «Драма жизни» произвела на меня редкое впечатление» (ГБЛ, ф. 167.1.5).

² В статье «Певица» («Мир искусства», 1902, № 11) Белый описал свои впечатления от концертов Марии Алексеевны Олениной-д'Альгейм (1869—1970), выдающейся камерной певицы. Белый очень высоко оценивал ее выступления, обнаруживая в них близость к его собственным идеалам. Начальные строки статьи: «Мы окружены тайнами. Мы живем среди пропастей. Ветер рвет наши одежды. Небо над нами. Тишина нас окружает. Мы срываемся с круч. Мы падаем в бездны. Мы не знаем этих бездн, ни круч. Мы не хотим *знать*. Сладко нам думать, что мы движемся в плоскости: кругом — гладко, ясно, плоско... Путь освещен... Путь освещен — нога не споткнется». Ср.: Андрей Б е л ы й. Окно в будущее (Оленина-д'Альгейм). — «Весы», 1904, № 12.

³ Т. е. к 15—18 января 1903 г. 4 января 1903 г. Брюсов писал Перцову: «Бугаев напишет о Гамсуна и доставит вам до 15-го» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 22). В тот же день Перцов извещал Брюсова: «Сегодня получен Бугаев (о «Драме жизни»)» (ГБЛ, ф. 386.98.10).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. «СЕВЕРНАЯ
СИМФОНΙΑ (1-я, ГЕРОИЧЕСКАЯ)»

М., «Скорпион», 1904

Обложка
по рисунку Обри Бердслея

5. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. 11—14 января 1903 г.⟩

Дорогой Борис Николаевич!

Заходил я к Михаилу Сергеевичу и узнал, что он очень болен ¹. Уверен, что это минет, между прочим уже потому, что еще неизменно хочу говорить с ним о многом. Не будете ли вы у нас в *четверг* вечером (вместо «среды»). Знаю, что вы без конца заняты, но будет Бальмонт. Вам следовало бы быть с ним знакомым, а ему с вами ². А в пятницу я, наконец, и в самом деле уезжаю в Петербург.

Ваш сердечно Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по упоминанию о тяжелой болезни М. С. Соловьева. Из-за его смерти (в четверг, 16 января) Брюсов отложил поездку в Петербург (см.: *Дневники*, стр. 129). Письмо было написано после предыдущей пятницы (10 января), но не позднее вторника 14 января: он приглашает Белого на «четверг» (16 января) вместо «среды».

¹ Предсмертная болезнь М. С. Соловьева (см. п. 6, примеч. 4).

² Белый познакомился с Бальмонтом в феврале 1903 г. на квартире Брюсова (см. *Начало века*, стр. 215—218).

6. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

26 января 1903. П⟨етер⟩б⟨ург⟩

Дорогой Борис Николаевич!

Я направил к вам корректуру «Пришедшего» ¹, ибо мне ее доставили без оригинала, и во многих случаях я не мог угадать, *как* они (типограф-

щики) изменили ваши слова. Непременно прочтите, ибо есть искажения явные. И после доставьте в типографию Общества распространения полезных книг (где, по иронии, печатается «Скорпион»), Моховая, против Манежа, дом князя Гагарина.

Ваш рассказ здесь получен² Он очень *не* понравился Мережковскому. Мне нравится. Перцов³ еще не читал, но я ему рассказывал, и он заинтересован. Подписчиков *свыше* 1300 Не напишете ли мне, как Сергей Михайлович, которого вы называете Сережей?⁴ Немного строк. Адрес — «Нового пути».

Ваш Валерий Брюсов

Брюсов предполагал выехать в Петербург в пятницу 17 января (см. п. 5), но из-за смерти и похорон М. С. и О. М. Соловьевых отложил свой отъезд на несколько дней. Пробыл он в Петербурге «три недели» (*Дневники*, стр. 129).

¹ Драматический отрывок «Пришедший» был включен в третий выпуск *СЦ* (1903). О работе Белого над этой «мистерией» см.: *На рубеже двух столетий*, стр. 401—402.

² Рассказ Белого в «Новом пути» напечатан не был. Возможно, это была «Световая сказка» (Альманах «Гриф». М., 1904).

³ Петр Петрович *Перцов* (1868—1947) — критик и публицист, официальный «редактор-издатель» «Нового пути», решающую роль в котором играли Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус.

⁴ Сергей Михайлович *Соловьев* (1885—1943) — сын М. С. Соловьева, поэт-символист, переводчик, ближайший друг Белого. 16 января 1903 г. в семье С. М. Соловьева произошло трагическое событие: от воспаления легких скончался его отец и застрелилась мать, не перенесшая утраты мужа (см. заметку Брюсова «Похороны М. С. и О. М. Соловьевых». — «Русский листок», 1903, № 19, 19 января).

7. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Москва. 27 января 1903 года

Многоуважаемый и близкий мне Валерий Яковлевич!

Сергей Александрович¹ уже сообщал о том, что «Скорпион» пришлет мне корректуры «Пришедшего». С охотой сделаю соответствующие поправки. Если я и отказывался до сих пор от корректирования, то отнюдь не из лени, а из нежелания быть *«автором, слишком автором»*², т. е. перемарывать и переделывать раз отданное по своему капризу.

Очень благодарен вам за Сережу. Он уехал в Киев, где и останется недели две. Самочувствие его великолепно. Я на него возлагаю большие надежды. Он из закаленных. Безбоязненно и теперь выносит такую глубину духа, которая не снится многим мудрецам. В нем сейчас есть то, чего не было даже у Владимира Сергеевича: это какая-то непостижимая ясность, почти осязательная реальность в мистических прозрениях, ничем не фиксируемых; в Москве про него уже успели сложить легенду, будто он страдает *«mania religiosa»* и поступает в скором времени в монастырь. Мало ли что болтают. В Киеве за ним будет следить брат московского Трубецкого³ и профессор Сикорский⁴.

Что касается моего рассказа, присланного в «Новый путь», то я знаю — он бледен. Но у меня то, что менее бледно, быть может *«кричаще»* для «Нового пути»; вот почему я и послал нечто более скромное. Да и кроме того: занят. Не могу уделять много времени «Новому пути». Если мой рассказ очень не нравится Дмитрию Сергеевичу, то лучше бы его и не печатать.

Очень рад, что количество подписчиков продолжает увеличиваться. Не пришлете ли вы мне несколько десятков листов, чтобы я мог способствовать их распространению, если в этом есть необходимость?

Скоро ли вы приедете из С.-Петербурга? Я непременно буду у вас. Если позволите, я приведу с собой одного молодого человека, который очень хочет с вами познакомиться.

Он — поэт и, кажется, довольно сносный. (Кажется, потому что направление его таланта в общем мне не нравится, а потому и трудно сказать про него что-нибудь более объективно.) Его фамилия — Кобылинский. По роду занятий он — финансист и, кажется, подающий большие надежды⁵.

Пока до свиданья. Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам.

Борис Б у г а е в

Ответ на п. 6.

¹ О С. А. Полякове см. наст. том. стр. 260—261.

² Парафраз заглавия книги Фр. Ницше «Человеческое, слишком человеческое» («Menschliches, Allzumenschliches», 1878), чрезвычайно популярной в символистском кругу.

³ Евгений Николаевич *Трубецкой* (1863—1920) — философ, в те годы преподававший в Киеве; его брат, Сергей Николаевич *Трубецкой* (1862—1905), — один из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии», профессор Московского университета. Оба они были последователями Вл. Соловьева. О приезде в Киев и встрече с Е. Н. Трубецким С. М. Соловьев сообщил Г. А. Рачинскому в письме от 28 января 1903 г. (ЦГАЛИ, ф. 427, оп. 1, ед. хр. 2903).

⁴ Иван Алексеевич *Сикорский* (1845—1918) — профессор Киевского университета, психиатр.

⁵ Лев Львович *Кобылинский* (псевд. Эллис, 1879—1947) — поэт-символист, критик, друг Белого. О нем см.: С. С. Г р е ч и ш к и н, А. В. Л а в р о в. Эллис — поэт-символист, теоретик и критик (1900—1910-е гг.). — «XXV Герценовские чтения. Литературоведение». Л., 1972, стр. 59—62.

8. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. Около 10 февраля⟩ 903

Уважаемый и дорогой мне Борис Николаевич!

И опять я в Москве. Желал бы вас видеть очень. Если вам можно, будьте у нас в среду вечером¹. Перескажу вам новости о «Новом пути» и о всех петербуржцах. Буду очень ждать.

Ваш Валерий Б р ю с о в

¹ Вероятно, 12 февраля.

9. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва. 1903 года, 20 февраля⟩

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю вам стихи¹. Покорнейше прошу, если вам не трудно, сообщить мне адрес Бальмонта. Он просил меня зайти к нему во вторник, а я по рассеянности сейчас же и забыл.

Остаюсь готовый к услугам, искренне любящий вас

Борис Б у г а е в

Настоящее письмо, вместе с автографами двух стихотворений Белого: «Встреча» («Вельможа встречает гостью...») и «Объяснение в любви» («Сияет роса на листочках...»), было подарено Брюсовым в «Альбом собрания автографов русских писателей московского Литературно-художественного кружка», где оно и хранится (ЦГАЛИ, ф. 1336, оп. 3, ед. хр. 14).

¹ Цикл стихотворений для третьего выпуска *СЦ* — дебют Белого как поэта.

10. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. После 21 февраля〉 1903

Дорогой Борис Николаевич!

Спасибо за присланное. Адрес Бальмонта — Ваганьковский пер., д. Куманина, кв. 18, вход против Румянцевского музея.

Мне кажется, что оставить вторично «протянута шкура» нельзя, но и ваши две поправки не хороши; не найдете ли иной? а то уж пусть стоит «ше-шкура»! ¹ Надо бы общее заглавие к вашим стихам. Я поставил пока «Призывы» ², потому что не почитал себя в праве ставить более красочного. Если у вас есть, сообщите. Придется некоторые из набранных стихов пропустить: нет места, и вообще в «Северных цветах», и в этом году особенно, ибо куплена какая-то редкостная бумага, которой мало и хватит лишь на книгу в 14—15 листов.

Не забывайте меня и наши среды ³. Непременно в ближайшем буду у вас.

Ваш Валерий Брюсов

Ответ на п. 9. Датируется приблизительно по этому письму и п. 11.

¹ Поправки относятся к стихотворению «Поет облетающий лес...». В печатном тексте в первой строфе:

У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда;

в последней строфе:

На склоне воздушных небес
сожженная шкура гепарда

(СЦ—1903, стр. 27; Андрей Белый. Золото в лазури. М., «Скорпион», 1904, стр. 23—24).

² Это заглавие было сохранено. См. п. 11.

³ Вечера с участием литераторов и деятелей искусства, которые Брюсов устраивал у себя дома.

11. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. 1 марта 1903 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Мне очень нравится ваше общее заглавие к моим стихам. Пусть так и остается. Постараюсь быть у вас в среду. Не навесстите ли меня? Буду вас ждать. Все вечера — дома, кроме воскресенья 2 ч⁴исла марта. Остаюсь любящий вас и готовый к услугам.

Б. Бугаев

Открытка; почт. шт.: Москва. 1.III.1903; Москва. 1.III. 1903.

Ответ на п. 10.

12. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Москва. 1903 года. 17 апреля

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Рад чрезвычайно получить от вас письмо. Поздравляю вас и Анну Матвеевну с праздником: Христос Воскрес! ¹ Завидую вам: ² теперь в Москве как-то особенно уныло. К яростно напряженной и лихорадочной суетне присоединяется еще и невыносимо гнетущая астральная атмосфера. Газеты сулят вихрь снегов, летящий на Москву. Быть может, холод освободит Москву от тучи уныния: пришла — уйдет. Лично для меня все

БРЮСОВ

Фотография.

Москва, начало 1900-х годов

Мемориальный кабинет Брюсова,
Москва

отягощается еще одним странным обстоятельством: у меня такое чувство, как будто моя личность как бы оторвалась от индивидуальности: она *вернулась, совсем вернулась сюда*, а индивидуальность ушла туда сквозь конец — *окончательно*. Мне кажется, что «я» еще недавно смотрел отсюда *туда* — бесконечно говорил о «*тамошнем*» в качестве созерцающего. Теперь произошло обратное. *Оттуда* смотрю я *сюда* и еще умею говорить, как и «они», а они ничего не понимают — думают, что я все тот же. Мне хочется говорить с ними о *внешнем* и молчать о том, что *приблизилось*; как это трудно: отовсюду обращаются с умными разговорами, когда «*оно*» — безумная реальность. Они думают — я с ними, но из духа протеста хочется крикнуть: «*Ничего не понимаю*» — огоршить трезвостью тех, кто слишком трезв, чтобы без рассуждений «*о*» отдаться глубине — уплыть от их рассуждений. Когда к Стеньке Разину пришли, чтобы исполнить приговор, он нарисовал лодочку на стене и смеясь сказал, что уплывет в ней из тюрьмы. Глупцы ничего не понимали, а он знал, что делал. Можно всегда быть аргонавтом: можно на заре обрезать солнечные лучи и сшить из них броненосец — броненосец из солнечных струй. Это и будет корабль Арго; он понесется к золотому щиту Вечности — к солнцу — золотому руну...³

И вот тот, кто слишком много обсуждает безумную реальность, недостоин приобщиться аргонавтизму — не аргонавт он. Не хочется с ним летать, хочется удивить позитивным: «*Не знаю вас, не понимаю...*»⁴

Он суетлив, мелочен в вопросах «*потустороннего*» (напр., Розанов), когда там все усмирено и грандиозно. Там нет речей даже о *Конце*.

Конец разыгрывается в душе на пути туда, а *Конец мира сего* там вовсе не занимателен, потому что растаял в душе образ *мира сего* ⁵.

Как мне странно.

Мне казалось — прежде был «я» и еще какое-то далекое «оно», взламывающее лед поверхности. Теперь «оно» стало «я», а прежнее «я» — бедное — оно трепещет на мне, как моя одежда, терзаемая ветром. Я стал вывернутым наизнанку, но сохранил свои контуры; вот этого-то не замечают знающие меня люди. Если всмотрятся в меня люди, не видящие *Другого*, они к ужасу заметили бы *черный контур* ⁶, очерчивающий хаос, — и ничего больше. Но они вообще не пристально смотрят: поэтому они допускают меня.

Странно мне.

Странны и смешны мне слова о двух путях, о раздвоении, о полюсах святости. Так много слов — это едва ли не преподавание... Зачем? Разве нельзя просто, без фанфар, пройти сквозь ворота *Конца* — стать за *Концом*? Зачем в *такой мысли* все эти «культурные, слишком культурные» ужимки? ⁷ «Культура, это только тонкая яблочная кожица вокруг бушующего хаоса», — сказал Ницше. Культура — прибавлю я — есть временность, а временность (в каком угодном смысле понимаемая) — только перепонка между двумя безвременьями: хаосом до- и после-временным, расплющивающим время. Время — пористая перегородка, сквозь которую мы процеживаемся, а сама эта перегородка (что очень важно) *только поверхностное натяжение двух противоположно заряженных сред*, а не что-либо *третье*, разделяющее; но и противоположность тоже видимая, заключающаяся в разности направления по существу однородных вибраций. Но и разность направления получается от разности восприятия нами, от разности нашего положения как к одному, так и к другому (в существе все тому же) безвременью. И не в том суть, что два пути — две линии, убегающие в до-временность и в после-временность, равнозначущи (ветхий завет = новому, тело = духу и т. д.), а следовательно обязательны, — дело в том, что оба пути бесконечны и никогда не родиться *молнии*, пробивающей перегородки (серединности, временности, маленького «я»), ибо перегородка *есть величина мнимая* для тех, кто заглянул *туда*, и фильтрующая перепонка для тех, кто весь обусловлен отношением двух взаимно-противоположных натяжений хаоса — то есть кто позитивен. Это не «*ничто*», задерживающее соединение бездн, это простое отношение двух бездн; бездны несоединимы; каждая ведет к безвременью; *обе вместе — никуда*. *Серединность* — переход, в серединности противоположности *даже не смешаны* (не может быть смешанности — смешного). Выход из серединности есть выход *в один из хаосов*. *Соединения, смещения, синтезы* — игра слов без переживаний, переживания, основанные на оптическом обмане! Все это слишком просто для того, чтобы быть принято всерьез, и лишено Великой Легкой Простоты, убивающей всякую возможность серьезных возражений.

Простите, дорогой Валерий Яковлевич, я пишу таким странным тоном. Мне хотелось бы только сказать одно простое и для меня самое важное: как мне легко и странно!

Остаюсь готовый к услугам и глубоко уважающий вас

Борис Бугаев

Р. С. Мой поклон и уважение Анне Матвеевне.

Ответ на недошедшее письмо Брюсова.

¹ Поздравление запоздалое: Пасха в 1903 г. была 6 апреля.

² Брюсовы в это время находились в Париже (см.: *Дневники*, стр. 131—132).

³ Белый развивает в этом письме систему «аргонавтических» образов, нашедшую поэтическое воплощение в апрельских стихах 1903 г., вошедших в сб. «Золото в лазу-

ри» («Бальмонт», 1; «Золотое руно», 1; «Образ Вечности» и др.). Сходные мысли и образы в неизданном письме Белого к Э. К. Метнеру от 19 апреля 1903 г. (ГБЛ, ф. 167.1.15).

⁴ Слова апостола Петра, отрекающегося от Христа: «Когда Петр был на дворе внизу, пришла одна из служанок первосвященника и, увидевши Петра греющегося и всмотревшись в него, сказала: и ты был с Иисусом Назареем. Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что ты говоришь» (Марка, XIV, 66—68).

⁵ «...ибо проходит образ мира сего» (Первое послание к коринфянам апостола Павла, VII, 31).

⁶ Эллис уверял, что у Белого есть двойник — «черный профиль», «черный контур». Сам Белый писал, что порой «черный контур» овладевал его поступками: «тьма становилась хозяином тени» («Воспоминания о Блоке». — «Эпопея», № 4, 1923, стр. 111, 112).

⁷ Парафраз заглавия книги Фр. Ницше «Человеческое, слишком человеческое» (см. п. 7, примеч. 2).

13. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

«Москва. Конец апреля 1903

Дорогой Борис Николаевич.

Я очень извиняюсь перед вами и особенно перед Александрой Дмитриевной¹ за мои излишне злобные слова братьям Кобылинским. Но правда и то, что эти братья (хотя вы их и любите и цените) одни из самых пустых, вздорных и несносных болтунов в Москве². Я всегда верю своему первому впечатлению, а оно таково о них, еще с весны.

Жду вас к себе. И не пойти ли нам вместе к Бальмонту? Это было бы совсем прекрасно. Сообщите мне, пожалуйста, адреса Владимирова³, Печковского⁴ и Петровского⁵ (и их имена-отчества). Мне очень хотелось бы видеть их на моих 6 средах этого года⁶.

Очень ваш Валерий Брюсов

¹ Александра Дмитриевна *Бугаева* (1858—1922) — мать Белого.

² Эллис и его брат, Сергей Львович *Кобылинский* (р. 1882), — также один из «аргонавтов», тогда студент-философ. Белый вспоминал: «Уже в конце апреля состоялась у меня первая вечеринка, на которую я пригласил своих «литературных» знакомых: у меня были: Бальмонт, Брюсов, Балтрушайтис, Соколов, Поляков, П. П. Перцов (из Петербурга), Александр Койранский, писатель Пантюхов, Петровский, Л. Л. и С. Л. Кобылинские, В. В. Владимирова <...> произошла только бурная ссора между Брюсовым и братьями Кобылинскими, после которой Л. Л. Кобылинский (Эллис) грозился прибить Брюсова, а Брюсов написал маме извинительное письмо, в котором сожалел, что был резок с «несносными братьями» в ее присутствии. На папу Брюсов произвел скорее благоприятное впечатление; он после ухода Брюсова сказал: «Однако, — умная шельма этот Брюсов!» (Андрей Белый. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора (1923). — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 36 об.). Этот вечер описан также в *Начале века* (стр. 232—237) и в дневнике М. И. Пантюхова («Михаил Иванович Пантюхов. Автор повести «Тишина и старик». Киев, 1911, стр. 15).

³ Василий Васильевич *Владимиров* (1880—1931) — художник и иконописец, делал обложки для книг символистов в издательстве «Гриф»; участник кружка «аргонавтов», один из ближайших друзей Белого в 1900-е годы. В Мюнхене Владимирова был постоянным спутником Белого в Старой Пинакотекке и собеседником по вопросам живописи (см.: *Между двух революций*, стр. 110—115).

⁴ Александр Петрович *Печковский* — студент-химик, один из «аргонавтов».

⁵ Алексей Сергеевич *Петровский* (1881—1958) — один из «аргонавтов», близкий друг Белого, впоследствии — переводчик, музейвед.

⁶ Во второй половине 1903 г. Брюсов объявил приемы у себя по средам: октября 1, 15, 29, ноября 12, 26, декабря 10. Типографски отпечатанное извещение об этом хранится среди писем Брюсова к Белому.

14. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

(Москва. 12 июня 1903 г.)

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Простите за нарушенное обещание, выполнить которое я стремился всей душой, но чисто внешние препятствия (все дела) удержали меня. Приходится уезжать так, не простившись. Последние дни у меня часто бывал Семенов из «Нового пути». В конце концов он мне очень понравился¹. Из деревни (Тульская губ., г. Ефремов, сельцо Серебряный Колодезь)² буду вам писать непременно. Остаюсь любящий вас и готовый к услугам.

Борис Б у г а е в

Москва. 1903 года. 12 июня

¹ Леонид Дмитриевич Семенов-Тяньшанский (1884—1917) — поэт-символист, после 1905 г. вступил на путь религиозных исканий, опростился и сделался странником, толстовцем, впоследствии перешел на позиции православия. В 1903—1905 гг. был близок с Белым (см.: *Начало века*, стр. 250—254; *Между двух революций*, стр. 34—37). Касаясь своих встреч с Семеновым в Москве в июне 1903 г., Белый писал: «... почти каждый день ко мне приходил Леонид Дмитриевич Семенов; мы с ним совершали длинные прогулки по Москве, чаще всего оканчивающиеся сидением на лавочке в Новодевичьем монастыре; мы посещали могилы Соловьевых, отца, Поливанова, Владимира Соловьева, и у этих могил происходили горячие и оживленнейшие разговоры наши о боге, о России, о самодержавии и революции, о стихах, о Блоке, о Мережковских» (Материал к биографии..., л. 39).

² Имение, приобретенное Н. В. Бугаевым, отцом Белого.

15. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Серебряный Колодезь, 6 июля (1903 г.)

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Вследствие кончины моего отца¹ некоторые планы, которые я имел в виду, изменились. Изменилось и мое материальное положение. По крайней мере на несколько лет я обязан сам зарабатывать (для) себя средства к существованию². Так как получить место преподавателя в Москве очень трудно, а сразу и невозможно, а в акциз идти (куда попадают почти все естественники³, не знаю — почему) как-то... больно (хочется пока повременить), я не знаю, что мне делать. Единственно что я мог бы делать, это писать в газетах, но писать в тех газетах, где сперва вас обольют помоями грязи, для меня невысказанно, несовместимо с моим достоинством.

Все это заставляет меня предложить «Скорпиону» нижеследующие — верьте, самые неприятные для меня вопросы — 1) на каких условиях печатается в «Скорпионе» моя «Симфония»?⁴ 2) Не сочтет ли возможным «Скорпион» заплатить мне за напечатанные стихи и прозу в «Северных цветах»⁵ то, чего по соображениям «Скорпиона» они заслуживают?

Время провожу очень скучно. Какое-то опустошенное настроение и некоторая распattanность здоровья вследствие кончины отца, экзаменов и некоторых личных разочарований не покидают меня... Какое-то тяжелое похмелье. Писать ничего не могу. Думать тоже. В погоне за средствами строю различные фантастические проекты, вроде чтения публичных лекций по разным городам России и т. д. Жду, что астральная атмосфера прочистится или по крайней мере резко определится ко времени открытия мощей Серафима⁶. Мне все кажется — произойдет нечто, ускоряющее события либо в дурную, либо в хорошую сторону.

Нет ни от кого известий. Как вы поживаете? Буду ждать от вас письма. Здесь пробуду, быть может, до конца сентября. Остаюсь готовый к услугам ваш

Борис Б у г а е в

P. S. Мой привет и уважение Анне Матвеевне.

На конверте почт. шт.: Ефремов, Тульск. г. 9.VII.1903; Москва, 10. VII. 1903.

¹ Отец Белого, Николай Васильевич *Бугаев* (1837—1903), — выдающийся математик и оригинальный мыслитель, профессор, декан физико-математического факультета Московского университета, скончался 29 мая 1903 г.

² В мемуарах Белый в более благоприятных тонах обрисовывает свое материальное положение после смерти отца (см.: *Начало века*, стр. 254—255).

³ Белый окончил в мае 1903 г. естественное отделение физико-математического факультета Московского университета.

⁴ См. п. 3, примеч. 2.

⁵ О произведениях Белого в *СЦ* — 1903 г. см. п. 6, 9 и 10.

⁶ Серафим Саровский (1759—1833) — иеромонах Саровского монастыря (пустыни); в начале XX в. был канонизирован православной церковью. Мощи Серафима были открыты в Сарове 19 июля 1903 г. при стечении огромного количества паломников. Серафим Саровский занимал во внутреннем мире Белого значительное место. «Все чаще и чаще мне начинает казаться, что старец Серафим — единственно несокрушимая и нужная для России скала в наш исторический момент», — писал он Э. К. Метнеру 3 марта 1903 г. (ГБЛ, ф. 167. 1. 10).

16. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва. <Около 20 июля> 903

Дорогой Борис Николаевич!

Пишу вам наскоро, несколько слов, в Москве, где бываю мгновения¹ и где все мгновения сосчитаны, — в ответ. «Скорпион» не может заплатить вам за «Северные цветы», потому что ваши рукописи считались бесплатными и сообразно с этим делалась вся расценка. Теперь поздно, немислимо все это изменять. Но ваша «Симфония», конечно, будет оплачена, это мы решили и до вашего письма. В ней около 6 листов. Если напечатать 1200 экз., то цену можно будет назначить 1 р. При 1000 проданных экземплярах это даст рублей 300 прибыли. «Скорпион» предлагает вам за книгу поэтому 150 р., т. е. по 25 р. с листа, разумеется вперед, независимо от того, будет она продаваться или нет. Напишите, если согласны. Рукопись вышла из цензуры. Читал Бартенев². Помарок нет. Посылать ли теперь вам корректуры? и по какому адресу? Затем. Не перемените ли вы теперь условий с Грифом, который гонорара платить не может, и не отдадите ли сборник ваших стихов «Скорпиону»?³ Этим ковенно мы оплатили бы и ваши стихи в «Северных цветах». Хорошо, если б вы тоже написали, согласны ли и как велик может быть сборник. Мы печатаем сейчас одиннадцать книг. Простите скоропись почерка и фраз и всю трехмерность письма. Повторяю, это лишь ответ. О себе — другой раз, в другом конверте.

Очень ваш Валерий Брюсов

Ответ на п. 15.

¹ Лето 1903 г. Брюсов проводил под Москвой, в Старом Селе Можайского уезда.

² Юрий Петрович *Бартенев* (1866—1908) — историк, цензор, сын П. И. Бартева.

³ Об издании первого сборника стихотворений Белого см. п. 30, примеч. 1.

17. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Серебряный Колодезь, 24 июля <1903 г.>

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Отвечаю на ваши предложения. Да, конечно, я согласен на условия «Скорпиона» относительно «Симфонии». Что касается корректур, то в сущности мне они не нужны за *исключением* второй половины второй части, где (собственно в конце ее) есть, насколько помню, какая-то путаница. Если вы мне перешлете ее (т. е. вторую половину второй части), то я буду очень признателен. Остальное можете не посылать. Высылайте по следую-

щему адресу: Тульская губерния, г. Ефремов. Сельцо Серебряный Колодезь. Мне.

Что касается сборника, то я охотно отдам его «Скорпиону», потому что в таком случае я буду уверен за *внешность* издания. Напишите, издадите ли вы сборник в течение осени, ибо позднее его не имеет смысла издавать. Если издадите, то я августа 15-го переслал бы вам рукопись. Размер сборника мне чрезвычайно трудно определить. Если сравнивать его в размере с «Будем как солнце»¹, то таких страниц от 150 (это минимум) до 200 (максимум). Вернее: *около двухсот*. Итак буду ждать ответа относительно того: 1) Согласны ли вы издать его в течение осени (сентябрь, октябрь, ноябрь)? (В «Гриф» он должен был выйти в течение сентября.) 2) На каких условиях вы согласны его печатать?

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам

Борис Б у г а е в

Р. S. Если какие-нибудь непредвиденные обстоятельства не помешают, я остаюсь в деревне до конца сентября; следовательно адрес мой все *тот же* (Тульская губ. и т. д.).

Ответ на п. 16.

¹ Сборник стихотворений К. Д. Бальмонта (М., «Скорпион», 1903).

18. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨31 июля 1903 г.⟩

Дорогой Борис Николаевич!

Простите карандаш — пишу в вагоне¹. Конечно, высылайте рукопись. К ноябрю всегда напечатаем. Подробно и точно о гонораре — когда точно увидим размеры. Ф. Сологубу «Скорпион» заплатил за 10 печатных листов 100 р. Важно то, что сейчас мы издаем 6 стихотворных сборников: Дмитрия Сергеевича, Зинаиды Николаевны, Сологуба, мой, Коневского, Балтрушайтиса. Бальмонта 7-й, ваш будет 8-й². Вся русская поэзия будет в «Скорпионе». Эта осень — что-то вроде генерального сражения. Ватерлоо или Аустерлиц?³

Ваш Валерий Б р ю с о в

Открытка. Почт. шт.: Почт. вагон, 31. VII. 03; Ефремов, Тульск. г. 1. VIII. 1903.
Ответ на п. 17.

¹ Открытка написана Брюсовым, вероятно, на пути из Москвы в Старое Село.

² В октябре 1903 г. «Скорпион» выпустил сборники стихотворений (некоторые из них помечены 1904 г.): Д. С. М е р е ж к о в с к и й. Собрание стихов 1883—1902 гг.; З. Н. Г и п п и у с. Собрание стихов 1889—1903 гг.; Федор С о л о г у б. Собрание стихов. Книга 3 и 4; Валерий Б р ю с о в. Urbi et Orbi; в ноябре — Ив. К о н е в с к о й. Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений. Сборник Белого «Золото в лазури» вышел в апреле 1904 г. В каталогах «Скорпиона» был объявлен сборник Ю. Балтрушайтиса «Бедуины. Морской царь. Вечер. Спутники Колумба. Книга поэм», который не был осуществлен. Книгу стихотворений «Только любовь. Семцветник» Бальмонт напечатал в издательстве «Гриф» в октябре 1903 г.

³ Под Ватерлоо 18 июня 1815 г. Наполеон потерпел сокрушительное поражение от англо-прусской армии, приведшее к окончательному его падению. Под Аустерлицем (ныне Славков, Чехословакия) 2 декабря 1805 г. наполеоновские войска одержали победу над русской и австрийской армиями.

19. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨После 1 августа⟩ 1903. Старое Село

Дорогой Борис Николаевич!

Я писал вам (карандашом, в вагоне) о вашем предложении. «Скорпион» может напечатать книгу ваших стихов к ноябрю (не раньше, ибо сейчас мы печатаем 12 книг) и предлагает вам (приблизительно, ибо размер

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Фотография О. Ренара. Москва, март 1904 г.

Литературный музей, Москва

вашей книги нам не известен) от 100 до 150 р. за 10—12 листов. Сумма эта получается так. Напечатать 1200 экз. книги такого размера стоит (с ценой бумаги) 300 р. Из 1200 экз. 100 разоидется бесплатно (рассылка в редакции, вам и т. д.). С 1100 экз., продаваемых по 1 р., книжные магазины возьмут 30% — т. е. 330 р. На содержание конторы книгоиздательства считаем мы 10% — 110 р. Объявления (в том числе % на печатаемый обширный каталог) — до 50 р. Всего $300 + 330 + 110 + 50 = 790$ р. Возможная прибыль, если продать *все* экземпляры, $1100 \text{ р.} - 790 \text{ р.} = 310$ р. Но согласитесь, что издательство, рискуя всем вперед, имеет право на большую половину, чем автор, получающий свою долю прибыли вперед, без риска.

Покончив с этими довольно-таки скучными необходимостями, поговоримте о вас вообще. Я не представляю себе вас «литератором». «Скорпион», «Новый путь», «Мир искусства» это ведь не литература, в том смысле, как сказал Верлен,—

Et tout le reste est littérature¹,—

т. е. тот «Скорпион» и тот «Новый путь» и тот «Мир искусства», к которому вы можете и будете иметь отношение. Здесь есть дело, но нет «работы» и нет «профессии». *Scribere ut edas* *, вы сами знаете, мучительно. Даже Розанов ², в лучших условиях, при том исключительном даре, что хороши у него только импровизации, что прелесть его письма именно в неотделанности, даже Розанов гибнет от многописания. Он повторяет в сотый раз все те же приемы речи, которые были в первый раз так «божественны» и которые превращаются в розановский трафарет, становящийся достоянием разных рцы ³. Он прилагает свои мысли, свои откровения, виденные им при «сапфирных» молниях, к вопросу о петербургских мостовых ⁴. Не разобрав в чем дело, он при всяком стечении народа начинает кричать: «Что? пол? мистическая тайна брака? центр тяжести в сокровенном месте? Приложение силы к точке деторождения!» и т. д. (Так было с ним, например, во время спора андреевцев и С. А. Толстой ⁵.) Неужели вы себе хотите чего-либо подобного? Мне за вас страшно. Я слишком верю в вас. Что до меня, например, я могу писать и в «Пути» и в «Архиве» и даже «бог знает» где, как могу целовать всех женщин и не женщин, могу доходить до последних пределов позорного. Вы этого не можете. И конечно, в этом-то все ваше безмерное преимущество надо всеми нами. Все входит в вашу душу до самого ее дна. У нас есть временные слова, которые мы забываем. Вы говорите только вечные слова, только слова навеки. Нет, вам нельзя быть литератором.

Что же вам делать? — Не знаю.

Ваш Валерий Брюсов

Р. С. Читаете ли вы «Новый путь»? Он падает (как Метерлинк ⁶) все надежнее и жалче. Вычитите Мережковского, Минского, Розанова, (и случайных, вас, меня, Бальмонта) — все остальное — позор и мерзость. Самая робость «Нового пути», как бы не сказать чего-нибудь, что недозволено у либералов, есть робость раба, того «хама», о котором столько кричит Дмитрий Сергеевич. Бальмонт писал мне: «Новый путь» — помойная яма и не очень глубокая, так что в нем нет даже истинной отвратительности» ⁷. Он не неправ.

В. Б.

Ответ на п. 17.

¹ Заключительная строка стихотворения Поля Верлена «Поэтическое искусство» (*Art poétique*), в пер. Брюсова: «Все прочее — литература!» (Поль Верлен. Собрание стихов в переводе Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1911, стр. 98).

² Василий Васильевич Розанов (1856—1919) — реакционный писатель и публицист, один из деятелей религиозно-философских собраний, активный сотрудник журналов «Мир искусства» и «Новый путь»; в течение многих лет был связан с суворинским «Новым временем».

³ Рцы — псевдоним Ивана Федоровича Романова (1861—1913), публициста консервативного направления, испытывавшего большое влияние Розанова и находившегося с ним в тесном личном общении.

⁴ Брюсов иронизирует над парадоксальным сочетанием «проphetических» писаний Розанова с его консервативно-бытовыми статьями, печатавшимися в газете «Новое время». Белый цитирует это суждение Брюсова в письме к Блоку от 19 августа 1903 г., замечая, что Брюсов «верно пишет», и добавляет: «Губит, губит Розанова многописание и благодушие. А это редкий, блестящий, несравненный талант... А потом, зачем он религиозией прикрывается и почтенных протоиереев морочит?» (*Переписка*, стр. 47).

⁵ Бурная полемика по поводу рассказа Л. Н. Андреева «В тумане» («Журнал для всех», 1902, № 12) началась с опубликования в «Новом времени» «Письма в редакцию» жены Л. Толстого, С. А. Толстой, выступившей с резкими нападками на творчество Андреева («Новое время», 1903, № 9673, 7 февраля). Выступление С. А. Толстой поддержал В. В. Розанов, опубликовавший в той же газете статью «По поводу письма гр. С. А. Толстой» («Новое время», 1903, № 9677, 11 февраля). Подробнее об этом см. письмо Л. Андреева к В. С. Миролюбову и комментарии к нему К. Д. Муратовой («Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», т. 5. М. — Л., 1960, стр. 101—103).

* Писать, чтобы есть (*лат.*).

⁶ Слова Брюсова характеризуют его отношение к драматургическим опытам Мориса Метерлинка — «Монна Ванна» (1902) и «Жуазель» (1903), в которых намечался переход от условного символического театра к исторической драме и романтической легенде. В частности, о пьесе «Монна Ванна» Брюсов писал: «Это одна из самых слабых драм Метерлинка, потому, вероятно, и имевшая наибольший успех <...> «Монна Ванна» написана слишком по-театральному, слишком «применительно к условиям сцены» (Москвитин (В. Я. Брюсов). Монна Ванна и г. Дорошевич. — «Новый путь», 1903, № 2, стр. 191). Еще более резкой была его рецензия на «Жуазель»: «Если «Монна Ванна» знаменовала новую фазу в творчестве Метерлинка, то «Жуазель» — его бесспорное и почти безнадежное падение <...> в «Жуазели», в погоне за общедоступностью, он свел свое учение к самым элементарным положениям, утратившим всякую личную окраску» (там же, № 9, стр. 235).

⁷ 26 июля 1903 г. Бальмонт писал Брюсову: «Новый путь» — помойная яма, и не очень глубокая помойка, так что в ней нет даже очарования истинной отвратительности» (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 3, ед. хр. 6).

20. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Серебряный Колодезь. 9 августа 1903 года

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Спасибо за детальное объяснение мне (профану) всех условий книгопечатания. Посылаю на днях в «Скорпион» сборник. Я включил туда и несколько лирических отрывков в прозе¹, ибо если ни здесь место, то — нигде. Точно так же сомовские стихотворения вместе с некоторыми другими составляют замкнутый в себе отдел, разрознивать который помещением некоторых стихотворений в «Северные цветы» мне не представляется целесообразным². Постараюсь для «Северных цветов» написать что-нибудь новое³. Вообще я смотрю на печатаемый сборник, как на свое прошлое, а не теперешнее. «Nota bene» я поставил над теми отрывками, которые мне лично кажутся сомнительными даже для прошлого⁴. «Скорпион» пусть устанавливает над ними окончательный приговор.

Думаю остаться здесь до конца сентября, а засим двинуться в Саров⁵. Все больше и больше внутренних нитей связывают меня с этим пред-апокалипсическим местом. Тем более, что пока это единственно придуманное мной *дело* среди разнообразных нелепостей, которые мне, очевидно, суждены в жизни. Для того *дела*, которое мне представляется серьезным и нужным — делом *окончателности* — переходением черты мира, — для этого дела я не подготовлен. А то бы мне следовало удалиться в пустыню. Но я сам знаю, что для меня еще не настала пора. Все же остальное — до нелепости не по мне. Между прочим, и официальное занятие поэзией и литературой, для которых у меня нет ни выдержки, ни подготовки. И это не потому, что я мню о себе. Просто я человек, чуждый всему этому, как-то случайно начавший писать. Вероятно, и в будущем, если мне не выпадет места преподавателя, или мало-мальски сносных уроков, пока придется пополнять кадры «бездельников», «хулиганов»... Вот почему для видимости *дела* я хочу прочесть лекцию (одну или две) об изменившемся сознании человечества — ну, конечно, только дидактического характера и достаточно внешние⁶. Надо же все-таки кричать, чтобы хоть кто-нибудь шел — переходил. Иначе к чему же двигаться путем слова: достаточно *удалиться*, *уйти*, а *удаление* совсем предполагает в человеке сверх-человека. Ну как, *уйдя*, поймешь, что слишком *рано* ушел и — о ужас и срыв — потянет назад. Тогда — *все кончено в этой жизни*... Вот почему меня всегда притягивает известное преподавание *первых ступеней*, тем более что это все-таки призрак *дела*. Кричать, бунтовать, бесноваться, юродствовать во Христе ведь позволено. Кричать, бунтовать, бесноваться о Вечности — тоже.

Настоящее дело (я твердо уверен в этом) должно начаться с упорной, долгой, вечной молитвы. Только она зажжет пожар. Только она выбросит

дламя. Только в ней истинный восторг. Это — путь из мира, во все времена ведущий и приводящий к Концу; это — путь, которым, быть может, удастся и для других вскрыть конец. Это — единственное дело, а всякие «новые пути» — фикция, трафарет. А тем более «[Новый] Бедный путь» Мережковских, который я не читаю вот уже два месяца. Я просил их выслать мне в деревню, но они не выслали. Вообще они не обнаруживают слишком много вежливости... Но я все еще надеюсь, что удивительная бессодержательность журнала («Бедного пути») — это бедность «пока»... — маска. Иначе ведь действительно получается мелкое явление, за которое делается стыдно перед «Русским богатством» (которое [кажется] начинает казаться Богатством), «Миром божьим» и т. д., ибо в упомянутом журнале не только нет прозрения, но и суррогата — обоснованности, логики — этих самых элементарных условий. Да ведь с настоящим багажом этот журнал не только не способен вскрыть Новый путь, но не способен бороться с любой застарелой философской системой, где все-таки часты полеты и восхищения, которых нет в «Бедном пути»...

Пока до свиданья. Остаюсь готовый к услугам и искренне преданный

Борис Б у г а е в

Ответ на п. 19.

¹ В сборнике «Золото в лазури» был помещен ряд «лирических отрывков в прозе» («Видение», «Волосатик», «Ревун», «Ссора», «Этюд», «Сон», «Аргонавты»).

² Стихотворный цикл «Прежде и теперь» из сб. «Золото в лазури», навеянный творчеством художников К. А. Сомова и В. Э. Борисова-Мусатова (см.: *Начало века*, стр. 206).

³ Выпуск СЦ на 1904 г. не был осуществлен.

⁴ В «Золото в лазури» вошли не все «лирические отрывки в прозе» (неизданные «отрывки» см.: ГБЛ, ф. 25. 1.1).

⁵ Белый посетил Саровский монастырь в августе 1904 г.

⁶ По-видимому, имеется в виду реферат Белого «Символизм как миропонимание», прочитанный им в октябре 1903 г. в кружке «аргонавтов» (см.: Андрей Б е л ы й. Себе на память. Перечень прочитанных рефератов, публичных лекций, бесед (на заседаниях), оппонирований, председательствований и участия (активных) в заседаниях и т. д. с 1899 до 1932 года. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96, л. 1).

21. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Серебряный Колодезь. 16—17 августа 1903 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю в «Скорпион» обещанный сборник с бестолковым человеком, неоднократно все путавшим. Вот почему черкните два слова о получении.

Весь ваш Борис Б у г а е в

Открытка. На обороте репродукция: Arnold Böcklin. Poezja i Marstwo (изд. в Варшаве). Почт. шт.: Ефремов, Тульск. г. 18.VIII. 1903; Москва, 19.VIII. 1903 (см. примеч. к п. 37).

22. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Серебряный Колодезь. 18 августа (1903 г.)

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич, простите за беспокойство. Прошу вас и вместе весь «Скорпион» об одном одолжении. Нельзя ли оттянуть печатание 1-й «Симфонии» на вторую половину зимы, а сборник пустить в первую очередь. Меня просил об этом Соколов (очень просил, так что мне стыдно перед ним не попросить вас)¹. Если можно, то будьте любезны — исполните мою просьбу, а если нельзя — что делать!.. Сейчас экстренно едут в город. Простите за краткость и скоропись письма.

Остаюсь уважающий и любящий вас

[Валерий Брюсов] Борис Б у г а е в

На конверте почт. шт.: Ефремов, Тульск. г. 19.VIII.1903.

¹ 14 августа 1903 г. С. А. Соколов, глава издательства «Гриф» (в котором предполагалось издание «третьей симфонии» Белого «Возврат»), писал Белому: «Раз вы уступили стихи «Скорпиону», то я очень просил бы вас поставить ему условием (а, если этого нельзя, то просить у него, как одолжения) печатать ваши стихи в первую же очередь, а печатание 1 Симфонии отложить до второй половины зимы. Тогда я имел бы возможность издать ваш «Возврат» этою осенью. В противном случае, — если «Скорпион» выпустит этой же осенью *разом* и 1 Симфонию и стихи, то по условиям книжного рынка я уже буду вынужден оттянуть очень надолго печатание «Возврата», *чего мне очень не хотелось бы*» (ГБЛ, ф. 25. 23. 2).

23. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва, август (около 20) 1903.

Дорогой Борис Николаевич!

Стихи получили в целости. Я просматривал бегло (читать времени не было, при всей жажде): конечно, это будет интереснейший сборник из одиннадцати издаваемых нами. (Но заметьте, я говорю «интереснейший», выбирая слово.) И как легко было дышать после корректур лампадных стихов Зинаиды Николаевны и плоской риторики Дмитрия Сергеевича ¹. Первая была когда-то поэтом, и перестала быть; второй и не был никогда.

«Симфония» ваша набрана на $\frac{1}{3}$; это неизбежно, как нечто, что уже в прошедшем. Я очень защищал ваше желание, но кон-скорпионы неумолимы. Они уверяют, что одновременное появление трех ваших книг (ибо стихи решено печатать *тотчас* и торопить очень, к началу октября) только увлечет покупателей... Не знаю, правы ли... Корректуру $\frac{1}{3}$ книги вы получите не для поправления ее, а только для большей наглядности, что останавливать книгу уже поздно.

«Призывы» как заглавие недурно, но и не очень хорошо ². «Золото на лазури» — прекрасно и верно из Белого. Хорошо бы и обложку сделать лазурную с золотыми буквами. Остальные заглавия отделов — слабы. Особенно «Прежде и теперь». Не то! нет! не то! Поищите еще ³. Корректуры будем посылать непременно. Спасибо за посвящения ⁴. Я решился в своей книге напечатать стихи к вам, о которых однажды говорил ⁵. Пришлю, как только получу корректуру.

«Мир искусства», кажется, преобразуется в меньший (по формату) журнал, но со стихами, рассказами, драмами, симфониями ⁶. Этот микроскоп будет полнее макроскопа. Положим, пока это секрет, но мне хочется порадоваться. Я разочаровался в «Новом пути» еще, и еще, и даже еще. Мережковские не могут допустить рядом с собой никакой мысли. Постепенно «Новый путь» наводняется тихими всхлипываниями слабоумных юношей, подражающих Дмитрию Сергеевичу. Антон Крайний поносит бедлетристику «Русского богатства» ⁷, но никогда «Русское богатство» не падало так низко, чтобы допускать на свои серые страницы ту позорную дрянь, которую горделиво печатает «Новый путь» ⁸. Еще немного — и мне будет стыдно, что я имел что-то общее с этим «тощим» журналом, раздувающимся как лягушка, чтобы стать — увы! — толстым.

Не оставляйте меня без известий о себе. Прошу опять и очень.

Ваш Валерий Брюсов

Ответ на п. 21 и 22.

¹ См. п. 18, примеч. 2.

² Одно из предполагаемых названий сборника, повторявшее предложенное Брюсовым заглавие цикла стихотворений Белого в *СП — 1903*.

³ Это заглавие второго отдела сборника было сохранено.

⁴ См. п. 46, примеч. 1.

⁵ Стихотворение «Андрею Белому» («Я многим верил до иступленности...»), включенное Брюсовым в *УО*.

⁶ Этот проект не был реализован.

⁷ Непосредственных выступлений З. Н. Гиппиус (Антон Крайнего) против беллетристики «Русского богатства» в разделе «Литературная критика» «Нового пути» к августу 1903 г. не появлялось; однако там регулярно печатались ее полемические статьи против писателей реалистического лагеря.

⁸ Беллетристику «Нового пути» составляли в значительной степени посредственные произведения третьестепенных авторов. Аналогичные мысли Брюсов высказывал тем же летом и в письме к З. Н. Гиппиус: «Рассказы Сологуба, даже моего Пантюхова — неизмеримо лучше всего, что печатает «Путь». Вы скажете — это неприличие, это декадентство. А я скажу — в «Пути» пошлость и глупость. Кому что больше нравится. «Путь» не печатает статей Бугаева, потому что они «непонятны», а печатает какие-то «переписки», в которых и понимать нечего. Конечно, «Пришедший» Бугаева и его три еще ненапечатанные «Симфонии» — детскости. Но куда они выше, чем драма Леонида II-го!» (ГБЛ, ф. 386. 70. 37); Михаил Иванович *Пантюхов* (1880—1910) — второстепенный писатель круга «Скорпиона»; драма Леонида Семенова «Около тайны» («Новый путь», 1903, № 5).

24. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

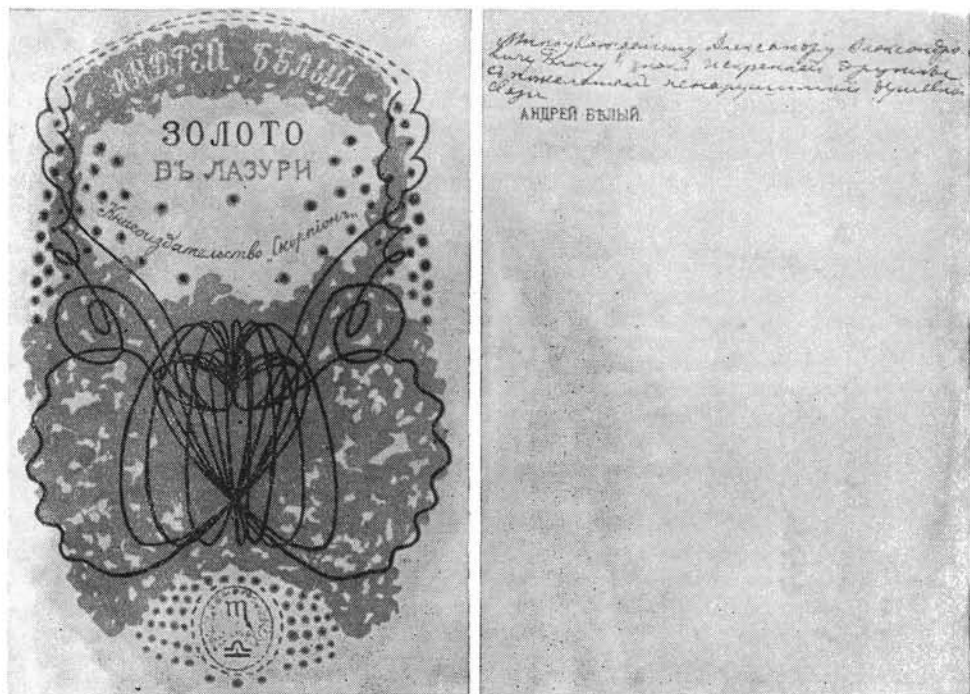
С<еребряный> К<олодезь. 1903 г. 30 августа

Многоуважаемый и вечно дорогой Валерий Яковлевич!

Нельзя отложить печатание — что делать! Лично мне приятней, если «Первая Симфония» появится раньше *третьей*. Последовательность будет соблюдена. Я вам писал о своем желании формально, чтобы не огорчить Сергея Алексеевича, перед которым я *не совсем не* виноват ¹. Далее: нельзя ли озаглавить «Симфонию» как-нибудь индивидуальнее, а то произойдет неизбежная путаница со *второй*. Я предлагаю ряд заглавий, предоставляя вам выбор наиболее подходящих: «Северная симфония», «Север», «Северные страны», «Рыцарь и королевна», «Королевна». Если угодно в скобках (первая), а то и этого не нужно. Мне думается лучше всего: «Королевна» и «Северная симфония» ².

Что касается сборника, то, быть может, вместо «Призывы» озаглавить весь сборник «Золото в лазури», оставив это же заглавие за первой частью. А то: «Закаты», «Светы», «Лучи и отсветы». Вместо «Образы» предлагаю: «Пришельцы из хаоса», «Фантомы из бездны» (а может и: «над бездной»...), «Из бездны веков», «Сказки хаоса» ³. Вполне постигаю свою крайнюю бездарность в выборе заглавий, но лучше придумать не умею. Вместо неудачного: «Прежде и теперь» так и не мог придумать ничего, кроме ужасного: «Парики и пиджаки» ⁴. Вместо: «Пурпур и тернии» — «Багряница», «Багряница в небе», «Любовь и багряница», «Красные светлы», «Капли крови» ⁵. Вместо «Северные элегии» — «Туманы», «Северный туман», «Север» ⁶. Вот все, что мне пришло в голову. Простите за убогость фантазии. Опять, опять, опять — милая осенняя ограниченность! В голове ни мыслей, ни образов — свищет бездумный ветерок, влетая и вылетая из ушей. Все, срываясь, несется — проносится, кружится. Опять возвращается пронестись. Ежеминутно срываешься вслед за летящим. Еще и еще срываешься, чтоб никуда не улечься.

Из окна слышу стук молотилки и насмешливое «сиканье» синиц. Иногда происходят неожиданности: ветер подсвистывает севером, небеса подтягиваются, носы — краснеют. И не жалеешь о летнем, сожженном золоте. Вчера по голубому привалил белый, пузатый ледник, стал над страной, и несмотря на осень тьякал громом, пока не спровадили. Пришел и ушел. Это было последним воспоминанием. Да. Всюду смолкают золотые крики. И пожарные ночи канули в Лету. И снова, и снова эти знакомые слова: «Ныне плачущие, как не плачущие, и радующиеся, как не радующиеся... ибо проходит образ мира сего» (Павел) ⁷. Как странно!..

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. «ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ». М., «СКОРПИОН», 1904

С дарственной надписью автора: «Многоуважаемому Александру Александровичу Блоку в знак искренней дружбы с пожеланием ненарушимой душевной связи»

Обложка (по рисунку Н.П. Феофилактова) и форзац

Литературный музей, Москва

Никогда не перестану удивляться этим «естественным» повторениям. Воистину, они «сверхъестественны»! Всякий раз говоришь: «Как, опять понадобилось им переплавить летние изумруды в золото... Ну конечно, это в последний раз!..» Через год — старая история: только разводишь руками. Со временем удивление вырастает до невозможности его выразить. Впоследствии, конечно, оно убьет. Клянусь, и нынешний год повторится чудо: деревья облетят, а со временем замелькают первые снежинки. Мы все будем в Москве. Вот увидите!..

Дорогой Валерий Яковлевич, передайте, если увидите Бальмонта, что я, помня уговор, в «золотых днях сентября» выпью «мирового вина»...⁸ Клянусь, на закате ничего не оставляю... И это я сделаю в первый же день сентября, а вместе никак не могу: мы едем в Саров⁹, не останавливаясь в Москве, потом я проведу несколько дней в Нижнем¹⁰, так что раньше 1 октября вряд ли увидимся... Но помня обещание, я выпью закат.

Дорогой Валерий Яковлевич, если будете посылать корректуры, то только до 12, 13 сентября, а позднее в Москву. Из «Симфонии» мне нужен только конец второй части: больше ничего. Хотелось бы повидаться. И очень. Но пока до свиданья. Остаюсь глубокоуважающий и любящий

Борис Бугаев

Р. S. Спасибо за посвящение. Радуюсь о «Мире искусства». Мое уважение вашим. Поклон «кон-скорпионам» и вообще всем.

Р. R. S. Простите за клочок¹¹, но я позабыл: нельзя ли в отделе «Золото в лазури» стихотворение, озаглавленное «Золотое руно», связать с

«Аргонавтами», дать общее заглавие «Золотое руно», а бывшее «Аргонавты» озаглавить: 2 (полагая, что первый отрывок есть «1»). Эти стихотворения, посвященные одному лицу, психологически связаны *одним*, хотя и написаны в разное время ¹².

Б. Б.

Ответ на п. 23.

¹ См. п. 22.

² Брюсов остановился на последнем варианте: «Северная симфония (1-я, героическая)». Ср. п. 28.

³ За третьим разделом сборника было сохранено заглавие «Образы».

⁴ Брюсов не принял вариант «Парики и пиджаки», оставив за вторым разделом сборника заглавие «Прежде и теперь».

⁵ Из предложенных вариантов Брюсов контаминировал заголовок последнего, пятого раздела сборника — «Багряница в терниях».

⁶ Предполагавшийся раздел сборника, стихотворения которого были включены в «Образы».

⁷ См. п. 12, примеч. 5.

⁸ Образ из стихотворения Бальмонта «К людям» («О, люди, я к вам обращаюсь, ко всем...»):

Я знаю и чувствую только одно,
Что пьяно оно, мировое вино.
Когда же упьюсь я вином мировым,
Умру и воскресну и буду живым...

(К. Д. Б а л ь м о н т. Только любовь. Семицветник. М., «Гриф», 1903, стр. 212).

Этот образ использовал и сам Белый в сб. «Золото в лазури»:

В сосудах пенных мировые вина:
Вот тут лазурь, а там — напиток солнца (стр. 146).

⁹ См. п. 20, примеч. 5.

¹⁰ В Нижний Новгород к своему другу Эмилию Карловичу Метнеру Белый в сентябре 1903 г. не ездил; до середины этого месяца он оставался в Серебряном Колодезе, затем вернулся в Москву (см. п. 25).

¹¹ Вторая приписка на небольшом листке бумаги, приложенном к письму.

¹² Оба стихотворения были посвящены Э. К. Метнеру. Брюсов выполнил это желание.

25. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. 18 сентября⟩ 1903

Дорогой Борис Николаевич!

Как хорошо, что вы опять близко. Буду у вас непременно скоро, «на днях». Печатание ваших книг идет своим чередом. Корректуры *стихов* непременно будут вам доставлены. Задумана книга (типографски) очень интересно.

Ваш Валерий Б р ю с о в

Открытка, почт. шт.: Москва. 18.IX.1903.

26. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. Около 20 сентября⟩ 1903.

Дорогой Борис Николаевич!

О «делах». Здесь приложены 2 страницы 4-го листа. Посмотрите, пожалуйста, *три* сделанных мною поправки, в которых я не уверен. Может быть, поправлять не следовало. Если так, т. е. если не следовало, — надо известить типографию, теперь же, в понедельник. Если же поправки нужны, не извещайте никого, они будут сделаны.

«О теургии» не совсем меня удовлетворило ¹. Там и сям что-то начато говорить, но не договорено, не высказано, оборвано, сбито. «Написа-

но» всё слабо, неубедительно; особенно начало — конец сильнее. Есть непростительные промахи. Как могли вы, например, написать «курсив наш» (и вообще-то такого «ежедневного сочетания повседневных слов»² можно и не писать) — при выписке из Апокалипсиса! Ну разумеется курсив *наш*, чей же еще? не Иоаннов же!³ Но, конечно, дело не в промахах, а в том, что вся статья осталась ненаписанной, что ее существование не исключает необходимости еще раз сказать, написать о том же. И уже ваш «Перевал» исполнение этой необходимости⁴.

Очень ваш Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по упоминанию о понедельник — это могло быть 22 сентября.

Сохранилась равняя редакция этого письма, незначительно отличающаяся от отосланной (ГБЛ, ф. 386, 70, 11, л. 1—2).

¹ Андрей Белый. О теургии. — «Новый путь». 1903, № 9.

² Слова из поэмы Бальмонта «Художник-дьявол» (К. Бальмонт. Будем как Солнце. Книга символов. М., «Скорпион», 1903, стр. 262). Белый цитирует их в своей статье.

³ В ранней редакции письма Брюсов более резко высказывался о статье: «Теургия меня не удовлетворяет <...> «Написано» очень плохо все, особенно начало. Конец сильнее и более увлекает, побеждает. Есть промахи непростительные, почти что немислимы». Ср. характеристику этой статьи в письме Брюсова к П. П. Перцову от 6 октября 1903 г.: «Теургия — совсем гимназическое упражнение. Как могли ее хвалить Мережковские? И какие промахи! «Бесплодное» виденье вместо «бесплотное», и рассуждение о бесплодности. «Курсив наш» в цитате из... Иоанна-евангелиста (только и не доставало, чтобы *курсив* был *его*)! и т. д.» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 23).

⁴ О каком произведении Белого говорит Брюсов, неясно.

27. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

«Москва. 23 сентября 1903 г.»

Дорогой Валерий Яковлевич!

Поправки верны. Я *«просмотрел»*. Ужасно сознаю бесцветную фальшивость и серединность заметки, помещенной в «Новом пути». Дело в том, что, когда я писал для «Нового пути», я находился в положении гимназиста, пишущего сочинение: я боялся и выраженности, и *«иных речей»* — бессознательно подделывался под общий тон «Нового пути» (исключая Розанова, Минского, Мережковского). Они же ведь не находили возможным печатать то, что мне казалось более истинным по тону¹. Вот у меня и осталась известная фальшивость тона. А потом я писал это наскоро, не обдумав плана — лишь бы что-нибудь написать. Потом я горевал и даже *«требовал»* у Зинаиды Николаевны статью обратно, но уже было поздно. Жалею, что напечатано.

Остаюсь любящий и уважающий вас Борис Бугаев

P. S. Как-нибудь на минуту буду у вас или в «Скорпионе» по одному делу.

На конверте почт. шт.: Москва. 23. IX. 1903.

Ответ на п. 26.

¹ В марте 1903 г. «Новый путь» отклонил статью Белого, о чем ему сообщил Блок 20 марта: «Перцов нашел статью «О религиозных переживаниях» непонятной и не хочет ее печатать» (*Переписка*, стр. 27). В июле того же года был отклонен рассказ Белого, о чем он писал Э. К. Метнеру 25 июля: «... обиделся Мережковский за присылку рассказа, в котором Вл. Соловьев выставляется перлом создания (он терпеть не может Соловьева) и который они не поместили» (ГБЛ, ф. 167, 1. 19; возможно, что это был рассказ «Мы ждем его возвращения», напечатанный позднее в кн.: «Свободная совесть». Литературно-философский сборник, кн. 1. М., 1906).

28. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. Начало октября〉 1903

Дорогой Борис Николаевич!

Вот в чем дело. Надо изобрести что-нибудь, чтобы на заглавном листе не стояло дважды слово симфония. Ваша прежняя (т. е. раньше изданная) симфония называлась «2-я драматическая»; нельзя ли назвать и эту как-нибудь в том же роде — например, «1-я патетическая», «1-я F-dur» или что-либо подобное (беру слова лишь для примера, зная, что именно они не подходят). Очень просим об этом. И нельзя ли получить ответ скоро, совсем скоро, сегодня, завтра. Рисунок для обложки вашей книги¹ будет готов в среду и в среду же, в крайнем случае в четверг, книга должна поступить в магазины. «Скорпион» надеется на вашу снисходительность.

Стихи ваши набираются.

Ваш Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по упоминанию о скором выходе в свет «Северной симфонии» (вышла в середине октября).

¹ На обложке книги Белого «Северная симфония (1-я, героическая)» помещен рисунок Обри Вердслея.

29. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. 22 октября 1903 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Как мне прискорбно, что вы не застали меня — вдвойне прискорбно: 1) так хотелось бы видеть вас, 2) вспоминаю, что говорил вам о том, что я по вторникам дома (вы были как раз во вторник), забыв оговорить, что *со следующего вторника*, так как этот вторник я должен был быть вне дома по маминым делам. Читаю и вчитываюсь в «Urbi et Orbi» и «Только любовь»¹, вынося много глубоких и радостных впечатлений: «Urbi et Orbi» нравится мне как ни одна из ваших книг², «Только любовь» — пожалуй, лучший Бальмонтовский сборник. А я как раз в настроении внимать.

Буду на днях у вас. Не забывайте меня, Валерий Яковлевич. *Со следующего вторника я всегда дома.*

Весь ваш Борис Бугаев

На конверте почт. шт.: Москва, 22. X. 1903.

¹ К. Б а л ь м о н т. Только любовь. Семицветник. М., «Гриф», 1903. Книга вышла одновременно с *УО* в октябре 1903 г.

² О высокой оценке Белым этого сборника см. во вступительной статье (наст. том, стр. 330).

30. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

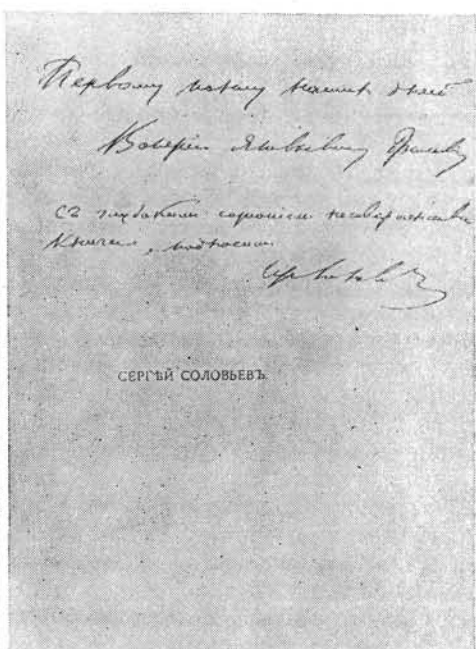
〈Москва. До 12 ноября 1903 г.〉

Дорогой Борис Николаевич!

Как ни неожиданно это, но в четверг рано утром предстоит мне лечь на операционный стол и отдать свое тело на волю хирургических напильков и сверл¹. Поэтому не будет у меня и «среды». Мне ужасно жаль, что через это откладывается встреча с С. М. Соловьевым. Завезите его ко мне — проведать больного — после четверга.

«Весы» разрешены². Пишите, пишите, пишите. Нам нужны теперь десятки, сотни, тысячи статей. Как только воскресну после болезни — все силы положу на эти «Весы».

Ваш Валерий Брюсов

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ С. М. СОЛОВЬЕВА

на книге «Cruvifragium». М., 1908: «Первому поэту наших дней Валерию Яковлевичу Брюсову с глубоким сознанием несовершенства книги, подносит Сергей Соловьев»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Датируется приблизительно, по упоминанию об операции «в четверг», т. е. 13 ноября.

¹ В письме к Г. Бахману от 11 ноября 1903 г. Брюсов писал: «В четверг мне делают операцию, настоящую, с хлороформом. И «среды» моей, 12-го, не будет» (ГБЛ, ф. 386.70.5). См. также: *Дневники*, стр. 134—135.

² Разрешение на издание «Весов» было дано 4 ноября 1903 г.

31. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва⟩ 5 декабря 1903.

Дорогой мне Борис Николаевич!

Ваше письмо в «книгоиздательство» поразило меня. Я верил, что после всех слов, какие вам случалось говорить мне, какие нам случалось говорить друг другу, — между нами более тесные связи, чем те, которые разрываются десятиминутным обменом попреков. Неужели же вы не узнали меня из всех моих стихов, из всех моих речей и поступков, а узнали вот в те четверть часа, что мы стояли у полки с изданиями «Скорпиона»? Я говорил с вами *через* все условности общежития, *через* всякие «вежливости» и «салонности», а вы расслышали только обидные слова! Для меня вы уже никогда не можете стать отвлеченным Андреем Белым, и нет никого кругом, кого я так желал бы знать близким себе, как вас, — а вы пишете обо мне в третьем лице, как о чужом и чуждом!

Но дело не *только* во мне и вас. Среди нас иная сила, пренебрегать которой мы не смеем. Маленькие чародеи, мы заклинали страшного духа; он предстал; и его не заставят исчезнуть наши бессильные заклинания. Мы уже не над «Скорпионом», а в нем; мы управляем им не бо-

лее, чем кормщик кораблем, крутым бурей. И с вашим уходом «Скорпион» и «Весы», конечно, не пропадут ¹. К нам примкнут еще многие, ибо вокруг уже образовался тот водоворот, который засасывает всех, плывущих мимо. Но с вашим уходом от «Скорпиона» будет отнято все присущее лично вам, *ваша* вера, *ваша* зоркость, *ваша* молодость. Наш путь изменится, правда, на ничтожный угол, но если мы продолжим линию этого пути в даль годов и в даль влияний, — как изменится цель! В вашей воле дать торжество вам желанному направлению, но вы от этого хотите отказаться. Сколько раз говорили мы с вами о недостатках «Мира искусства» и «Нового пути» (вы его называли «Бедным путем»), и вот у нас журнал, который мы можем сделать таким, как *мы* хотим, — и опять от этого вы хотите отказаться. Если вам дороги не только ваши стихи, и образы, и книги, — но и власть их над людьми, и торжество всего, чему вы верите, — уходя из «Скорпиона», вы совершаете преступление.

И во внешнем вы совершенно не правы. Совсем неверно, будто мы, «скорпионы», наложили на вас какие-то деспотические требования. Вы были среди нас, когда мы решали, что участвовать в «Грифе» не должно, вы были из тех, кто решал это ². Я помню ваши глаза и как звучал ваш голос, когда вы говорили Зинаиде Николаевне: «Я возьму, я все возьму!» (т. е. все рукописи из «Грифа»). И если б не было этих ваших слов, этого вашего согласия с доводами Дмитрия Сергеевича, мы наверное не решились бы отказывать Блоку, Мировольскому ³, многим другим... И до сих пор я не могу понять, почему вы изменили ваше решение. У Бальмонта есть *специальные* причины покровительствовать не «Грифу», а Соколову ⁴, но вы, *но вы?* Не можете же вы не видеть, что Соколов — балаганный шут, неумело-бездарный шарлатан, в устах которого все самые истинные слова становятся фиглярством и пошлостью! Конечно, может быть, вы, Бальмонт и Блок создадите новый «Гриф», ничего общего с прошлым не имеющий, вы трое достаточно сильны для этого, но на что это нужно? Существующий же «Гриф» есть только пародия настоящего дела. Людям, подобным Соколову, можно поручать свой гражданский процесс, но позорно поручать им и доверять им свои мысли ⁵.

И в заключение еще о себе. Если я вам сказал, тогда или сегодня, обидные слова, — простите меня. Я сказал их не с целью вас обидеть, а чтобы выразить, что во мне. Перед вами извиниться мне не будет стыдно никогда и не будет никогда унижением ⁶. Для меня образ человека стоит выше всех его поступков и слов. Меняются убеждения, слабеют и крепнут силы духа, волосы становятся седыми и лицо — в морщинах, но человек остается все тем же, каким мы его увидали в истинный миг близости. Я вас не перестану любить, кем бы вы ни стали, что бы вы ни совершили, что бы мне на это письмо ни ответили. Я не могу не упрекать вас, потому что считаю ваши поступки достойными упреков, но мне будет бесконечно горько и тягостно, если вы останетесь чужим мне, если нам придется продолжать наше дело без вас.

Верю, что вы мне ответите.

Ваш Валерий Брюсов ⁷

Ответ на несохранившееся письмо Белого.

Это письмо сохранилось в двух полных редакциях (ГБЛ, ф. 386, 70, 11, л. 3—6 об. и 7—9 об.); полностью публикуется вторая, позднейшая редакция, существенные варианты ранней редакции приводятся в примечаниях.

Письмо посвящено конфликту с Белым, возникшему из-за отношения к издательству «Гриф», основанному в 1903 г. С. А. Соколовым. «Гриф» ставил перед собой те же задачи, что и «Скорпион»: издавать книги представителей «нового искусства» и тем способствовать распространению символизма. С самого начала деятельности «Грифа» Брюсов стал к нему в оппозицию. Это объяснялось отчасти неприязнью к возможному конкуренту, но еще более тем, что требования «Грифа» к художественному уровню издаваемых произведений были не на высоте. Белый, в отличие от Брюсова, установил прочные связи с «Грифом». «Я очень рад их рождению, — писал он 9 апреля

1903 г. Э. К. Метнеру о новом издательстве, — а то «Скорпион» всегда переполнен и крайне медлителей» (ГБЛ, ф. 167. 1. 13). В ноябре 1903 г. Белый извещал Блока о своем твердом решении участвовать в изданиях «Грифа» (*Переписка*, стр. 64—66). Брюсов отказался публиковать произведения писателей из «Грифа» в очередном альманахе *СИ* и предъявил требование авторам «Скорпиона» не печататься в «Грифе». «Одно время Белый взял все свои рукописи из «Грифа» и отдал нам (...) Но после, внезапно, Белый заявил, что участвовать в «Грифе» будет, и потребовал рукописи обратно. Я так рассердился, что наговорил ему довольно-таки неприятных вещей. Он обиделся, написал, что вовсе не будет участвовать в «Скорпионе» и «Вессах» (*Дневники*, стр. 134). Упомянутое Брюсовым письмо Белого с отказом от участия в «Скорпионе» и «Вессах», ответом на которое является публикуемое письмо, как уже указано, не сохранилось.

Брюсов был не на шутку обеспокоен инцидентом. 5 декабря 1903 г. он писал П. П. Перцову: «У нас серьезная и тягостная распря. Андрей Белый решительно и, кажется, окончательно ушел из «Скорпиона» в «Гриф» и даже не хочет участвовать в «Вессах» (...) Подусыканный Бальмонтом, Белый пришел в «Скорпион» и потребовал назад «3-ю Симфонию» и рассказ, которые раньше *отнял* у Грифов, в те дни, когда из него лепила фигурки Зинаида Николаевна. Разумеется, я рассердился очень и сказал ему довольно много злого и обидного. Назвал Грифа балаганным шутом (каков он и есть) и бездарно-неумелым шарлатаном. Прибавил, что все равно какое-нибудь «слово» Белый да нарушит (он об этом очень тосковал), ибо если Грифу он клялся *печататься* у него, то нам не менее торжественно, и при свидетелях, клялся *не печататься* у Грифа. Белый ангелочек с демонскими крылышками обиделся совсем и — теперь окончательный разрыв (...) Чашки «Весов все пустеют и скоро «Весы» придут в весьма естественное равновесие: я буду держать их за коромысло, а ни сотрудников, ни подписчиков не будет... Не может ли хоть Зинаида Николаевна приструнить белого мальчика с Арбата?» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 23). Конфликт, впрочем, не перерос в окончательный разрыв: Брюсов не отправил Белому публикуемое письмо, но вскоре заехал к нему на квартиру, где они «умилительно примирились» (*Дневники*, стр. 34), и Белый остался ближайшим сотрудником будущих «Весов». Андрей Белый сообщал об этом Э. К. Метнеру: «Едва написал вам письмо, как пришел Брюсов извиняться, а также и укорить меня в совершенном ужасе. Оказывается, что я произвел переполох не на шутку в «Скорпионе», так что они отправили в Петербург «Новому пути» и «Миру искусства» жалобы на мое поведение и просьбу повлиять на меня и изменить мое намерение бросить «Скорпион» и «Весы». Мы, конечно, помирились» (ГБЛ, ф. 167. 1. 29). Единственным последствием инцидента из-за «Грифа», таким образом, явилось неучастие Белого в очередном альманахе «Скорпиона», предполагавшемся в 1904, но вышедшем только в 1905 г. («Северные цветы ассирийские»).

¹ В первой редакции далее следовало: «...у них остаюсь я, остается Вяч. Иванов, надеюсь — Бальмонт, наверное — Балтрушайтис (который больше, чем вы думаете)» (л. 4).

² В первой редакции: «И во внешнем вы совершенно не правы. Вы давали нам определенное обещание участвовать только в «Северных цветах» и не участвовать в «Гриф»» (л. 4 об.).

³ А. Л. Мировольский (Александр Александрович Ланг, 1872—1917) — поэт-символист, товарищ Брюсова по гимназии Ф. И. Креймана, участник всех трех сборников «Русские символисты». Первый свой сборник («Одиноким труд. Статьи и стихи». М., 1899) выпустил под псевдонимом «Александр Березин». Следующая его книга (А. Л. М и р о в о л ь с к и й. Лествица. М., «Скорпион», 1902) вышла с предисловием Брюсова. Лангу посвящено третье издание *ЧдО (Пути и перепутья, I)*.

⁴ Брюсов был убежден, что в случившемся инциденте повинен Бальмонт. «Началось, конечно, с наущений Бальмонта», — писал Брюсов Перцову 5 декабря 1903 г. (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 23).

⁵ Тексту: «И если б не было этих ваших слов ∞ доверять им свои мысли» в первой редакции соответствует: «Если б не было этих ваших слов, этого вашего согласия с доводами Дмитрия Сергеевича, очень вероятно, даже наверное, мы не решились бы на наше злополучное постановление. А теперь, полагаясь на ваше согласие, мы отказали А. Блоку, отказали А. А. Лангу (моему школьному товарищу), иным многим, — а вы то от нас и уходите. Как можете вы говорить о внешнем принуждении, о деспотизме «Скорпиона», когда вы были сами одним из тех, кто решал, вместе со всеми нами, что участвовать в «Гриф» не должно! И как не видите вы и теперь, что этого действительно не должно. Что «Гриф» (если только вы, Бальмонт и Блок не создадите новый Гриф, ничего общего с прошлым не имеющий) — есть пародия на «Скорпион», есть изнанка «Скорпиона», его отброс (...)»

Еще раз. Уходя из «Скорпиона», вы его не погубите; своих читателей, своей публики у вас еще нет. Но с детской капризностью вы бросаете из своих рук поданные вам вожжи от тех крылатых драконов, которые скоро повлекут, может быть, всю Россию. Вы из-за личных счетов отказываете своим книгам, своим словам в том распространении, которое может им доставить теперь же «Скорпион» и которое во всяком

случае станет доступным «Грифу» (если станет) еще очень в далеком будущем» (л. 4 об. — 6).

⁶ В первой редакции далее следовало: «Но я знаю, что я и сейчас готов сказать вам много и еще более жестоких слов. Своей изменой «Скорпиону» вы меня обидели гораздо более, гораздо глубже, гораздо острее, чем всей своей холодностью при упоминании обо мне лично. Да, я этого не ждал» (л. 6—6 об.).

⁷ В первой редакции было: «Ваш (в настоящем смысле слова) Валерий Брюсов» (л. 6 об.).

32. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. После 5 декабря 1903⟩

Дорогой Борис Николаевич!

Если вы все-таки хотите взять вашу симфонию для «Грифа», то, конечно, она в вашем распоряжении. Сегодня я принесу ее в «Скорпион», где вы и можете получить ее в любое время.

Очень просим вас не задерживать статьи о д'Альгейм¹.

Ваш Валерий Брюсов

Датируется приблизительно, по связи с п. 31.

¹ Андрей Белый. Окно в будущее (Оленина-д'Альгейм). — «Весы», 1904, № 12, стр. 1—11.

33. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. 12 февраля 1904 г.⟩

Дорогой Борис Николаевич!

Заходил к вам, чтобы проверить некоторые сомнительные места в вашей статье о Канте¹. Не застав вас и по недостатку времени, должен исправить по своей догадке.

Сообщите, пожалуйста, место издания «Учебника логики Дармакирти» (Москва или Петербург?) и цену книги².

Ваш Валерий Брюсов

В «Русском слове» от 10 и 11 февраля статьи о «Весях»³.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 12.2.04.

¹ Андрей Белый. Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта. — «Весы», 1904, № 2.

² Ф. И. Щербатской. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Часть 1. Учебник логики Дармакирти с толкованием на него Дармоттары. СПб., 1903. Книга содержала «Краткий учебник логики» («Капля логики») крупнейшего индийского теоретика логики буддийской школы Дхармакирти (VII в.). Перечисляя в автобиографической поэме «Первое свидание» (1921) увлечения своей юности, Белый упоминает, что среди них был и «Великий делом Дармотарра» (Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта, большая серия. М. — Л., 1966, стр. 407). Точные данные о книге были нужны Брюсову в связи с ее включением в перечень новых книг («Весы», 1904, № 2).

³ В. Артабан. «Весы» («Русское слово», 1904, № 42, 11 февраля); здесь дан в основном разбор статьи Брюсова «Ключи тайн». Он же. Гнилая душа (там же, № 43, 12 февраля); здесь анализируется статья Бальмонта «Поэзия Оскара Уайльда», напечатанная, как и «Ключи тайн», в первом номере «Весов».

34. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва.⟩ Февраль 1904 года

Дорогой Валерий Яковлевич,

Простите, я не мог вчера же ответить вам на письмо. Спешу ответить сегодня: год издания «Логик»: 1903. Место издания: С. Петербург. Цена 2 р. 50 к.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ АНДРЕЯ БЕЛОГО

на книге «Возврат. III симфония». М., «Гриф», 1905:

«Многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову в знак глубокого расположения и любви»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

На меня напал период внутренней сосредоточенности. Вот почему я редко показываюсь в «Весах». Вот почему я так давно не был у вас. За исключением двух, трех мест в настоящее время я нигде не бываю.

От многого просто руки отваливаются, так что я даже прекратил переписку решительно со всеми друзьями. Надеюсь, скоро пройдет период этой сосредоточенности, и я буду в состоянии вновь быть самим собой. Буду на днях или у вас, или в «Весах». Ужасно жаль, что не застали меня.

Остаюсь готовый к услугам, искренне любящий и уважающий вас

Борис Б у г а е в

Р. С. «Русское слово» читал.

Ответ на п. 33. Датируется по связи с ним.

35. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

«Москва. 26 февраля» 904

Дорогой Борис Николаевич!

Не напишете ли вы еще рецензийку на книгу Грота? (сборник его статей — см. понедельник, «Русские ведомости») ¹. Автор — личность вам знакомая и написать вам труда не составит. Но нужно спешно. Крайний срок и для этой статейки и для тех, которые вы обещали раньше, — вечер ближайшего вторника ². Позднее ничто не пойдет в № 3.

Очень хорош 1 № «Мира искусства» ³.

Ваш Валерий Б р ю с о в

Открытка. Почт. шт.: Москва. 26.2.04.

¹ Н. Я. Г р о т. Философия и ее общие задачи. Сб. статей под ред. Московского психологического общества. СПб., 1904. Брюсов отсылает к газетной заметке об этой

книге: «Русские ведомости», 1904, № 53, 23 февраля. Белый о книге Грота не написал (см. п. 36). Рецензия на нее была помещена в «Весах», № 3, за подписью В. С.
² 2 марта.

³ В № 1 журнала «Мир искусства» за 1904 г. были опубликованы, в частности, «Медный Всадник» Пушкина с иллюстрациями А. Н. Бенуа, репродукции с картин финских художников, статьи А. Н. Бенуа, С. П. Дягилева и др.

36. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва. 4 марта 1904 г.⟩

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Приношу мои извинения за рецензии, но я буквально не могу в настоящую минуту ничего писать. Я прислушиваюсь к глубинным звучаниям и совершенно не могу оторваться от самого себя. Если бы вы знали, какая пытка в настоящую минуту для меня писать рецензии к сроку, то вы бы не осудили меня.

Остаюсь глубокоуважающий Борис Б у г а е в

P. S. Дни такие, что надо быть начеку, и не хочешь себя парализовать внешностями.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 4. 3. 04.

Ответ на п. 35.

37. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Серебряный Колодезь. Около 5 августа 1904 г.⟩

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Сейчас почувствовал, что должен вам писать, не знаю почему. Меня иногда непроизвольно, неожиданно бросает к письму. Тогда все, что ни пишешь, выходит такое уродливое, *«нервическое»*. Когда бываешь искренен, то откуда-то является *«истерика»*. Простите, если усмотрите ее: но я хочу писать *«вам»*, а не кому-нибудь иному, и от *«себя»*, а не от *«кого-нибудь другого»*. Сейчас я пишу не Валерию Яковлевичу Брюсову, не художнику, перед талантом которого склоняюсь, а кому-то позади этих *«тоже»* мне знакомых и близких *«стоящему»* — Тому, Которого я *чую, вижу, предугадываю*, но с Которым не говорю; *«То»* или *«Тот»* молчит, — *но скажите, скажите*, а то все молчат. Скажите!

Мне безумно грустно: неужели иступленность счастья, которая иногда охватывает, не охватывает других? Тот восторг, который вырастает из боли, когда боль сменяет блаженная анестезия, *«вино новое»*¹ — вино истекающей крови из тысячи ран, неужели этот восторг *«ни к чему»*? Когда все в жизни, начиная с «микроскопических» неприятностей и кончая крупными страданиями, оставляет в душе тысячи ран, которые принимаешь с улыбкой восторга, так что чем больше ран, тем больше восторга, — неужели всего этого еще недостаточно чтобы просиять? Почему мы не чудотворцы — мы, отстрадавшие, почему не можем мы исцелять чужих ран? Мне безумно грустно — тоскую. *Скажите, скажите — вы, молчащий!! Или не знаете?*

Ах, *«ночью в тумане неясном так страшно, так страшно идти»*². Я *весь истекаю в крови*, не знаю за что, не знаю во имя чего, и когда из этого источника рождается блаженная уверенность и радость, неужели это только *«эпикурейство»*? Но тогда к чему эта ненормальная изощренность в чувствовании всего, что может *опечалить*, откуда эта гиперестезия боли? Мне так печально — *скажите!?!*

Почему малейший пустяк оставляет в сердце какой-то ужасный укол?

Как будто душа о желанном просила,
И сделали сй незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло
И плачет, и плачет, и плачет невольно³.

А этих уколов тысячи каждый день. Но страшной страдания эта безумная надежда, что чем больше горя, тем вольнее, счастливей — почему «поется» в те минуты, когда «все разрывается». В результате сидишь в грустной оставленности, израненный, оцепеневший, безгласный... Но окружающие говорят: «Хорошо вам, вы такой жизнерадостный!»

Разве тут нет какого-то вечного, постоянного оскорбления *«того»*, что стыдливо прячешь где-то в самом далеком уголке души...

Почему это — скажите? Почему *«тайна»* в человеке оскорбляется. Почему — соберутся люди, изнутри тонкие, — не пройдет двух минут, как уже все изъязвили друг друга. Ужас, ужас! И все люди извне кажутся прокаженными?

А когда видишь страдание и желаешь утешить — утишить, галить *«горение»* хотя бы своей кровью, — «миллион терзаний»⁴ не научает, как *«нежно»* окрылить бескрылого? С ужасом вижу, что пишу все глупости, не решаюсь перечитать. Спешу запечатать письмо, чтобы не изорвать.

Простите за этот крик *«куда-то»*. Или, быть может, я не рассчитал *«про-странство»* и слова мои не куда упадут, куда мне хотелось бы. Тогда вдвойне простите за тон.

Скажите хоть что-нибудь!

Остаюсь любящий вас Борис Б у г а е в

На конверте почт. шт.: Ефремов, Тульск. г. 7.VIII.04; Москва. 8.8.04. Как явствует из других писем Белого, отправленных из Серебряного Колодезя, они обычно доставлялись на почту в Ефремов на второй-третий день.

¹ Образ восходит к притче Христа о молодом vine в ветхих мехах (Матфея, IX, 17; Марка, II, 22; Луки, V, 37—38).

² Заключительные строки стихотворения Бальмонта «Когда я был мальчиком, маленьким, нежным...»:

Ты знаешь, что ночью, в тумане неясном,
Так страшно, так страшно идти?

(К. Д. Б а л ь м о н т. Только любовь. Семицветник, стр. 95).

³ Заключительная строфа стихотворения Бальмонта «Безглагольность» («Есть в русской природе усталая нежность...») — там же, стр. 132.

⁴ Слова Чацкого («Горе от ума», д. III, явл. 22).

38. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

(Антоновка. 11 августа 1904 г.)

Дорогой Борис Николаевич!

Пожалуйста, объясните противоречие в вашей статье трех слов, подчеркнутых на приложенной страничке синим карандашом. Почему в цитате речь идет только о *«лучшей жизни»*, а у вас она превращается уже в *«вечную жизнь»*?¹ Как бы критика нас не забранила. Очень прошу ответить тотчас по получении письма: (надо уже печатать) — по адресу «Скорпиона», мне.

Мечтаю скоро видиться с вами в Москве, где я уже.

Сердечно ваш Валерий Б р ю с о в

1904, август

Число определено по п. 39.

¹ В статье «Чехов» Белый допустил неточность в цитате из повести «Три года» (см. п. 41). Статья была напечатана в «Весах», 1904, № 8.

39. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Антоновка. 12 августа 1904 г.〉

Дорогой Борис Николаевич!

Сейчас получил ваше письмо ¹. Очень не во время — вчера — отослал свой вопрос, вместо ожидаемого вами ответа. Но вы все-таки ответьте. Вам, за письмо, спасибо. Пишу вам ².

Ваш Валерий Брюсов

1904

Р. С. По условиям деревенской почты у меня сейчас всего 2 минуты на письмо.

Открытка. Почт. шт.: Москва. 12.8.04; Ефремов, Тульск. г. 14.VIII.1904.

¹ П. 37. Брюсов, живший на даче, получил его с запозданием.

² См. п. 40.

40. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Село Антоновка. 〈После 12 августа〉 1904 г.

Дорогой Борис Николаевич! (И это слово — дорогой — примите не в «эпистолярном» значении, а в настоящем, первичном: как знак, что вы, что всякое приближение к вам мне желанно, дорого. И как жаль, что мы утратили возможность всегда, во всех случаях, все слова принимать в их настоящем смысле!) Дорогой Борис Николаевич! Я рад, что вы написали свое письмо мне; даже больше, чем рад, немного счастлив. Когда я читал его, я вдруг, как в молнии, увидел — вас, того вас, который однажды предстал мне «отмеченным» сразу навсегда, которого я опять иногда вижу в ваших глазах, но далеко не всегда в общежитии, в ваших разговорах, статьях, даже стихах. Конечно, вы были неправы, обращаясь в своем письме ко мне с *вопросами*. Почему не я к вам? — и, правда, на эти вопросы скорее вам отвечать мне. И только моя горькая привычка молчать, пришедшая ко мне после десяти лет жизни, не дала мне бросить все те же безнадёжные «зачем» вам. Думаю, «мы» все равно чувствуем их. И ваше письмо — были все те же, наши общие, одинокие мысли, которые, когда они вновь приходят, даже нет необходимости вновь продумывать, так как все их пути уже истоптаны раздумием.

И все-таки хотите ответ? Вернее не ответ, а грустное признание, мое признание, которое кажется мне тоже нашим общим. Вот оно. *Нет в нас достаточно воли для подвига*. То, чего все мы жаждем, есть *подвиг*, и никто из нас на него не отваживается. Отсюда всё. Наш идеал — подвижничество, но мы робко отступаем перед ним, и сами создаем свою измену, и это сознание в тысяче разных форм мстит нам. Измена евангельскому завету: «Кто возлюбит мать и отца больше меня...»¹ Мы, вместе с Бальмонтом, ставим эпитафией над своими произведениями слова старца Зосимы: «Ищи восторга и исступления»² — а ищем ли? то есть ищем ли всегда, смело, исповедуя открыто свою веру, не боясь мученичества (о! не газетных рецензий, а истинного мученичества каждодневного осуждения!). Мы придумываем всякие оправдания своей неправедности. Я ссылаюсь на то, что мне надо хранить «Весы» и «Скорпион». Вы просите времени в четыре года, чтобы хорошенько подумать. Мережковский лицемерно создал для самого себя целую теорию о необходимости оставаться «на своей должности». И все так. Двое разве смелее: А. Добролюбов³ и Бальмонт. И я думаю, что у Добролюбова нет этих криков «зачем!» — хотя он и облегчил свою задачу, назначив себе строгие уставы, надев тяжелые вериги,

которые почти не дают ему свободы двигаться. И Бальмонт при всей мелочности его «дерзновений», при всем безобразии его «свободы», при постоянной лжи самому себе, которая уже стала для его души истиной, — все же порывается к каким-то приближениям, если не по прямой дороге, то хотя бы окольным путем.

А мы, пришедшие для подвига, мы, ищущие восторга, покорно остаемся в четырех условиях «светской» жизни, покорно надеваем скюртки и покорно повторяем слова, утратившие и первичный и даже свой вторичный смысл. Мы привычно лжем себе и другим. И вдруг удивляемся, что не дано нам чудотворить, что не дано нам просиять! Мы, у которых намеренно «скюртук застегнут»⁴, мы, которые научились молчать о том, о чем единственно подобает говорить, — вдруг не понимаем, что все окружающее *должно, обязано* оскорблять нас всечасно, ежеминутно. Мы самовольно выбирали жизнь в том мире, где всякий пустяк причиняет боль. Нам было два пути: к распятию и под маленькие хлысты; мы предпочли второй. И ведь каждый еще миг есть возможность изменить выбор. Но мы не изменяем. Да, я знаю, наступит иная жизнь для людей: не та, о которой наивно мечтал ваш Чехов («через 200—300 лет») ⁵, — жизнь, когда все будет «восторгом и истступлением», когда все люди будут как безумные, когда блаженство будет повергать на землю и отчаяние будет, как смерть. Нам не вместить сейчас всей этой полноты. Но мы можем провидеть ее, можем принять ее в себя, насколько в силах, — и не хотим. Те, кто когда-то уходили в пустыни Фиваиды ⁶, смели. Мы не смеем. Справедливо, чтобы мы несли и казнь.

Мне жаль, что всего этого я не могу сказать вам в тот самый час, когда писалось ваше письмо. Мне жаль, что пройдут дни — много дней — между тем, когда вы мне писали, и когда вы будете читать этот ответ или эту исповедь. Я обращаю ее к вам так же полно, как — верю — было обращено ко мне ваше письмо. И так же уверенно подписываю я свои страницы —

вас любящий Валерий Б р ю с о в

Датируется приблизительно, по п. 39.

Ответ на п. 37.

Это письмо приведено в мемуарах *Начало века*, стр. 147—149. Каждую страницу письма Белый перечеркнул карандашом и на каждой написал: «Ложь»; неизвестно, сделал он это по получении письма или впоследствии (ср. п. 42).

¹ «Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня; и кто не берет креста своего и следует за мною, тот не достоин меня» (Матфея, X, 37—38; ср. Луки, XIV, 26—27).

² Поучение старца Зосимы в «Братях Карамазовых»: «Землю целуй и неустанно, ненасытимо любви, всех любви, всё любви, ищи восторга и иступления сего» (Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 10 томах, т. 9. М., 1958, стр. 403). Бальмонт взял эти слова эпиграфом к сборнику стихотворений «В безбрежности» (1895).

³ Александр Михайлович Добролюбов (1876—1942?) — поэт, в 1890-е гг. — представитель крайнего «декадентства»; затем вступил на путь религиозных исканий, опростился и стал странником. По признанию Брюсова, знакомство с Добролюбовым (1894) открыло ему «много нового в поэзии» (*Дневники*, стр. 18). Позднее он охладил к Добролюбову. «Стоило ли уходить в Соловецкий монастырь и на Урал, чтобы через пять лет прийти к старому» (запись начала 1903 г., *Дневники*, стр. 130). Весьма ironically отзывался Брюсов о скитаниях Добролюбова и об его «попрошении» также в письме к Венгерову от 3 июля 1905 г. (см. наст. том, стр. 678—679).

⁴ Из еще не опубликованного тогда стихотворения Белого «Одинокий» (1904), в котором запечатлен образ Брюсова (впервые: «Весы», 1906, № 8; см. также: «Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. М. — Л., 1966, стр. 603—605). Брюсов получил от Белого рукопись этого стихотворения, хранящуюся среди писем Белого к нему. Белый написал на брюсовском экземпляре посвящение: «Учителю [и ... быть может... другу] от «кандидата в желтый дом»; на обороте надпись: «В знак любви, уважения и доброжелательства». Текст этого автографа несколько отличается от опубликованного. Разночтения имеются и в рукописи стихотворения, посланной Блоку в конце марта 1904 г. (*Переписка*, стр. 75—76; здесь его подзаголовок: «Учителю и врагу»).

⁵ Слова Вершинина (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем в 20 томах, т. XI. М., 1948, стр. 282). В 1904 г. Белый выступил с несколькими статьями о Чехове, усматривая в его творчестве истинный символизм («Вишневый сад». — «Весы», 1904, № 2; «Чехов». — Там же, 1904, № 8; «Иванов» на сцене Художественного театра». — Там же, 1904, № 11).

⁶ В пустыни Фиваиды (южной части Египта) в III—IV вв. удалялись христиане, становившиеся отшельниками (анакхоретами). Отшельничество было формой протеста против рабовладельческого строя и господствовавшей в Римской империи религии. Позднее, в VI—VII вв., в Фиваиде находился христианский монастырь. Описание кающихся затворников в нем оставил Иоанн Лествичник («Лествица», слово 5 «О покаянии»).

41. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Серебряный Колодезь. Около 18 августа 1904 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Там, где в приведенной мною у Чехова цитате стоит *«лучшей жизни»*, нужно *«вечной»*. Это я ошибся ввиду спешности переписывания (я думал, что нужно к июльской книжке). Вместе с письмом еду в Москву проездом на один день и потом в Саров до сентября¹. С удовольствием думаю, что скоро увидимся. Остаюсь любящий вас

Борис Б у г а е в

Открытка. Почт. шт.: Ефремов, Тульск. г. 20.VIII.04; Москва. 21 <?>.8.<1904>.
 Ответ на п. 38.

¹ См. п. 15, примеч. 6 и п. 20, примеч. 5.

42. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. 30 августа 1904 г.〉

Дорогой Валерий Яковлевич,

Да, вы правы. Мне только и нужно было от вас этого знака — этих слов. Спасибо!

Любящий вас.

P. S. Я в Москве. Буду на днях в «Скорпионе».

Открытка. Почт. шт.: Москва. 30.8.04; Москва. 31.VIII.1904.
 Ответ на п. 40.

43. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва> 2 декабря 1904

Дорогой Борис Николаевич!

Простите, что вчера, увлекшись шариком, качающимся над числами, я вас так покинул. После горько раскаивался (поскольку способен я раскаиваться)¹. Вы часто проводите вечера «бесполезно». Не проведете ли так и вечер субботы, если не предстоит вам Филармоническое? Мы посетили бы — вы, я и Бальмонт (который все-таки «Бальмонт»!) — Георгия Бахмана². Его надо бы посетить нам втроем. Если согласитесь, будьте у меня в субботу³ раньше 8 вечера: он от меня живет близко.

Жду ответа Бальдера⁴. Очень ваш В а л е р и й

¹ В этих словах — проявление той «демонической» маски, которую надел на себя Брюсов для умственно-психологического поединка с Белым. См. вступит. статью — наст. том, стр. 335—336.

² Георг Бахман (1852—1907) — немецкий поэт, преподаватель немецкого языка в московских учебных заведениях; на его «субботах» собирались московские символисты. Брюсов писал в «Воспоминаниях о Викторе Гофмане»: «Особенно интимно чувствовали мы себя у Георга Бахмана. Прекрасный поэт, страстный поклонник и тонкий ценитель поэзии всех народов и всех веков, исключительный знаток литературы, которая была ему доступна в подлиннике на всех европейских языках, — Г. Бахман был средоточием маленького кружка друзей, которых умел зажигать своим неистощимым энтузиазмом» (Виктор Г о ф м а н. «Сочинения», т. 1. Берлин, «Огоньки», 1923, стр. 11).

³ 4 декабря.

⁴ Т. е. ответа на стихотворение Брюсова «Бальдеру Локи», обращенное к Белому. См. вступит. статью — наст. том, стр. 336—337.

44. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

(Москва. 19 февраля 1905 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Считаю нужным написать вам эти несколько строк. Я не протестую против лично ваших слов о Мережковских, хотя они меня глубоко оскорбляют за Мережковских. Ведь вы ругаете *периодически* всех. Вы и пишете нехорошие вещи про всех (про меня, например). Лично я относительно себя совершенно ничего не имею: вам так подходит. Я вас часто про себя называю — «*ругателем*» — это одна из ваших черт. Наконец, мне приходилось много присматриваться к вам и думать о вас, так что я в себе уяснил эту вашу черту. Далее, я позволил вам бранить Мережковских сегодня в разговоре. Но предупреждаю, что *без позволения* я бы не мог выслушать *теперь* ваши слова о Мережковских, особенно в присутствии третьего постороннего лица. Мережковские мне близки и дороги, и я очень близок к ним. Считаю нужным предупредить вас, Валерий Яковлевич, что впредь я буду считать ваши слова, подобные сказанным мне сегодня (*по моему позволению*), обидой себе.

С уважением остаюсь Б. Б у г а е в ы м

На конверте почт. шт.: Москва. 19 февраля 1905.

Белый особенно сблизился с Мережковским и Гиппиус в январе 1905 г., проживая как гость в их петербургской квартире. «Я ужасно как привязался к Дмитрию Сергеевичу и Зинаиде Николаевне (...), — сообщал он матери из Петербурга. — Ведь то, что я в религии получил от Мережковских, *есть самое главное, что у человека должно быть в жизни*. У меня на многое открылись глаза. Первый раз в жизни мои религиозные убеждения вполне закончились и определились» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358).

19 февраля 1905 г., по возвращении Белого из Петербурга, Брюсов зашел к нему домой по поводу выверки корректур. Белый вспоминал: «Вдруг без всякого повода, точно бутылка шампанского пробкою, хлопнул ругательством — не на меня: на Д. С. Мережковского, зная, что у этого последнего я жил и что для внешних я в дружбе с ним; я — оборвал Брюсова; он, отступая шага на два, свой рот разорвал: в потолок:

«— Да, но он продавал...» — «что» опускаю: ужаснейшее оскорбление личности Мережковского; я — так и присел; он, ткнув руку, весьма неприязненно вылетел» (*Начало века*, стр. 469). Сохранился изображающий описанную сцену рисунок Белого.

45. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

(Москва) 20 февраля 1905

Милостивый государь Борис Николаевич!

Полагаю, что вы не откажетесь принять на себя ответственность за те слова, которые вы позволили себе обратиться ко мне. После всего, что вам случилось говорить мне лично и высказывать обо мне печатно, я не могу принять многих выражений вашего письма иначе, как за сознательное желание оскорбить меня. Если вы находите, что я неверно понял ваши слова, я настаиваю, чтобы вы *письменно* опровергли их, причем я оставляю

за собой право сообщить это опровержение всем, кому сочту нужным, из числа наших общих знакомых. В противном случае поручите одному из ваших друзей (большим снисхождением ко мне с вашей стороны было бы, чтобы то не был г. Эллис¹) переговорить о дальнейших последствиях ваших слов с С. А. Поляковым, которому я передам все подробности происшедшего между нами. (Видеть С. А. Полякова можно ежедневно в конторе книгоиздательства «Скорпион», около 3 1/2 час. дня.) Если же вы уклонитесь от того и другого, я найду средство публично выразить свое презрение вашей трусости.

Уважающий ваш литературный талант Валерий Брюсов

Ответ на п. 4.

В архиве Брюсова сохранился черновик этого письма (ГБЛ, ф. 386.70.11, л. 11). Оригинальный текст черновика полностью совпадает с отосланным.

¹ Об отношении Брюсова к Эллису в то время см. п. 13, примеч. 2. Белый все же известил Эллиса (и С. М. Соловьева) о вызове Брюсова, прося их быть в случае дуэли секундантами (Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», 1922, № 2, стр. 234). Эллис поклялся, что, если Брюсов убьет Белого, то он сам вызовет Брюсова на дуэль.

46. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. 21 февраля 1905 г.〉

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

С несказанным удивлением я прочел ваше неожиданное для меня письмо и ничего не понимаю. Зная мое всегдашнее отношение к вам (неоднократные ссоры мои из-за вас, посвященные вам стихи¹ и т. д.), неужели в моем письме вы могли отыскать что-либо оскорбительное для себя? Я его написал быстро и не помню достоверно выражений, в которых вы могли бы найти нечто оскорбительное для себя; потрудитесь сообщить мне досконально те из моих фраз, в которых вы могли найти для себя оскорбление. Все письмо написано не из желания вас обидеть, а из желания исполнить свой долг относительно людей, с которыми я связан теснейшими узами дружбы. Помня, что я сказал вам, что позволю вам говорить о Мережковских, что угодно (зная и прежде ваши слова о них, а также ваш страстный, стремительный, парадоксально-пылкий темперамент, а также считая вас среди немногих, кому я *много* позволяю) — помня все это, я принужден был со страданием выслушать ваши неверные слова о Мережковском. Когда вы ушли, я спохватился, что не предупредил вас о полной несовместимости наших дружественных или по крайней мере добрых отношений, если вы впредь в моем присутствии будете так выражаться о Мережковском. Я *быстро* написал вам обидевшее вас письмо, в котором называл вас без злобы или обидных для вас смыслов «*ругателем*», намекая на ваш вспыльчивый темперамент (может быть, тут был добродушный юмор... не больше)...

Впрочем, не могу опровергать или объяснять всех своих слов, ибо не понимаю, в каких именно оттенках слов вы увидели нечто, оскорбившее вас. Потрудитесь или переслать мне письмо с подчеркнутыми местами, которые вам не нравятся, или процитировать их, чтобы я мог их объяснить.

С своей стороны выражаю мое глубокое удивление как странному тону вашего письма, так и полному незнанию моего отношения к вам... Если вы человек честный, вы пойдете навстречу моему желанию прекратить возникшее недоразумение. В противном случае, конечно, я меняю тон моего отношения к вам.

Всякое письмо, если в нем нет ничего интимного, можно показывать всякому, кому угодно. Пожалуйста, показывайте *всем все, что я пишу вам.*

Еще раз удивляюсь так странно возникшему недоразумению. Остаюсь готовый ко *всяким* услугам

Б. Б у г а е в

Р. S. Жду ответа.

Ответ на п. 45. Датируется по связи с этим письмом.

Письмо было отправлено спешно с рассылным. На конверте (без почтовых марок) адрес: «Его высокоородию Валерию Яковлевичу Брюсову. *Очень нужное.*»

В мемуарах Белый разъяснял характер и смысл своего ответа Брюсову: «Очевидно, что Брюсов искусственно строит дуэль, что причин к дуэли меж нами и нет; Мережковский — предлог, чтоб взорвать; вся дуэль — провокация Брюсова; для провокации этой имел он причины; а у меня причин не было принимать этот вызов. И Брюсову написал я письмо; и просил В. Я. Брюсова взвесить: коль будет он твердо настаивать на дуэли, то буду я вынужден согласиться, но именно — вынужден» (*Начало века*. Берлинская редакция (1921—1922). — ГПБ, ф. 60, ед. хр. 11, л. 138).

¹ В книге «Золото в лазури» Брюсову посвящены стихотворный цикл «Не тот» и стихотворение «Маг» («Я в свисте временных потоков...»); стихотворение «Свидание» написано «на мотив из Брюсова»; к этому времени было написано также стихотворение «Одинокый», в котором запечатлен образ Брюсова (см. п. 40, примеч. 4); позднее он переработал их в цикл «В. Брюсову» (Андрей Б е л ы й. Урна. Стихотворения. М., «Гриф», 1909, стр. 15—19).

47. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва. 22 февраля 1905 г.⟩

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Считаю себя вполне удовлетворенным вашими поступками и рад, что вправе смотреть на недоразумение, возникшее между нами, как на улаженное.

Вполне готовый к услугам Валерий Б р ю с о в

22 февраля 1905, у С. М. Соловьева ¹

Ответ на п. 46.

¹ Брюсов оставил письмо у С. М. Соловьева для передачи Белому.

48. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва. 22 февраля 1905 г.⟩

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Мне приятно убедиться в своем мнении относительно вас. Я был уверен, что вы были введены в заблуждение относительно моих намерений, когда прочли в моем письме себе обиду.

С своей стороны нахожу нужным заявить, что в своем объяснительном письме мною руководило только искреннее желание выяснить недоразумение. Я всегда готов идти на какое угодно удовлетворение, посредством слов или посредством дуэли.

Готовый к услугам Борис Б у г а е в

22 февраля 1905 года

Ответ на п. 47.

49. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. Март〉 1905

Дорогой Борис Николаевич!

Вы много раз говорили мне, что присутствовали бы с удовольствием на чтении моей драмы¹. Последний раз обещали мне это с уверенностью. А мне очень хочется иметь вас в числе своих слушателей. Я решил читать в *понедельник*, вечером, в 9, в «Скорпионе». Итак, надеюсь видеть вас в этот вечер. Если день для вас неудобен, прошу известить меня: я переменю день чтения.

Ваш Валерий Брюсов

P. S. Если Сергей Михайлович в Москве, разумеется, я всячески прошу присутствовать и его.

¹ Драма Брюсова «Земля» (впервые: «Северные цветы ассирийские». Альманах IV книгоиздательства «Скорпион», 1905). С подзаголовком «Сцены будущих времен» включена Брюсовым в книгу «Земная ось» (1907), посвященную Белому. Настойчивость, с какою Брюсов желал непременно видеть Белого в числе слушателей драмы, может объясняться тем, что в ней Брюсов по-своему разработал проблему конца мира, волновавшую Белого. В рецензии на альманах «Северные цветы ассирийские» Белый высоко отзывался о «Земле»: «Своеобразно глубока драма В. Брюсова «Земля». По-шекспировски просты нарисованные образы. Везде сдержанный драматизм в противовес современной ходульной *«метерлинковщине»*. Символизм везде воплощенный» («Весы», 1905, № 6, стр. 70).

Точную дату чтения драмы установить не удалось. Понедельник в марте 1905 г. приходился на числа: 7, 14, 21, 28.

50. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Дедово. 9 июня 1905 г.〉

Воистину дорогой мне Валерий Яковлевич,

Неожиданно пишу. Хочу сказать вам из тишины, где ближе душа к самому себе, что я вас всегда любил, а теперь еще более глубоко люблю, что бы между нами ни было в прошлом или в будущем. Вы из числа тех, которых я никогда не забываю. Верьте мне, потому что теперь, вдали от людей, передо мной отчетливо *⟨в⟩*сплывают узоры дней, и в этих узорах я вижу многое, чего прежде не понимал. Сколько людей расплываются тенью, но ваш образ отчетливо высечен в моих глазах. Если я когда-нибудь говорил о вас, как о мареве, то верьте, это потому, что считал вас едва ли не единственным из *сущих, добровольно служащих Химере Смерти*. «Облак черный»¹ — если бы он не затуманивал часто и моих глаз, я никогда не боролся бы с ним, я никогда не стал бы на определенную точку зрения в жизни. Ваш «облак черный» — это я сам борюсь с собой, и для себя пригвождаю криком *«марева»*: все, что стоит на пути моего успокоения. Вы — единственный почти *сущий*.

Глубоко любящий вас Борис Бугаев

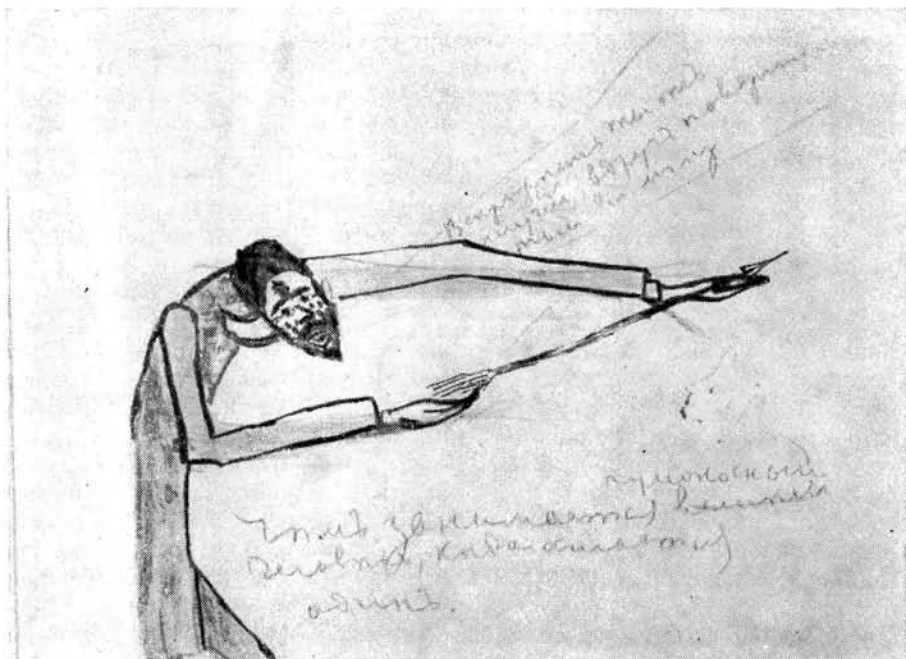
На конверте почт. шт.: «Крюково, Московск. г. 9.VI. 1905»; «Москва. 10.6.05».

¹ Слова Эвридики из стихотворения Брюсова «Орфей и Эвридика»:

Ты — ведешь, мне — быть покорной,
Я должна идти, должна...
Но на взорах — облак черный,
Черной смерти пелена.

(St, стр. 39)

Это стихотворение использовано в карикатуре Белого, на которой Брюсов — Орфей изводит из ада Петровскую — Эвридику (см. наст. том, стр. 387).

КАРИКАТУРА НА БРЮСОВА

Рисунок Андрея Белого

Подпись: «Чем занимается [великий] чумоносный человек, когда остается один»

Выше — строки из стихотворения Брюсова «Бальдеру Локи»: «Вскрикнешь ты от жгучей боли, вдруг повергнутый во мглу!»

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

51. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва〉 1905, сент〈ября〉 12

Дорогой Борис Николаевич!

Пришедши домой и перелистав еще раз «Религию будущего» Минского¹, я решил-таки написать об ней страничку, не столько критики, сколько соображений «по поводу». Думаю, вы за это не будете на меня «в претензии». Если бы вы, тем не менее, захотели написать рецензию на ту же книгу, «Весы», конечно, поместили бы и ваши строки. Книга Минского заслуживает такого разбора с двух разных точек зрения.

Всегда ваш Валерий Брюсов

¹ Н. Минский. Религия будущего. (Философские разговоры). СПб., изд. М. В. Пирожкова, 1905. Ни Брюсов, ни Белый в «Весах» об этой книге не писали. «Религия будущего» была только объявлена в «Перечне новых книг» («Весы», 1905, № 9-10).

52. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. Около 28 сентября 1905 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Не удивитесь этому моему письму. В нем вы, вероятно, будете иметь последний образчик моего юродства, т. е. это моя последняя попытка говорить с вами не литературным или «сверх»-человеческим языком,

а просто человеческим. Обращаюсь к вам как к человеку, способному понимать слова «душа», «искренность» и т. д. Мне хотелось бы нарисовать картину моего нелепого и комичного положения в московском кружке представителей «нового искусства». Я никогда не делал попыток вступить на литературное поприще. Еще менее претендовал я быть какой-то «сверхмирно-безмирной» арабеской. Я всегда жил среди людей простых, ученых, обыденных. Я не чувствовал никогда среди них такого отчаянного одиночества, которое чувствую в вашей среде. Я всегда был просто человеком, с просто человеческими запросами души. Неожиданно для себя я стал «митератором». Мое произведение «Симфония», которое я с боязливостью прочел М. С. Соловьеву, было отобрано у меня покойным. Дальнейшее вы знаете¹. Вы знаете и то, что я никогда *наси́льно* не врывался в среду представителей «нового искусства». Но волей-неволей участвуя в общих с вами и с вашими товарищами литературных предпринятиях, я, естественно, обращаюсь ко всем вам с запросами, если хотите, даже с требованиями чисто человеческих отношений. Ввиду этого я считаю долгом обратиться к вам и к вашим открыто и честно с покорной просьбой или ограничиться чисто деловыми, литературными отношениями, или прямо судить меня (не тайно), чтобы и я в свою очередь мог судить вас (чтобы всякая тень затаенности, предательства или софистики исчезла из наших отношений).

Мое общение с вашим кружком возникло неожиданно. Теперь повсюду у вас говорят о моей неустойчивости, беспринципности, чуть ли не предательстве. Никто мне не заявляет этого открыто, прямо, честно. Ввиду всего этого я сам чувствую обязанность высказать некоторые соображения относительно своего положения в вашей среде.

С первого момента моего знакомства с «декадентами» (я так говорю исключительно для краткости) я поражаюсь в высшей степени упрощенным пониманием моей личности, какое меня встретило у вас. В литературе у меня есть свой аспект, но, боже мой, до какой степени я не весь выражаюсь в литературе. И строить мой облик по тому, что я пишу, значит рисовать вместо человека руку, или вместо лица — губы, нос, брови (без глаз) и т. д. Вот такое-то упрощение, упорное и стихийное, встретило меня в вашей среде, и из деликатности я слишком мало боролся, к сожалению, за себя среди всех вас. Вы все увидели мой призрак вместо меня, и, быть может, оттого сами стали казаться мне *призраками*. Это был мой стихийный протест против вашего стихийного непонимания меня (в сознании я удерживался от объяснений по многим причинам, которые могу изложить). В самом начале моего общения с вашей средой меня неприятно поражаю какой-то вначале трудноуловимый оттенок ваших отношений ко мне. Впоследствии я сообразил, что этот оттенок — холодное, книжное любопытство. Меня брали одни как виньетку, заставку, орнамент, другие — как кликушу, фокусника, юродивого и т. д. *Человека, человека все одинаково забыли во мне. Дружеского сочувствия ни в ком я не встретил. А я искал его. Я имел на него право.* Я всегда полагал, что внешнее общение — кореллат внутреннего, и всем раскрывал свою душу, и вначале не хотел думать, что все, кто смотрит на меня, — смотрят мимо. А я-то удивлялся в свое время, говорил себе: «*Не то, не то, не то...*» Удивлялся, что *не умею* говорить с декадентами. Просто *не тонко* ко мне отнеслись, а я-то и не предполагал, что у «новых поэтов» старые представления о формах общежития, что они — еще «старые люди», способные грубо обрывать цветы души. Смутно мне чувствовалось, что *здесь* я обречен на одиночество.

Когда я, так сказать, афишировал свою принадлежность к вашей группе, ряд лиц, с детства меня знавших и близких мне, отступили от меня². Стал я изгнанником, но и к вашему берегу не пристал, потому что нет у

КАРИКАТУРА НА БРЮСОВА

Рисунок Андрея Белого

Подпись: «Орфей и Эвридика»

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

вас своего берега, все вы не любите друг друга и соединяетесь только для совместного нападения. Мне было тяжело одиночество, но я все же стал под вашим флагом, считая вас протестантами во имя новых форм жизни *, а вы же меня обвинили в попрании всех форм, исходя из воззрений старой жизни. И понял я, что «новая жизнь» у вас только слова, что не я арабеска, а вы все. Но я молчал. Я и теперь молчал бы. Но вы браните меня у меня за спиной, и я сам предъявляю к вам этот иск.

Еще обижались на меня, если созданное представление обо мне не совпадало с моей личностью. В этом виноват не я, а ваши фантазии обо мне. Много нервности во мне породило такое отношение. Я совсем закрылся от вас и в полусутку обращал все серьезно книжные и литературные наши словопрения. Вы за это называли меня предателем. Из-под «маски» сколько раз я всей душой порывался к вам, к людям, и сколько раз в этом моем бескорыстном порыве я был введен в заблуждение, одни соглашались со мной на словах, а на деле подменяли мои переживания и тем вводили меня в соблазн; и, каюсь, много совершил я греховного. Другие люди вашего кружка утонченно, так сказать артистически, пытали меня — вы все, вы, Валерий Яковлевич, Бальмонт и другие... Да, я не сумел поставить себя в сухих, корректных границах относительно вас и людей вашего толка, но разве мое присоединение к вам было основано на литературном знакомстве, а не на общности в деятельной работе творчества — и не форм искусства, а форм жизни (между прочим искусства). Вы скажете, я ошибся. Да, я ошибся. Каюсь, я не знал, что внешней неловкостью человека пользуются подчас, чтоб ее усилить, устраивать из неловкости

* Первоначально было: протестующими против разваливающихся форм жизни

различного рода психологические эксперименты и подчас жестоко, холодно, почти цинично. Я не знал, что «декаденты» ходят в колючих панцирях и не щадят доверчивого.

Согласен, что вы внешним образом были добры и снисходительны ко мне, и, каюсь, я злоупотреблял вашей снисходительностью своим неровным поведением. Но неровность эта явилась следствием полной растерянности от незнания, как же оградить себя от внутренней несправедливости и предвзятости ко мне, от упорного нежелания меня *«увидеть»*. Снисхождение ко мне, мне обидно; ибо если я добровольно присоединялся к вам, я присоединялся *свободно, с достоинством, как равный к равным*.

Согласитесь, ваш прошлогодний вызов меня на дуэль³, или вызов меня на дуэль Соколовым за отказ мой в «Весах» от участия в журнале «Искусство»⁴ до такой степени не вяжется с моей сущностью, показывает такое упорное непонимание меня, что я с горькой улыбкой спрашиваю себя: «Неужели я мог когда-то принимать их за близких к себе в каком бы то ни было смысле?» Мне не хотелось, чтобы меня называли трусом, и я принципиально не отвергал дуэлей, делая все шаги к хотя бы формальному примирению. Не отвергал я дуэли также из желания уважить мотивы моего вызова. Тут при всей моей внешней неровности все же сказалась замаскированная деликатность по отношению к вам и вашим друзьям. Но вы это принимали как должное. Во всем этом какое нежелание подойти ко мне, а я только и делал, что шел к вам навстречу, хотя и встречал по дороге колючую проволоку.

И вот махнул рукой. В разговорах, в общении с вами я теперь автомат; и вы еще претендуете на мою неискренность. Спорить хотя бы с вами, Валерий Яковлевич, бесплодно и долго. Я вас люблю, ценю, уважаю. Но во-первых: властность вашего тона (не то сверхчеловеческая, не то бюрократическая) часто исключает возможность спокойного обсуждения спорных пунктов наших мировоззрений и отношений к людям. Различность темпераментов не позволяет нам понимать друг друга. Наконец, методы вашей речи столь различны с моими, что прежде, нежели стать на *равноправную* точку зрения в словесном общении (а оно часто создает фон для всего прочего), мы должны были бы привести методы эти в соприкосновение (т. е. стоять не на различных догматических точках зрения, а на критической). Вы этого часто не принимали во внимание. Я из деликатности вам уступаю, властность и безапелляционность ваших утверждений воцаряется над спокойным течением отношений, и уступчивость мою вы принимаете как нечто должное. То же я могу сказать и о Бальмонте. Оба вы догматики. Оба вы еще в старом. К *«новому»* вы относитесь одними знаками «минус». (Я не о художественном творчестве, ибо почитаю вас большим художником.)

Я не с вами. Да. Меня отделяет от вас 1) маска моей легкомысленности, невольно появившаяся как защита против вашей нетерпимости к спокойному обсуждению чужих вам мыслей, поступков, переживаний. Я с вами серьезно говорить не могу, ибо у нас разные критерии серьезности. Да, я не умею говорить с вами. Может быть, вы улыбнетесь наивности моих слов: искать неподдельности, общения, души — это старо, скучно, не дельно: но я заявляю, я хочу только человеческого, а если и говорю о несказанном, то уповаю его найти в *сказанном*. Я ищу символов, новых сложностей, вы разлагаете символ. *Вы не символисты. Я человек*. Человека во мне поправили в вашем круге, превратили в *«арабеску»*. Духом я ушел от вас.

Теперь меня бранят. Но я не считаю себя ни в чем виновным (исключая неровностей в поведении, за которые приношу искреннее извинение). Я никого из вас не предавал. Наоборот, духом, словом, отношением я себя отдавал вам и вы мною пользовались подчас, как игрушкой, — сни-

сходили. Ныне я искренне хочу освободить всех от своего общества, *п р о ш у* и меня принимать исключительно со стороны моего участия в «Весах» и т. д. — участия, которое я назову, если хотите, долгом.

Извне нас принимают за одно. Я заявляю, что нет у меня с вами ничего общего.

Вот все, Валерий Яковлевич, что приходится мне вам передать. Это немного, но я считаю нужным открыто сказать это немногое, ибо у меня одно искреннее желание: поставить себя в должных границах относительно всех вас, чтобы вы были избавлены от неприятных черт моего характера, и чтобы я, наконец, был избавлен от той горечи, которую выношу из общения со всеми вами.

Примите уверение в моем глубоком уважении к вам

Борис Б у г а е в

Р. С. Ввиду того, что это письмо только частью обращено лично к вам, я не считаю нужным утаивать его содержание от кого бы то ни было. Пишу вам, а не Бальмонту, ибо Бальмонт для меня вечно останется в Мексике ^{*5}.

Датируется по указанию в следующем письме, вместе с которым оно было отослано Брюсову. Письмо является одним из наиболее выразительных документов, свидетельствующих о направлении идейных устремлений Белого: отрицание современного символистского искусства в силу того, что оно не способно вести к высшим жизнетворческим целям, и своеобразное противопоставление «литераторам» себя, как стоящего на пути решения сверххудожественных задач. Вместе с тем в письме сказывается и осознание распада идеалов «аргонавтизма». Об отношении Брюсова к такого рода исповедальным посланиям Белого может косвенно свидетельствовать его письмо к П. Б. Струве (январь 1912 г.) о Белом: «Мне передавали, что он написал вам какое-то странное письмо, в духе тех, которые должны были писать герои Достоевского. Должен вас предупредить, что это — свойственно Белому; он уже много в своей жизни написал таких писем, в которых, конечно, потом раскаивался» (И. Я м п о л ь с к и й. Валерий Брюсов о «Петербурге» Андрея Белого. — «Вопросы литературы», 1973, № 6, стр. 317).

¹ Белый напоминает Брюсову обстоятельства своего вступления в литературу (см. вступит. статью — наст. том, стр. 328).

² Белый имеет в виду «профессорское» окружение своего детства и юности — знакомых и друзей своего отца.

³ См. п. 44—48.

⁴ Имеется в виду происшедший в сентябре 1905 г. инцидент между Белым и С. А. Соколовым, редактировавшим в 1905 г. художественно-критический журнал «Искусство». В № 5-6-7 этого журнала была помещена (за подписью «Нарцисс») рецензия на альманах «Северные цветы ассирийские», в которой содержалась резко отрицательная характеристика опубликованной в нем трагедии Вяч. Иванова «Тантал». Белый, восторженно встретивший трагедию и считавший тогда Иванова близким себе писателем и человеком, был оскорблен рецензией и отправил Соколову письмо, в котором отказывался от сотрудничества в этом журнале и сообщал, что печатно объявит об этом в «Весах». 8 сентября 1905 г. Соколов отвечал: «Помещение вами в «Весах» письма с отказом от участия в «Искусстве» я буду рассматривать как личное себе в качестве редактора оскорбление, в ответ на каковое мне не останется ничего иного, как только потребовать от вас удовлетворения путем дуэли» (ГБЛ, ф. 25. 23.2). Белый не решился на этот шаг — дуэль не состоялась, и «письмо в редакцию» в «Весах» опубликовано не было. В дневнике Брюсова содержится неопубликованная запись о конфликте Белого с Соколовым (помечена осенью 1905 г.): «Гриф вызвал его на дуэль (как раньше я). Б. испугался, извинился (как со мной), исполнил все требования Грифа (взял назад «письмо в редакцию» из «Весов»)». (ГБЛ, ф. 386. 1. 16 (1), л. 38).

⁵ Намек на невосприимчивость Бальмонта к волнующим Белого вопросам. Бальмонт предпринял в марте — июне 1905 г. путешествие в Мексику, плодом которого явились путевые заметки с описанием памятников древних мексиканских культур, стихотворения и переводы мифов ацтеков и майя (см.: К. Д. Б а л ь м о н т. Змеиные цветы. М., «Скорпион», 1910).

* Первоначально было: я не считаю [долгом] нужным от вас скрыть, что таковое же письмо посылаю С. А. Полякову и В. И. Иванову. Бальмонт все равно ничего не услышит.

53. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. 12 октября 1905 г.〉

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Приложенное письмо мое к вам написано две недели тому назад исключительно с целью доброй, чтобы отношения наши получили определенный контур. Я не хочу, чтобы вы в письме моем видели 1) предлог ссориться с вами, а тем более обижать вас. 2) Мне бы не хотелось также, чтобы вы в ответ на письмо, идущее от души, отвечали *диалектически и формально*. Чтобы в письмо мое не вкралось чего-либо, могущего оскорбить вас, я предварительно дал прочесть его С. А. Полякову, не доверяясь собственному чутью, и лишь по удостоверению С. А., что здесь нет ничего личного, оскорбительного, я со спокойным сердцем отсылаю его вам ¹. Далее: вероятно все личное, что создает тон дружественному общению между людьми, исчезло из наших отношений. Поэтому, *любезности ради*, не трудитесь отвечать мне, если вы почувствуете хоть каплю тягости при мысли об ответе. Я лично не чувствую к вам ничего дружественного, кроме уважения и удивления перед вашим талантом, и потому для меня *лично* ничего не стоит поддерживать с вами формальные отношения, как с сотрудником и главным организатором журнала да и вообще *движения в искусстве*, столь любезного мне.

Примите уверение в совершенном уважении.

Ваш Борис Б у г а е в

12 октября 05 года

¹ Поляков по прочтении письма писал Белому 10 октября 1905 г.: «Очень извиняюсь в замедлении возвратом письма <...> Я нахожу это письмо вполне безобидным для Валерия Яковлевича, Бальмонта и прочих, и если оно вызовет с чьей-либо стороны какой-нибудь резкий ответ или вызов, я вполне признаю справедливость вашего дела и стану на вашу сторону» (ГБЛ, ф. 25. 21.27).

54. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. 1—3 января〉 1906

Дорогой Борис Николаевич!

Благодарю за привет. У меня есть многое, что сообщить вам о «Весах». Позвольте быть у вас на днях. Лучше бы после 4-го, например, 5-го ¹. Хорошо было бы, если б вы не предпринимали ранее никаких решений относительно вашего участия в «Весах» ².

Всегда ваш Валерий Б р ю с о в

P. S. Я очень рад, что моя книга уже у вас ³, но позвольте, при встрече, сделать ее, несколькими словами надписи, приношением вам как моему любимому поэту.

Ответ на открытку от 27 декабря 1905 г., написанную после возвращения Белого из Петербурга и содержащую поздравление «с праздником» (в настоящую публикацию не включена).

¹ Встреча состоялась на квартире у Белого вечером 5 января, о чем свидетельствует открытка Брюсова ему от 6 января 1906 г.

² В данном случае речь могла идти о присоединении Белого к так называемой «конституции» «Весов». См. об этом письмо Вяч. Иванова к Брюсову (наст. том, стр. 488) и статью Д. Е. Максимова и К. М. Азадовского (наст. том, стр. 280—282). Разговор мог относиться, однако, и к другому эпизоду в истории «Весов». Брюсов отмечал в дневнике, что Белый по возвращении из Петербурга в декабре 1905 г. «написал два тождественных письма — нам, в «Весы», и в «Золотое руно». Просил обеспечить себе 60 р. в месяц (в «З. Р.» 80). Писал: «Я продавец — вы покупатели. Я продаю

кровь своего сердца». «Во сколько оценят «Весы» (Э. Р.) крик души Андрея Белого». Гриф ответил первым. Согласился. Белый *взял* отданные нам стихи, под предлогом поправки их, и передал в Э. Р. (ГБЛ, ф. 386. 1. 16 (4), л. 38; упомянутый цикл стихотворений Белого — «Горемыки»: «Золотое руно», 1906, № 1).

³ St. Книга вышла в последних числах декабря 1905 г.

55. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

(Февраль — март 1906 г.)

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Есть у меня к вам несколько покорных просьб: 1) В случае напечатания отдела «На перевале», убедительно прошу напечатать то, что я хотел напечатать в № 1, т. е. теоретическую часть ¹. О Мережковском и Бердяеве *очень прошу* не печатайте: *мне необходимо изменить там* несколько фраз ²; 2) В цикле моих стихов исключите два слабых, неудачных, но несомненно «*мистико-анархических*» стихотворения «Анархист» (или «Революционер») и «Манифестация»; оные произведения отданы мною в «Факелы» ³. Для замены же их у меня есть более подходящие еще не вполне отделанные стихотворения (на днях будут готовы). На днях принесу рассказ и «Феникс» ⁴.

Если бы вы зашли ко мне как-нибудь вечером, был бы весьма счастлив. (Лучше тогда известите открыткой.) Да, нельзя ли мне будет получить Сережины произведения ⁵. Остаюсь глубоко уважающий и преданный вам

Борис Б у г а е в

¹ См.: Борис Б у г а е в. На перевале. А. Л. Волинский. Достоевский. СПб., 1906. В. Розанов. Около церковных стен, т. 1. СПб., 1906. — «Весы», 1906, № 1 (эта книжка вышла одновременно и как № 12 за 1905 г.); «теоретическая часть» этой статьи в «Весах» напечатана не была.

² Отзывы о книгах Мережковского и Н. А. Бердяева в 1906 г. в «Весах» не появлялись.

³ Стихотворения «Опять он здесь в рядах борцов» и «Толпы рабочих в волнах золотого заката» («Факелы». Книга первая. СПб., 1906). Первое из стихотворений в рукописи имеет заглавие «Революционер» (см.: Андрей Б е л ы й. Стихотворения и поэмы, стр. 626). Второе стихотворение, в котором запечатлены похороны Н. Э. Баумана 20 октября 1905 г. в Москве, вошло в сб. Белого «Пепел» (СПб., «Шиповник», 1909, стр. 145—146) под заглавием «Похороны», а в переработанном издании сборника (М., «Никитинские субботники», 1929) получило название «Манифестация» (стр. 65). Брюсов, как и Белый, был невысокого мнения об этих стихах. Высоко оценивая (в письме к Блоку) опубликованные в «Факелах» «Балаганчик» и стихотворения Вяч. Иванова, он отмечал: «Все остальное в «Факелах» (в том числе стихи мои и Б. Н.) — дрянь, вещи, которые к искусству причислить нельзя никак» (Блок, т. 8, стр. 578). В печатном отзыве о «Факелах» Брюсов иронически комментировал стихотворение Белого: «Г. Андрей Белый не удовольствовался городовым и сочинил стихи про самого частного пристава, обзывая его даже не «дурным», а прямо «лютым» («Весы», 1906, № 5, стр. 57).

⁴ Рассказ Белого в 1906 г. в «Весах» напечатан не был; возможно, речь идет о рассказе «Горная владычица» (см. п. 66, примеч. 3). «Феникс» — статья Белого («Весы», 1906, № 7).

⁵ О каких произведениях С. М. Соловьева идет речь, неясно. Возможно, это стихотворения, составившие его первую книгу «Цветы и ладан» (М., 1907).

56. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

(Мюнхен. 21 сентября / 4 октября 1906 г.)

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич! Привет вам из Мюнхена. Спешу сообщить адрес. München, Barer Strasse, 53 II l. Скоро напишу подробнее. Гробовой цикл прошу выбрать для печати по вашему усмотрению ¹: я с «Руном» договорился относительно «Выноса» ². Привет Сергею Александровичу. Любящий вас Борис Б у г а е в

Открытка. На обороте цветная репродукция: München. Wittelsbacherbrunnen. Почт. шт.: München. 4. Oct. 06; Москва. 24.9.1906.

¹ См.: Андрей Белый. Панихида. Лирическая поэма из 9 отрывков. — «Весы», 1907, № 6. Заглавие «гробовому циклу» было дано Брюсовым.

² Вероятно, Белый договорился о передаче этого стихотворения, первоначально отданного в «Золотое руно», «Весам», чтобы напечатать его в составе цикла. См. пятый отрывок «Панихиды»: «Венки снимут...», напечатанный впоследствии под заглавием «Вынос» как самостоятельное стихотворение (сб. «Пепел»).

57. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

München. 19 $\frac{26}{X}$ 06 года (13 октября ст. ст.)

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Все собирался написать вам. Один раз даже до середины написал, но пришли знакомые, оторвали, потом нахлынуло *иное*, так что письмо пришлось разорвать. Я здесь очень отдыхаю. Здесь все для отдыха и работы. Только сегодня первый день дождь. А то еще два дня тому назад была жара, плескались голубыми струями фонтаны, зацветали маргаритки и розы. Я очень хорошо оклиматизировался здесь. Думаю пробыть здесь во всяком случае до весны ¹. Познакомился со многими художниками и некоторыми поэтами, немцами, поляками, швейцарцами. Малоинтересны. «Пишки» ² и Койранские ³ могли бы здесь распускать павлиний хвост. В 5 дней исчерпал немецкую молодежь.

Познакомился между прочим с Шоломом Ашем (есть такой еврейский драматург) ⁴. Малоинтересен. Познакомился с Шибышевским, который здесь живет ⁵, Шибышевский очень мил, но я еще его не раскусил. Буду у него на днях.

«Сецессион» — просто дрянь. В некультурных выходках московских художников больше свежести, чем в зализанном, учтиво-приторном модернизме сецессионистов ⁶. Конечно, есть исключения: Лавари ⁷, Каррьер ⁸, Штук ⁹, Рафаэлли ¹⁰, Диц ¹¹, Коттэ ¹²; но это — имена известные. Зато Дюрер ¹³ и оба Гольбейна ¹⁴ совершенно заполонили душу. Очень хороши старые немцы: Wolgemut ¹⁵, Strigel ¹⁶, Grünewald ¹⁷ и др.

Здесь, кроме того, лучшие гравюры Клингера ¹⁸. По-моему, Клингер бесконечно интереснее, а главное интеллигентнее, умнее Штука, Бёклина ¹⁹ и прочих ветеранов «нового искусства».

Теперь о делах.

С прискорбием извещаю, что по очень *серьезным внутренним* причинам я не могу допустить напечатание сборника «Тоска по воле» ²⁰. Верьте мне — мотивы серьезные. Года через два, быть может, можно мне будет печатать этот сборник. Вот почему прошу «Скорпион» вернуть мне рукопись.

Конечно, в случае, если когда-нибудь будет возможно мне напечатать эту книгу, я *сначала* обращусь в «Скорпион» с просьбой ее напечатать. Само собой, что никому не передам рукописи, кроме вас и Сергея Александровича.

По тем же мотивам появление *гробовых песен* ²¹ сейчас совершенно невозможно в печати. Верьте мне, если бы мотивы не были бы серьезны, я не обратился бы к вам с просьбой отдать рукопись. Итак, не печатайте в «Вессах» «гробовые песни».

Еще: пусть редакция сохранит про себя *причины* моего нежелания печатать «Сборник».

Пишу «Бокал метели» ²². Как только закончу, пришлю рукопись.

Пришлю на днях статью «Психология и теория познания» ²³. Она —

плод долгого и усидчивого чтения и работы, и мне очень хотелось бы видеть ее напечатанной в «Весах». Содержание — отвлеченное.

Примите уверение в совершенном почтении и искренней любви.

Борис Б у г а е в

Р. S. Сергею Александровичу мой привет и уважение.

Мой адрес. München. Barer Strasse 53 II l. Очень жду «Весы». Когда выйдет А. Блок, пришлите мне, пожалуйста, книгу ²⁴.

¹ Белый пробыл в Мюнхене до 1 декабря 1906 г.

² Вероятно, имеется в виду Максимилиан Яковлевич Шик (1884—1968) — переводчик, автор корреспонденций о немецкой литературе в «Весах».

³ Братья *Койранские* — Александр Арнольдович, Борис Арнольдович и Генрих Арнольдович (псевд. Г. Тверской) — молодые писатели из круга издательства «Гриф». Наиболее приметной фигурой из них был Александр Койранский, поэт и художник, автор критических статей по вопросам искусства и литературы, который, согласно воспоминаниям Н. Петровской, «остался поэтом невыявленных потенций» (ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, ед. хр. 2, л. 18).

⁴ Шолом Аш (1880—1957) — еврейский писатель, пользовавшийся в 1900-е годы известностью в России. О своих мюнхенских встречах с ним Белый рассказал в очерке «Шолом Аш. Силуэт» («Час», 1907, № 28, 16 сентября) и в мемуарах (*Между двух революций*, стр. 125—127, 131—132).

⁵ Станислав Пшибышевский (1868—1927) — польский писатель и публицист, крупнейший выразитель модернистских тенденций в польской литературе. Белый описал мюнхенские встречи с ним в «силуэте» «Пшибышевский» («Час», 1907, № 18, 2 сентября), дал характеристику его творчества в статье «Пророк безличия» («Киевская мысль», 1909, № 133, 15 мая; см. также: Андрей Б е л ы й. Арабески. М., «Мусaget», 1911, стр. 3—16). Белого познакомил с Пшибышевским Шолом Аш (см.: *Между двух революций*, стр. 127—128).

⁶ «Сецессион» («Sezession») — наименование ряда немецких и австрийских художественных группировок конца XIX — начала XX в., объединявших художников различных творческих направлений, противопоставлявших себя официальному академическому искусству. Мюнхенский «Сецессион» был основан в 1892 г.

⁷ Джон Лейвери (Lavery, 1856—1941) — английский художник, работавший главным образом в жанре портрета.

⁸ Эжен Каррьер (Carrière, 1848—1906) — французский живописец, портретист.

⁹ Франц Штук (Stuck, 1863—1928) — немецкий живописец и скульптор, автор многочисленных картин на библейские, мифологические и аллегорические темы; один из основателей мюнхенского «Сецессиона».

¹⁰ Жан-Франсуа Рафаэлли (Raffaelli, 1850—1924) — французский живописец и гравер; жанрист, бытописатель предместий Парижа, испытавший воздействие импрессионизма.

¹¹ Вильгельм фон Диец (Diez, 1839—1907) — немецкий художник и иллюстратор.

¹² Шарль Котте (Cottet, 1863—1925) — французский художник, ученик Ролля и Пюви де Шаванна; представитель так называемой «школы мрака», возникшей в виде протеста против крайностей импрессионизма.

¹³ Альбрехт Дюрер (1471—1528) — живописец, гравер, рисовальщик и теоретик искусства. Его произведения богато представлены в мюнхенской Старой Пинакотекте.

¹⁴ Ганс Гольбейн Старший (ок. 1465—1524) и его сын Ганс Гольбейн Младший (ок. 1497—1543) — живописцы и графики, также представленные в собрании Старой Пинакотекты. Творения классиков немецкого изобразительного искусства заняли во внутреннем мире Белого огромное место. В мюнхенском письме к М. К. Морозовой (от 12 октября 1906 г.), говоря о своем разочаровании в буржуазной Германии, он пишет: «Иногда мне казалось, что Мюнхена нет, а это кинематограф, мелькающий перед глазами, но когда вспомню Дюрера, Гольбейна, Крахера, грозящих сердцу жуткой, еще не испытанной далью, горизонты которой изрезаны образами грядущих титанов, — нет, опять верю в Германию» (ГБЛ, ф. 171.24.1а).

¹⁵ Михаэль Вольгемут (Wolgemit, 1434—1519) — немецкий художник и резчик по дереву, учитель Дюрера.

¹⁶ Бернхард Штригел (Strigel, ок. 1460—1461—1528) — немецкий художник.

¹⁷ Грюневальд (Grünwald) — немецкий живописец, настоящее имя Маттиас Нитхардт (Nithardt, он же Neithardt, ок. 1460—1470—1528). Согласно воспоминаниям Белого, именно работы Нитхардта в Старой Пинакотекте оказались ему особенно близки (*Между двух революций*, стр. 115).

¹⁸ Макс Клингер (Klinger, 1857—1920) — немецкий офортист и скульптор, примыкал к символизму. Белый вспоминал о своей мюнхенской жизни: «Часто часами сижу в пустом кабинете гравюр над альбомами Сегантини и Клингера — для понимания отличий гравюры-модерн от следов на дереве резца Дюрера» (*Между двух революций*, стр. 110).

¹⁹ Арнольд Бёклин (Böcklin, 1827—1901) — швейцарский художник, оказавший воздействие на формирование символизма в живописи.

²⁰ В неосуществленный сборник «Тоска по воле» должны были войти стихи, позднее объединенные в книгах «Пепел» (1909) и «Урна» (1909). Многие из них отразили переживания, связанные с отношением Белого к Л. Д. Блок, и поэтому наиболее вероятной причиной решения Белого было получение им в Мюнхене ее письма от 2 октября 1906 г. (ГБЛ, ф. 25. 9. 18).

²¹ См. п. 56, примеч. 1.

²² Белый работал над окончательной редакцией «четвертой симфонии» «Кубок метелей» (издана «Скорпионом» в 1908 г.).

²³ Статья «О границах психологии»; в «Весах» напечатана не была, впервые опубликована в кн.: Андрей Б е л ы й. Символизм. М., «Мусaget», 1910.

²⁴ Александр Б л о к. Нечаянная радость. Второй сборник стихов. М., «Скорпион», 1907; книга вышла в свет в декабре 1906 г. Белый откликнулся на нее резко критической рецензией («Перевал», № 4, 1907).

58. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва⟩ 16/29 окт⟨ября⟩ 1906

Дорогой Борис Николаевич!

Спасибо, очень спасибо за память, за вести о себе, вообще за письмо. Все, что вы сообщаете о своей жизни, о своих встречах, очень интересно. Я по-прежнему уверен, что новая обстановка, новые впечатления дадут вам много. Вы слишком долго жили в сфере все одних и тех же, или сходных, явлений. Ах, не презирайте внешнего. Внешнее часто бывает только ударником, разрезающим скопившееся электричество, которое без него, однако, осталось бы в скрытом виде. (Может быть, мои физические термины неверны, простите.) Внешнее [часто] дает только форму для внутреннего, но что такое содержание без формы? полное ничто, нечто, о чем нельзя даже говорить. Надеюсь увидеть вас весной, или вообще когда вы приедете — воскресшим, если не перерожденным, то возрожденным в свою новую, вторую жизнь.

Воля ваша относительно «Песен» будет, конечно, свято исполнена, хотя я ее и не понимаю. Могу еще до некоторой степени представить себе причины или поводы, которые отклоняют вас от печатания отдельной книги, сборника. Но почему не напечатать вам в «Весах» — «Панихиды», после того как вы печатали целый ряд отдельных стихотворений из сборника и в «Весах», и в «Руне», и в «Перевале»? ¹ Подумайте еще, может быть, передумаете. А мне все жаль лишить «Весы» ваших прекрасных стихов.

Раз заговорили о «делах», скажу и о «Кубке метелей». Мы его очень ожидаем. Начнем печатать тотчас, как получим рукопись. (Кстати: не позволите ли вы при этом несколько избранных отрывков напечатать в «Весах», сообразно с чем будет нами увеличен гонорар за книгу: это прием, который мы теперь применяем вообще по всем нашим изданиям.) ² Ждем и вашей теоретической статьи ³, которой мы, конечно, как *всему вашему*, рады, но которой, не знаю, будут ли рады наши читатели. Ведь вы знаете, что «читатели» вообще, как существо собирательное, очень легкомысленны и все предпочитают нечто в «повествовательном» роде, а не в роде «рассуждений». IV-ый «перевал» идет в № 10 ⁴; будет ли V-ый в № 11? ⁵ Вы говорили, что писать «перевалы» вам не в тягость. Ах, не оставляйте «Весы» без своей подписи!

В Москве нового мало, а, может быть, и совсем ничего нет. Единственное «событие» в нашем круге вы, конечно, уже знаете: умер Н. Я. Тароватый ⁶, очень скоро, в 48 часов, от менингита, от которого когда-то все боялись умереть вы. Его место в «Руне» занял В. Д. Милиоти ⁷. У «Весов»

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ КУБОКЪ МЕТЕЛЕЙ СКОРПИОНЪ

Глубокоуважаемому и
дорогому Валерию Яков-
левику Брюсову с неиз-
менной предан-
ностью и удивлением
Борис Бугаев

КУБОКЪ МЕТЕЛЕЙ

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ А. БЕЛОГО

на книге «Кубок метелей». М., «Скорпион», 1908: «Глубокоуважаемому и дорогому Валерию Яковлевику Брюсову с неизменной преданностью и удивлением. Борис Бугаев»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

соглашение с Мережковскими не состоялось⁸. Вероятно, оно состоится у Мережковских с «Руном»⁹. Неожиданно, не правда ли? Но Мережковские вообще люди довольно неожиданные. «Провал» еще не воплотился¹⁰. Пишите мне, прошу.

Всегда и сердечно ваш Валерий Брюсов

Р. S. Получаете ли вы «Весы» аккуратно?

Ответ на п. 57.

¹ В 1906 г. Белый напечатал в «Весах» стихотворный цикл «Одинокие» (№ 8), в «Золотом руне» — стихотворения из цикла «Горемыки» (№ 1) и несколько отдельных стихотворений, в «Перевале» — стихотворения из цикла «Горемыки» (№ 2).

² Отрывки из «Кубка метелей» в «Весах» не печатались.

³ См. п. 57, примеч. 23.

⁴ Борис Бугаев. На перевале. IV. Литератор прежде и теперь. — «Весы», 1906, № 10. Статья включала полемический аспект: в ней была подвергнута сомнению способность мистико-анархических «грез о соборном творчестве».

⁵ № 11 «Весов» за 1906 г. был целиком отведен повести М. Кузмина «Крылья».

⁶ Николай Яковлевич Тароватый (ум. 6 октября 1906 г.) — редактор-издатель художественно-критического журнала «Искусство» (1905), член редакции «Золотого руна».

⁷ Василий Дмитриевич Милиоти (1875—1943) — русский живописец и график.

⁸ О предполагаемом соглашении с Мережковским и Гиппиус по поводу совместного издания и редактирования «Весов» см. наст. том, стр. 289—293.

⁹ Союз Мережковских с «Золотым руном» также не состоялся.

¹⁰ Ироническое сообщение о том, что еще не вышел № 1 нового журнала «Перевал», под редакцией С. А. Соколова (см. наст. том, стр. 497). Брюсов в «Перевале» не участвовал — об отказе сотрудничать в этом журнале он известил С. А. Соколова 18 августа 1906 г. (ГБЛ, ф. 499.1.8).

59. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Мюнхен, 21 октября / 3 ноября 1906 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Спасибо за письмо, ужасно утешило. На днях отвечаю ¹. Привет! Здесь, к удивлению, вижу, что вы мне и в *идейном смысле* один из самых близких, и, кроме того, люблю вас очень. Печатайте мои гробовые песни, кроме одной *«Она гуляла в черном трауре вдоль реки»* ² и не печатайте ничего облачного в роде *«Ей поет ветерок»* ³ или *«Угроза»* ⁴. Перевал № 5 пришлю ⁵.

Уважающий и любящий вас Б. Б у г а е в

Сборник не надо: он — гадкий ⁶.

Открытка. Почт. шт.: München. 3. Nov. 06; Москва. 24.10.06.

Ответ на п. 58.

¹ См. п. 60.

² См. отрывок 6 в поэме «Панихида» — «Она гуляла вся в черном» («Весы», 1907, № 6, стр. 11—12; впоследствии не печатался).

³ Стихотворение под таким названием опубликовано не было.

⁴ Написанное в 1905 г. стихотворение «Угроза» («В тот час, когда над головой...») впервые напечатано в цикле «Голоса в полях» (альманах «Шиповник», кн. 6. СПб., 1908, стр. 155); вошло в сб. «Пепел».

⁵ Статья Белого «На перевале. V» в «Весах» не появлялась; после IV статьи этого цикла («Весы», 1906, № 10) была опубликована статья «На перевале. VI. Против музыки» («Весы», 1907, № 3). Возможно, что «Перевалом № 5» являлась статья «Против музыки» (написанная в Мюнхене), либо статья о мистическом анархизме (см. п. 69).

⁶ Сборник «Тоска по воле». См. п. 57, примеч. 20.

60. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Мюнхен. После 3 ноября н. ст. 1906 г.⟩

Дорогой, многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Спасибо еще за ваше письмо. Теперь окончательно выяснилось мне, что можно печатать стихотворения мои вот какие: «Сидишь на постели, обогранный закатом» ¹, «Панихида» ², «Вынос» ³, «Память» (Тужила о миллом... Весною левкою и т. д.) ⁴. Другие же гробовые не надо. «Симфонию» кончу через месяц. Что угодно из нее прошу печатать в «Весах» ⁵. А *сборника* сейчас по внутренним мотивам печатать не надо.

Живу тихо и сосредоточенно. Здесь еще все голубое. Тепло. По вечерам сижу у открытого окна с трубкой, и рисуется бессмыслица последних лет моей жизни. Знаю — так жить нельзя. Одиночество мое сейчас посещают тени. Слышу сладкие веяния. И верю, верю... и даже как-будто голоса.

Пришло ко мне далекое прошлое — детство (или, быть может, старость). Знаю, что громадный кошмарный период жизни для меня отходит маревом. «Вижу солнце завета, вижу небо вдали. Жду вселенского света от воскресшей земли» (Блок) ⁶. Мне больно и грустно: одиноко, но спокойно. Если кому-нибудь сделал больно, прошу прощения. Мне хочется перед всеми каяться, чтоб от всех уйти — уйти туда, куда призывают голоса. Здесь в Мюнхене был период, когда со всеми перезнакомился и так же быстро прервал все знакомства: неинтересно. Интересны поляки: особенно один (бывший секретарь «Химер») ⁷. Шибышевский мне очень нравится. Он — превосходный музыкант, но как литератор — неинтересен. Был у него раз, второй раз не тянет.

Утром гуляю в золотом громадном парке или сижу за коллекцией гравюр в Пинакотеке. От 2-х до 6-ти работаю. Вечером с Владимиром

у меня варим чай и закусываем. Потом подолгу сидим с трубками. Сидим и молчим. И душа умиляется тишине. Иногда идем в кафе и молчим над кружками пива, слушая вальс. Так идет день за днем.

Любящий вас Б. Б у г а е в

Р. С. «Весов» не получал ни одного №. Очень жажда иметь их. Последний №, какой я знаю, это с моими стихами. Да вот еще: молодой поляк из «Химер», очень смыслящий и утонченный в вопросах искусства, хочет попробовать для «Весов» перевести кого-нибудь из новейших и интереснейших поляков (Жеромского⁸, Высянского⁹, Берендса¹⁰).

Что ему сказать?

Ответ. на п. 58. Датируется приблизительно, по связи с п. 59.

¹ «Сидишь на постели...» — 1-й отрывок из поэмы «Панихида» («Весы», 1907, № 6). Белый предлагает для опубликования те отрывки, в которых менее отчетливо проступает подтекст его личных отношений с Л. Д. и А. А. Блоками.

² Вероятно, 4-й отрывок из «Панихиды» — «Вокруг // И жена, и любовница, и друг...» (там же).

³ См. п. 56, примеч. 2.

⁴ 8-й отрывок из «Панихиды» («Весы», 1907, № 6); как самостоятельное стихотворение под заглавием «Свидание» включено в сб. «Пепел».

⁵ См. п. 58, примеч. 2.

⁶ Неточная цитата из стихотворения Блока «Верю в Солнце Завета...» (1902, из сб. «Стихи о Прекрасной Даме»).

⁷ Казимеж Врочиньский (о нем. см. п. 62, примеч. 2). «Chimera» (1901—1907) — литературно-художественный журнал, орган польского модернизма.

⁸ Стефан Жеромский (Żeromski, 1867—1925) — польский писатель. Первый сборник его рассказов вышел в 1895 г.

⁹ Станислав Высянский (Wyspiański, 1868—1907) — польский драматург, поэт и художник; выступил в литературе в 1898 г.

¹⁰ О Вацлаве Беренте (а не Берендсе) см. п. 62, примеч. 7.

61. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Мюнхен, 25 октября / 7 ноября 1906 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Привет из Leopold'a¹.

Б. Б у г а е в

С. В у л и х²

В. В л а д и м и р о в³

Р. С. «Весы» ни одного № не получил. Вышлите, пожалуйста. Ужасная жажда читать по-русски, а особенно «Весы». Еще одна просьба: нельзя ли в счет гонорара мне выслать «Северную симфонию» (если можно, 2 экземпляра) и 1 экз. «Золота в лазури». Буду очень благодарен.

Р. С. «Перевал» № 5⁴ на днях вышло.

Открытка. Почт. шт.: München. 7. Nov. 06; Москва. 28.10.06.

¹ Мюнхенское кафе. Белый писал о нем: «Здесь уютно работать: сколько раз я набрасывал в «Leopold'e» план завтрашней работы, пыхтя трубкой, глотая пиво» (Андрей Б е л ы й. Мюнхен вечером. — «Киевские вести», 1908, № 165, 22 июня).

² С. А. Вулих — социал-демократ, меньшевик, находившийся в Мюнхене в эмиграции. Белый писал матери о нем из Мюнхена 31 октября 1906 г.: «Один только русский (еврей) — друг В(асилия) В(асильевича) пришелся мне очень по душе. Это социал-демократ, человек благородный и неподкупно честный. Может быть, через месяца полтора он будет в Москве. Прошу тебя, милая мама, отнестись к нему по-ласковей. Он такой одинокий, гордый и замкнутый, с виду даже неприятный, но в душе удивительный человек. Я ему дам письма к московским знакомым» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358; см. письма Вулиха к Белому за 1907 г.: ГБЛ, ф. 25. 13. 16).

³ См. п. 13, примеч. 3.

⁴ См. п. 59, примеч. 5.

62. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

(Мюнхен. 7/20 ноября 1906 г.)

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

Получил ваше письмо из Петербурга. Спасибо. Мне всегда так приятно и интересно получать известия от вас.

Позволю себе обратиться к вам на этот раз с деловым письмом.

Последнее время мне часто приходится встречаться с поляками. Из разговоров некоторых из них я вынес крайне много поучительного и свежего. В среде польских художников и литераторов, сгруппированных главным образом вокруг «Химер»¹, происходит то, чему следовало бы поучиться и нам. Вот почему я довожу до вашего сведения предложение одного высокообразованного и интересного польского молодого поэта Kazimierz'a Wroczyński², друга Пшесмыцкого³, издателя-редактора «Химер» — и сотрудника, переводить от времени до времени для «Весов» сливки молодой польской литературы, которая у нас совершенно неизвестна (за исключением сказавшихся и потухающих Пшибышевского⁴, Тетмайера⁵ и др.). Кроме того, интересуясь и высказывая сочувствие «Скорпиону» и «Весам», он просил меня известить вас и Сергея Александровича, что в случае, если бы «Скорпион» захотел когда-либо познакомиться с русской публику с последним словом польского молодого искусства, остановиться на следующих недавно появившихся произведениях:

«Popioły» — Żeromski («Зола» — Жеромского)⁶.

«Próchno» — Berent («Труха» — Берента (напечатана в «Химерах»)⁷.

«Milczenie» — Norwida («Молчанье» — Норвид; Норвид совсем неизвестный в России огромный художник)⁸.

История двоих влюбленных — Мицинского⁹.

4 источника. И. Врочинского¹⁰ (родственника К. Wroczyński).

Жду от вас ответа. Было бы очень хорошо, если бы вы выслали мне в счет гонорара последний и предпоследний год «Весов». Я имел бы возможность познакомить поляков с «Весами», которыми они очень интересуются, но которых не читали. Если бы редакция прислала «Весы» Пшибышевскому, он был бы глубоко благодарен. Сам он не владеет русским языком, но вокруг него целый клуб поляков, которые бы могли постоянно видать «Весы», рассказывать ему содержание и т. д. Его жена понимает по-русски. Адрес Пшибышевского: München, Bismark Strasse. 28 III 1.

От времени до времени я к нему захожу, чтоб послушать музыку: он считается одним из лучших исполнителей Шопена¹¹. Он очень милый, простой и усталый человек, сознавший свой закат и грустно присутствующий при своей смерти. В его грустной мешковатости и кроткой иронии есть что-то трогательное до слез. Если бы редакция «Весов» оказала ему внимание присылкой «Весов» или других изданий «Скорпиона», он был бы глубоко тронут. Я ему показал № «Золотого руна», и он с большим интересом рассматривал каждую деталь издания и показывал своим друзьям. Он высказал мне пожелание, чтобы редакция «Руна» выслала ему № (но он очень беден, и не может выписывать лично). Напишу «Руну». Но мне немного обидно, если б польская молодежь, столь интересующаяся «Скорпионом», имела представление о русском искусстве по «Руну». Вот почему я и прошу вас и Сергея Александровича, если можно, выслать Пшибышевскому хоть последний год «Весов». Он (Пшибышевский) — стоит того. И, кроме того, это полезно в деле ознакомления. Здесь сейчас масса поляков. Очень многие бывают у Пшибышевского.

Русская колония просила меня прочесть здесь реферат, но я пока отклонил, не имея времени и подходящих материалов. Во втором полу-

годии хочу познакомить здешних русских с вами, прочтя им реферат, посвященный вам¹². У многих русских есть большой интерес к вам, но они ничего не знают: все южане, провинциалы и часто партийные и нелегальные. Очень жду «Весов»; мне не присылали ни одного №. Когда выйдет что-нибудь новое в «Скорпионе», пожалуйста, пришлите мне. Сейчас напал такой период, что ничего не могу писать, а если и могу, то только «Симфонию». Поэтому «перевал» придется только прислать к декабрю¹³. Очень жду обещанного письма. О себе до другого раза. Примите уверения в совершенной преданности и любви.

Б. Б у г а е в

На конверте почт. шт.: Москва. 10.11.06; мюнхенский штемпель отсутствует (марка вырезана).

Ответ на утраченное письмо Брюсова.

¹ См. п. 60, примеч. 7.

² Казимеж Врочинский (Wróczyński, 1883—1957) — польский поэт и драматург, директор и режиссер театров в Лодзи и Варшаве. Ко времени знакомства с Белым вышел в свет только его первый сборник стихотворений «Circenses» (Warszawa, 1904).

³ Зенон Пиешмыцкий (Przemycki, псевд. Мириам, 1861—1944) — один из основоположников и теоретиков польского модернизма, редактор-издатель журнала «Химера».

⁴ Наиболее значительные произведения Станислава Пшибышевского вышли в 1890-х годах.

⁵ Казимеж Тетмайер (Tetmajer, 1865—1940) — польский поэт и прозаик, один из наиболее популярных польских писателей на рубеже XIX и XX вв.

⁶ Роман «Пепел» («Popiół», 1902—1903) в русском переводе (под названием «Пепелище») печатался в 1903 г. в журн. «Русское богатство» (№ 1—12).

⁷ Роман «Гниль» польского писателя-символиста Вацлава Берента (1873—1940) впервые напечатан: «Chimera», 1901, zeszyt 4—12; отд. изд.: Wacław B e r e n t. Próchno. Powieść wspólna. Warszawa, 1903.

⁸ Циприан Камиль Норвид (Norwid, 1821—1883) — польский поэт, драматург, живописец, скульптор. Не признанный при жизни, Норвид обрел вторую жизнь в начале XX в.; его творчество открыл и популяризировал Зенон Пиешмыцкий, выпустив в 1904 г. VIII том журнала «Химера», специально посвященный Норвиду. «Молчание» (1882) — философско-эстетическое исследование Норвида.

⁹ Тадеуш Мицинский (Miciński, 1873—1918) — польский поэт, драматург, прозаик и публицист, выразитель идей символизма. Имеется в виду его новелла: «Historia dwóga kochanków i pani Hoan-Tho. Z chińskich porcelan i Księgi: Kim Vàn-Kiên-Tân-Truyen» («Chimera», 1901, IV, s. 131—142).

¹⁰ Ян Врочинский (Wróczyński, 1883—1905) — второстепенный польский писатель, модернист, автор книги «Gawoty gwiazdne» (Lwów, 1905).

¹¹ Ср.: «Когда Пшибышевский играет, он точно худеет, вырастает: бледное, бледное лицо с горящими глазами, пальцы терзают рояль, точно орлиные когти свою добычу. И рояль гремит. И Пшибышевский, большой-большой, несет нас на крыльях своей души <...> Он один из лучших исполнителей Шопена. Шопеном он говорит с вами» (Андрей Б е л ы й. Пшибышевский. Силуэт.— «Час», 1907, № 18, 2 сентября; см. также: *Между двух революций*, стр. 130).

¹² Это намерение осуществлено не было. В мюнхенском кафе для русских Белый читал реферат «О символизме».

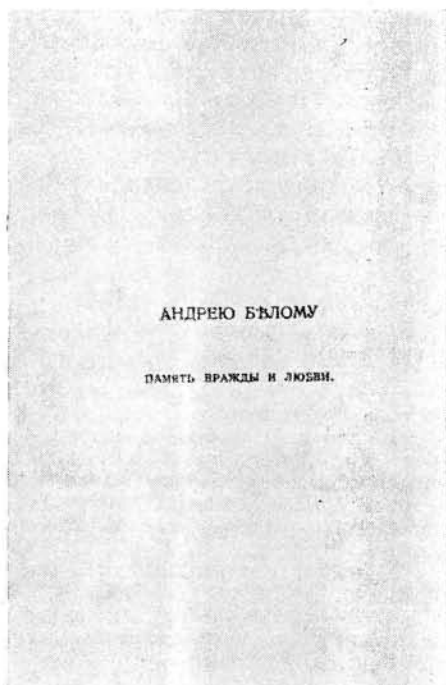
¹³ Очередная статья из цикла «На перевале».

63. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва⟩ 16 ноября 1906

Дорогой Борис Николаевич!

Письмо ваше и порадовало меня и повергло в отчаянье. Порадовало все, что вы говорите о себе, и ваша память обо мне. Отчаяло все, что вы пишете о польской литературе. Боже мой! для чего же «Весы» издаются три года, если даже вы не знаете, что в них печатается! Вы советуете «Весам» остановиться как на новинках польской литературы на романе Берента «Próchno», на писаниях Норвида, Жеромского, Врочинского... Но о «Próchno» мы писали два года назад¹, и самый этот роман уже *трижды* пе-

«ЗЕМНАЯ ОСЬ». М., «СКОРПИОН», 1907.

Сборник рассказов Брюсова, посвященный Андрею Белому

Титульный лист и посвящение

Экземпляр с дарственной надписью на форзаце: «Сергею Михайловичу Соловьеву дружески
Валерий Брюсов. 1907»

Собрание В. П. Нечаева, Москва

реведен на русский язык, один раз в «Вопросах жизни»! ². Вы называете Норвида «совершенно неизвестным в России», но в «Весах» *этого года* был помещен его рисунок ³; притом надо заметить, что это писатель и художник вовсе не современный нам, а живший чуть не сто лет назад (в начале XIX в.). О Жеромском мы говорили немного, а большего он не стоит ⁴. Еще меньшего стоит Врочинский, переводы произведений которого не раз присылались в «Весы» и с которыми мы хорошо знакомы. Помилосердствуйте, Борис Николаевич, не ломитесь в открытую дверь: мы польской литературой интересуемся, «Химеру» получаем с ее основания, о польских книгах всегда говорим, польским художникам посвятили отдельный №... ⁵ и т. д. Но если *вы* всего этого не заметили в «Весах», что же заметила публика! Для кого же мы работаем? Для кого же мы издаем журнал? Страшно. Страшно.

В Москве ничего нового. Москва все более и более становится городом провинциальным. Вся жизнь отлила в Петербург. Устраиваем «среды» и «вторники» ⁶, есть Общество «Леонардо да Винчи» и другое — «Единение» ⁷, но все это как-то вяло и безнадежно. Усилие, создавшее «Скорпион» и всех нас, временно истощило силы Москвы. Чувствую себя в самой подлинной пустыне. Хотя мы с вами и встречались редко, и говорили мало, а вернее — по разным «историческим» причинам — совсем не говорили (всерьез), но пока в Москве были вы, чувствовалось веянье живой души. Ныне — кругом видение Иезекииля ⁸. А Юргис Балтрушайтис среди мертвых костей, как живая, но, увы, безмолвная скала ⁹.

Я издаю сборник своих рассказов («Земная ось») ¹⁰. Как рассказчика меня не любят. Книгу будут бранить. Вы тоже не любите моих рассказов? Если нет, т. е. если не не-любите, позвольте посвятить ее вам, именно как единственной живой душе, которую я знаю. Но напишите об этом совсем откровенно. Если не хотите, я ни на миг не почувствую себя обиженным.

Пишите мне.

Всегда ваш Валерий Брюсов

Р. S. Все ваши просьбы передал в «Весы».

Ответ на п. 62.

¹ Отзыв о романе Берента «Гнилье» в «Весах» не печатался.

² Брюсов ошибочно назвал журнал «Вопросы жизни» вместо «Нового пути», напечатавшего роман Берента в переводе Вл. Высоцкого («Гниение» — 1904, № 7—9, 11); под названием «Блестящая пыль» роман был опубликован в приложении к журналу «Театр и искусство» — «Библиотека «Театра и искусства», 1904, кн. 1—13. Появилось и отдельное издание: Вацлав Б е р е н т. Гнилушки. Современная повесть. М., изд. В. М. Саблина, 1907.

³ Портрет Зыгмунта Красиньского работы Норвида («Весы», 1906, № 6). Ср. сообщение «Киприан Норвид» — о выпуске журнала «Химера», специально ему посвященном («Весы», 1905, № 2, стр. 73).

⁴ Отзывы о произведениях Жеромского в «Весах» не появлялись.

⁵ Рисунками и вклейками польских художников иллюстрирован № 6 «Весов» за 1906 г. Кроме упомянутого рисунка Норвида, были помещены работы Э. Окуня, С. Турбы-Кшишталоича, Э. Надельмана, И. Мехофера, Ст. Выспаньского и М. Вавженецкого.

⁶ «Среды» — собрания только что организованного «Общества свободной эстетики»; «вторники» — вечера Московского литературно-художественного кружка.

⁷ «Единение» — «Общество свободной эстетики» — см. о нем наст. том, стр. 33. Как сказано в кратком отчете о деятельности «Общества свободной эстетики» за 1906—1907 г., «весною 1906 года среди нескольких лиц, поклонников искусства, возникла мысль основать общество, которое соединяло бы в себе служителей всех родов искусства — художников, музыкантов, поэтов, драматических и балетных артистов, с целью сближения их между собою. Литературно-художественный кружок (Дмитровка, дом Вострякова) любезно предложил для собраний часть своего помещения. На одном из первых собраний произошел спор по поводу названия и задач нового общества. Часть членов основала свой кружок под названием «Общества Леонардо да Винчи», остальные же лица отделились и впервые собрались <...> в среду 8 ноября 1906 г.» (ГБЛ, ф. 386. 114. 36). По возвращении в Россию Белый, как и Брюсов, принял активное участие в собраниях «Общества свободной эстетики», выступая с докладами и чтением собственных произведений (см.: *Между двух революций*, стр. 218—245).

⁸ Т. е. картина всеобщего опустошения (см.: Книга пророка Иезекииля, VI—VII, XXXV—XXXIX).

⁹ О Ю. К. Балтрушайтисе см. наст. том, стр. 678.

¹⁰ Валерий Брюсов. Земная ось. Рассказы и драматические сцены (1901—1906 гг.). М., «Скорпион», 1907. Книга вышла в декабре 1906 г. (см. также п. 65).

64. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Мюнхен. 17/30 ноября 1906 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Привет! Еду в Париж завтра ¹. Об адресе извещу.

Весь ваш Б. Б у г а е в

В. В л а д и м и р о в

Маргарита Д и д е р и х с

Андрей Д и д е р и х с ²

Открытка. Почт. шт.: München. 30 Nov. 06; Москва. 20. 11.06.

¹ Белый поехал в Париж по приглашению Мережковского и Гиппиус.

² Мюнхенские знакомые Белого — художник Андрей Романович Дидерихс и его сестра Маргарита. См: *Между двух революций*, стр. 117; Андрей Б е л ы й. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 3, 1922, стр. 196.

65. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

(Москва. После 20 ноября ст. ст. 1906 г.)

Дорогой Борис Николаевич!

Я писал вам в Мюнхен — длинное письмо. Вытребуйте его. Всех поляков, о которых вы пишете, мы хорошо знаем, и обо всех *не раз писали в «Весах»*. «Próchno» переводилось в «Вопросах жизни»¹. Норвид жил в начале XIX в.; его рисунок помещен в «Весах» 1906 г. и т. д.²

Я просил у вас, в том же письме, позволения посвятить вам свою книгу рассказов «Земная ось». Можно ли? «В память вражды и любви»?³ Книга быстро печатается, и хочется скорого ответа.

Все ваши статьи будут, конечно, напечатаны в «Весах». В «Весах» же думаем мы напечатать и «Кубок метелей», а книгой издать «Четыре симфонии»⁴.

Не верьте Зинаиде Николаевне, что Париж — город старомодный. Он старомоден в целом, но в нем есть круги, есть люди, которые *впереди* всей современности. Их надо найти. Таково, например, общество «Abbaye» и его поэты: Argos, Duhamel⁵ и др. Хотите, пришлю адреса.

Если вам можно, познакомьтесь с Николаем Степановичем Гумилевым, Boulevard St.-Germain, 68; кажется, талантлив, и во всяком случае молод⁶.

Любящий вас всегда

Валерий Брюсов

Датируется приблизительно по связи с п. 64.

¹ См. п. 63, примеч. 2.² См. п. 63, примеч. 3.³ Посвящение сборника «Земная ось»: «Андрею Белому память вражды и любви» (см. п. 63, примеч. 10).⁴ «Кубок метелей» был издан «Скорпионом» в 1908 г. отдельной книгой. «Четыре симфонии» Белого в одну книгу объединены не были.⁵ См. наст. том, стр. 582.⁶ Брюсов был знаком тогда с Н. С. Гумилевым по переписке; в 1906 г. он опубликовал в «Весах» три его стихотворения (№ 6).

66. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

(Париж. 29 ноября/12 декабря 1906 г.)

Дорогой и глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Глубоко признателен и благодарен вам за ваше намерение посвятить мне книгу ваших рассказов¹. Мне это чрезвычайно лестно и интимно дорого. Ваши рассказы я очень люблю и ценю, так что, помимо вашего личного внимания ко мне, мне дорого это посвящение как посвящение высокоценного поэта. Простите чепуху мою о польской литературе — о меня просил поляк. Жду ответа решительного о его предложении. Мне ужасно спокойно и тихо в Париже. Живу в спокойной части города: Париж-Вавилон мелькает передо мной иногда и как панорама только. Вообще же Париж прост, здоров и вовсе не соблазнитель, но хорош и располагает к тишине².

Теперь о делах. У вас есть мой рассказ. Не знаю, годен ли он для «Весов». Но он озабочивает меня лишь в смысле возможного заработка. Поэтому, если он «Весам» не нужен, отдайте его в «Руно» или «Перевал»³. Прошу очень напечатать статью мою «Границы психологии»⁴, обещаю *больше* не утруждать философией. Извиняюсь за безумие, именуемое «манифестом». Если будете печатать, опустите слово «манифест»⁵. Впрочем поступите, как вам угодно. Буду скоро писать для «Весов». Получили ли «Перевал» № 5⁶. Мы собираемся с Зинаидой Николаев-

ной для «Весов» написать коллективную повесть или рассказ в недалеком будущем⁷. Вот и все о делах.

В заключение позволю себе сказать, что ужасно вас люблю (помимо уважения) и ценю как человека, независимо от (иногда вопреки) «исторических причин», которые, хотелось бы верить, уже отступают в область спокойного прошлого. Примите уверение в самом искреннем расположении.

Б. Б у г а е в

Р. С. Бедный Сергей Александрович! Как его здоровье? Мой привет и уважение ему.

На конверте почт. шт.: Paris. 12.12.06; Москва. 2.12.06.
 Ответ на п. 63.

¹ В подлиннике описка: «Книгу ваших стихов».

² Ср. отзыв Белого о Париже в письме к матери (декабрь 1906 г.): «Это парадокс, что Париж — здоровый и спокойный город, но это так. Здесь совсем не ощущаешь невращения, как у нас. У меня чувство, что я начинаю погружаться в глубокий спокойный сон, и меня озабочивает только то, как бы подольше не нарушился этот укрепляющий силы сон после годов усталости и мучений» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358).

³ Вероятно, рассказ «Горная владычица» («Перевал», 1907, № 12).

⁴ См. п. 57, примеч. 23.

⁵ «Манифест» Андрея Белого — «Художник оскорбителям» («Весы», 1907, № 1). В этом произведении он от имени художников-созидателей бросил слова гнева и презрения сытой толпе буржуа и эстетов, завершив отповедь словами: «Мы, милостиво божией, художник, посылаем вам наше неугасимое проклятие ныне и присно, и во веки веков. Аминь». Подзаголовок в печати был опущен.

⁶ См. п. 59, примеч. 5.

⁷ Замысел не был осуществлен.

67. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

«Париж. 1/14 дек^абря 1906 года

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

получил ваши письма — и большое, и малое.

Еще раз повторяю, мне чрезвычайно дорого и лестно ваше посвящение. Спасибо!

Относительно предложений Врочинского переводить жду положительного «нет» или «да», ибо должен тотчас же известить его в Мюнхен.

Еще важное деловое замечание. Мережковский просил меня сходить в Мюнхене к издателю Достоевского, а также и сборника «Меч» — Piper'у¹. Пипер просил меня сообщить, что очень интересуется молодым русским искусством. Поэтому он просит молодых авторов, прежде чем выйдут на русском языке их произведения, присылать рукописи ему (на русском). Он хотел бы переводить их на немецкий. Но для того, чтобы немецкое издание было *его всецело*, ему важно, чтобы немецкий перевод хотя бы на несколько дней появился раньше русского. Так он просил ему представить рукопись «Симфонии», а также сообщить русским писателям его просьбу². Адрес Piper'a: München. R. Piper. Verlagsbuchhandlung. Josephplatz 7.

Дорогой Валерий Яковлевич! Пришлите мне адреса вами упомянутых поэтов. Мне бы хотелось их повидать³. Но скажите, если вам не трудно, как мне для этого поступить? Неловко ведь прямо явиться на квартиру и т. д. Очень радостно, что «Весы» напечатают мою «Симфонию»⁴. Хотите, я вышлю вам первые отделанные главы (по крайней мере № на 3)? Или лучше выслать всю «Симфонию» сразу?

Но должен бежать. Кончаю. Остаюсь глубоко уважающий вас и любящий

Борис Б у г а е в

Мой привет и уважение Сергею Александровичу и Михаилу Федоровичу⁵. Привет и уважение Анне Матвеевне.

Ответ на п. 63 и 65.

¹ Рейнхард *Пипер* (1879—1953) — владелец издательства «Пипер и К^о», основанного в 1904 г. в Мюнхене. В 1906 г. приступил к изданию первого полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского на немецком языке при участии Д. С. Мережковского и Д. В. Filosofova (об этом издании см.: *ЛН*, т. 86, стр. 696). «Меч» — неосуществленное издание (об этом замысле см. наст. том, стр. 290).

² Замысел Пипера, о котором сообщает Белый, не был реализован.

³ Знакомство Белого с писателями «Аббатства» тогда не состоялось, возможно, по причине его болезни в январе 1907 г. (см. п. 68).

⁴ См. п. 58, примеч. 2.

⁵ Михаил Федорович Ликиардопуло — см. о нем наст. том, стр. 282.

68. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

«Париж. 6/19 января 1907 г.»

Дорогой Валерий Яковлевич!

Спасибо за высланную книжку. Не писал до сих пор, потому что боль мучила. Пишу из больницы, едва оправляюсь от операции¹. Больше писать не могу: мучительно.

Еще раз спасибо, спасибо за посвящение.

Примите уверение в совершенном почтении и любви.

Борис Б у г а е в

Закрытое письмо — «секретка». Почт. шт.: Paris. 19.I.1907; Москва, 10.I.07.

¹ А. Белый заболел в канун Нового года (флегмона, угрожавшая заражением крови). Болезнь усугублялась нервным расстройством, вызванным сложными отношениями с Л. Д. Блок. С помощью Мережковских и Д. В. Filosofova Белый был направлен в больницу, где 2 января ему сделали операцию. «Он очень подготовил свою болезнь ненормальным образом жизни, которую вел перед этим, — писала 3 января 1907 г. З. Н. Гишпиус матери Белого. — <...> Нервы распял себе до такой степени, что вид у него был прямо ужасный. У него слишком слабая воля, чтобы взять себя в руки, и с этой стороны я даже рада, что он проживет несколько времени в больнице, под строгим режимом. Это очень успокоит его нервы» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 366).

69. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

«Москва. Около 10 февраля ст. ст. 1907 г.»

Дорогой Борис Николаевич!

Простите, что молчал столько времени. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что я с большим вниманием следил за всеми известиями о вашей болезни¹. Приветствую ваше выздоровление. Сейчас не могу писать подробнее, потому что болен сам, и довольно серьезно: инфлуэнца с плевритом. Обращаюсь к вам пока по делу. Вы прислали нам «перевал» о мистических анархистах. Говорить о них «вообще», согласитесь, поздно. Но не позволите ли вы выбрать из вашей статьи несколько страниц, как заметку по поводу новой книжки Чулкова «Анархические идеи в драмах Ибсена»? Подожгло бы. Напечатали бы в № 2². Ответьте, если можно, скоро. № 1 «Весов» вы, вероятно, получили. Мне он нравится. Всех очень живо задевает ваш манифест³. Подписчиков у «Весов» уже теперь много больше, чем в прошлом году, и новые все прибывают⁴. Поджидаем «Кубок метелей». Но начнем его уже со второй половины года⁵. Напишу вам подробно, как только поправлюсь. Но вы, умоляю, не считайтесь со мной письмами, известите о себе.

Ваш сердечно Валерий Б р ю с о в

РИСУНОК
Н. П. ФЕОФИЛАКТОВА
ДЛЯ ОБЛОЖКИ «ВЕСОВ»;
1907, № 1
Тушь
Литературный музей, Москва

Датируется приблизительно, по п. 70.

¹ 8/21 января 1907 г. З. Н. Гиппиус извещала Брюсова:

«...больной А. Белый лежал у нас перед операцией и почти кричал от боли, которая «туго, туго крутила жгут». Теперь все понемножку обошлось. Операция сделана, прошла хорошо, и Белый лежит кротким, веселым, больным ангелом среди ухаживающих за ним монахинь какого-то строгого католического ордена. На будущей неделе, вероятно, встанет. Туча близких и дальних навещают его. Его, ведь, как-то любят и те, и другие» (ГБЛ, ф. 386. 82. 39, л. 1—1 об.).

² Ни статья Белого о мистическом анархизме, ни его заметка по поводу книги Г. Чулкова (СПб., «Шиповник», 1907) в «Весах» помещены не были.

³ См. п. 66, примеч. 5. Брюсов отстаивал «манифест» Белого, в частности, перед З. Н. Гиппиус (см. наст. том, стр. 692—693).

⁴ Согласно типографским счетам издательства «Скорпион», в 1906 г. у «Весов» было 845 подписчиков, а в 1907 г. — 1095 (см. наст. том, стр. 299).

⁵ См. п. 58, примеч. 2.

70. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

«Париж. 14/27 февраля 1907 г.»

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Как ваше здоровье? Ужасно печально, что вы больны: надеюсь, поправляетесь. Что касается меня, перевязка замучила: скучно, дорого и кропотливо. Но во всем прочем чувствую себя прекрасно. На днях читал лекцию «Социал-демократия и религия»¹. Было много курьезов. Познакомил Мережковского с Жоресом². Теперь Мережковский читает лекцию по-французски; председательствовать будет Жорес³. Ужасно полюбил Париж. Но мало, что видел: вы будете бранить за некультурность. Мне нравится шляться по улицам и застывать в кафе над пивом с трубкой. Был только на обеде, устроителем которых бывает Фор⁴, Шарль Морис⁵

и др. Скучно — глупо. Был раз в кафе, где ораторствует Мореас ⁶. Но Мореас не оказалось. Мережковские с ним познакомались. Были раз с Минским и Зинаидой Николаевной в «пикантных» монмартрских кабаках — интересно ⁷. Минский так и захлебывается *Монмартром*: не понимаю. Познакомился с Гумилевым ⁸. Может быть, письма его и интересны, но общий облик его — «паньчи — ось сосулька!» (Гоголь. «Вий»), и *сосулька* глупая. Первый № «Весов» очень хорош. Как хорошо, что есть «Весы»! Только там и пишешь с удовольствием. Кстати о «Весах» и о делах. Сделайте из «Перевала» (о мистическом анархизме) что угодно, особенно, если против Г. Чулкова ⁹. Видел, что мои погребальные песни вы озаглавили «Панихидой». Если вы не против, то напечатайте погребальные песни целиком. Теперь у меня нет субъективных причин, препятствующих их появлению. Прилагаю еще одно гробовое: если хотите, вставьте его в цикл в виде эпилога ¹⁰. «Кубок метелей» почти готов. Я привезу его сам (буду в середине марта в Москве). Если «Скорпион» согласится печатать мою «Тоску по воле» ¹¹, то я тоже теперь ничего не имею личного, что препятствовало бы его появлению. Я выбросил бы только одно, два стихотворения и дополнил бы его стихами (у меня стихотворений 20) ¹². Мне было бы очень приятно, если бы вы напечатали мою книгу; но сперва я должен вставить дополнение из новых стихов. Поблагодарите Сергея Александровича за любезную присылку денег: мне тогда они так были нужны (для больницы). Как здоровье С. А.? Очень интересуюсь: ведь он был так болен. Передайте ему привет и уважение.

Еще одно дело: очень прошу напечатать то, что прислал я о *музыке* ¹³. Писать ли для «Перевала»? ¹⁴ Дорогой Валерий Яковлевич, простите за лаконизм. Читает Мережковский социал-демократам. Мне надо подготовиться для возражения социал-демократическим оппонентам (они выставили против Мережковского своих тузов) ¹⁵. Читаю «Mouvement socialiste» — орган синдикалистов, которые выуживают все, что только можно, против социал-демократии. По приезду надеюсь лично вам многое, многое рассказать. Ужасно хочу вас видеть. До скорого свидания. Будьте здоровы!

Остаюсь глубоко уважающий и любящий вас

Борис Б у г а е в

Р. С. Стихотворение *гробовое* вышлю на днях: вспомнил, что оно у Зинаиды Николаевны.

На конверте почт. шт.: Москва, 18.2.07 (Парижский штемпель отсутствует — марка вырезана).

Ответ на п. 69.

¹ Белый читал лекцию «Социал-демократия и религия» 22 февраля 1907 г., в помещении кафе, в пользу парижской эмигрантской кассы (напечатана в журнале «Перевал» 1907, № 5). В ней утверждались сходство задач и общность путей «религиозного строительства» и «социального переворота». Белый писал матери 28 февраля 1907 г.: «Лекцию прочел: публики была масса. Произвела много толков. Было много нападок. Очень многие серьезно заинтересовались» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358).

² Сам Белый познакомился с Жаном Жоресом в декабре 1906 г. «Мне приходилось встречаться с ним почти ежедневно за завтраком в одном из уютных пансионов в Passy, куда он заходил перед отправлением в Палату депутатов. Здесь, в небольшом кругу знакомых лиц, он был необыкновенно прост и интимен» (Андрей Белый. Силуэты. I. Жорес. — «Накануне», 1907, № 20, 6 июля). В письме к матери от 18 февраля 1907 г. Белый сообщал: «Вчера познакомил Жореса с Мережковским. Я полюбил очень Жореса» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 358). «Жорес был неподдельно мил и с интересом расспрашивал русских об их религиозных взглядах, об отношении мистического построения Мережковского к общественным вопросам вообще, об отношении его к социализму и анархизму, наконец, расспрашивал о России <...> Они расстались, по-видимому, довольные друг другом; по крайней мере Д. С. Мережковский потом говорил о Жоресе с большой теплотой и сердечностью. Мне неловко было говорить

с Жоресом о Мережковском, как человеку, слишком близко стоящему к интересам русского писателя» (Андрей Б е л ы й. Из встреч с Жоресом.— «Час», 1907, № 2, 14 августа; см. также: *Между двух революций*, стр. 149—168). Мережковский описал свою встречу с Жоресом в статье «Цветы мечанства» («Речь», 1908, № 35, 10 февраля), вошедшей в его книгу «В тихом омуте» (СПб., 1908).

³ Этот проект не был осуществлен. См.: *Между двух революций*, стр. 163—164.

⁴ Поль Фор (1872—1960) — французский поэт-символист, автор 34 сборников «французских баллад», многие из которых воскрешали народные мотивы и легенды старой Франции. В России его переводили Брюсов и Бальмонт.

⁵ Шарль Морис (1861—1919) — французский поэт, теоретик и критик позднего символизма, автор работ по живописи, скульптуре, философии, искусству, а также католическо-символистских романов.

⁶ Жан Мореас (наст. имя — Яннис Пападиамандопулос, 1856—1910) — французский поэт, грек по происхождению. Ему принадлежит самый термин «символизм», теоретически обоснованный в «Манифесте символизма» (1886). В кафе, где ораторствует Мореас, Белого пригласила З. Н. Гиппиус (*Между двух революций*, стр. 180).

⁷ О прогулках Белого совместно с Минским и Гиппиус по парижским кабачкам см.: *Между двух революций*, стр. 173—177.

⁸ С Гумилевым Белый познакомился у Мережковских, куда Гумилев пришел по рекомендации писательницы В. Микулич (Л. И. Веселитской).— См. письмо З. Н. Гиппиус к Брюсову от 8/21 января 1907 г. (ГБЛ, ф. 386.82.39, л. 4—4 об.).

⁹ См. п. 59, примеч. 5.

¹⁰ 9-й, заключительный отрывок поэмы «Панихида» — «Я вышел из бедной могилы...» («Весы», 1907, № 6, стр. 14); под заглавием «Матери» напечатано в кн. «Пепел».

¹¹ См. п. 57, примеч. 20.

¹² Большинство новых стихотворений («В поле», «Совесть», «Ночь», «В лодке», «Полевой пророк», «Друзьям» и др.), вошедших впоследствии в сборники «Пепел» и «Урна», написаны Белым в январе 1907 г. в больнице: «...больной пишу ряд стихотворений, в которых впервые встает лейтмотив сборника «Урна» («Материал к биографии...», л. 54 об.).

¹³ Борис Б у г а е в. На перевале. VI. Против музыки.— «Весы», 1907, № 3. Белый читал «Против музыки» как доклад в «Обществе свободной эстетики» 28 марта 1907 г.

¹⁴ Т. е. очерки и статьи для «Весов» под рубрикой «На перевале».

¹⁵ В основу лекции Мережковского была положена статья Гиппиус «О насилии» (в кн. З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и Д. В. Filosofova «Le Tsar et la Révolution», Paris, 1907). Лекция состоялась 5 марта/21 февраля «в гигантской Salle d'Orient»: Сошло все хорошо. Было чуть не 1000 человек. А возражения пришлось перенести еще на другой вечер. Среди оппонентов был <...> и Андрей Белый» (З. Г и п п и у с-М е р е ж к о в с к а я. Дмитрий Мережковский. Париж, YMCA-Press, 1951, стр. 170).

71. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

«Москва. После 18 февраля 1907 г.»

Дорогой Борис Николаевич!

Приветствую сердечно. Благодарю за письмо. Очень жду вашего возвращения. Стоило ли читать лекции в кружке парижских русских! Куда осторожнее — сторониться их! Посылаю вырезку о вашей лекции из одной московской газеты¹. Вашу «Музыку» напечатает в № 3. О «Тоске» поговорим подробно при встрече. «Гробовые песни» можно поместить в № 4. Надеюсь увидеть вас не только выздоровевшим, но и бодрым и сильным.

Всегда ваш Валерий Б р ю с о в

1907

Ответ на п. 70. Датируется приблизительно, по этому письму.

¹ Сообщение о лекции Белого «Социал-демократия и религия», прочитанной в Париже (см. п. 70, примеч. 1), — вырезка из газеты «Утро», 1907, № 54, 16 февраля. Автор его, М. Я. Семенов, излагает в иронической форме взгляды Белого и указывает, что «социал-демократы беспощадно расправились с рефератом, довольно грубо отвернувшись от протянутой им «товарищеской руки» (вырезка сохранилась в архиве Белого.— ГБЛ, ф. 25.7.7).

72. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

<с. Надовражино. 19 апреля 1907 г.>

Дорогой, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Сейчас вдруг нервы рухнули. Бегу из Москвы дня на три. Я не знаю почему, но хочу вам сказать, как я вас люблю, ценю и *у в а ж а ю*. *У в а ж а ю* — примите в самом священном и серьезном смысле. Вы для меня (хотя мы во многом и разные) — образ настоящего рыцаря среди хаоса лиц, из которых почти всех внутренне презираю.

Не удивитесь ни тону, ни мотивам моего письма. Все эти дни я хотел внутренне низко вам поклониться.

Сердечно любящий вас Борис Б у г а е в

P. S. Я у вас забыл две книги по социальному вопросу: они до зарезу нужны одному человеку, г. Вулиху¹. Он зайдет к вам за этими книгами. Можно ли предупредить вашу прислугу, чтобы она передала г-ну Вулиху этот пакет.

На конверте почт. шт.: Крюково, Моск. г. 20.IV.1907; Москва. 20.4.07.

¹ См. п. 61, примеч. 2.

73. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

<Москва.> Ночь под Пасху <22 апреля> 1907

Дорогой Борис Николаевич!

Я очень ценю ваше письмо. Во время наших последних встреч мне много раз хотелось сказать вам почти те же слова, какие вы мне написали. И мне кажется, что близость наша должна остаться, потому что соединяет нас не столько наше «сходство» (хотя и оно существует при всех наших основных расхождениях), сколько наше решительное «отличие» от многих, многих и многих других. Вспоминая наше далекое прошлое и глядя на недавно пережитые дни, я думаю, что уже нет таких событий, которые сделали бы нас чуждыми друг другу. Здесь — нечто, стоящее выше всех расчетов человеческих.

Ваш всегда Валерий Б р ю с о в

Post scriptum. Читаете ли вы в кружке 24 на «вечере нового искусства»? ¹ Я *отказался* решительно. Я соглашался читать на простом благотворительном вечере, но не хочу своим именем прикрывать спекуляцию на «новом искусстве», сопровождаемую к тому же грубой рекламой. «Новое искусство» для меня дело серьезное, и я не считаю, чтобы имел с ним что-либо общего вечер, сочиненный безо всякого идейного замысла, с помощью самых случайных участников. Кроме меня, от чтения отказались еще Юргис Балтрушайтис и Нина Ивановна. Если бы отказались и вы, было бы и справедливо и дорого для нас.

Ответ на п. 72.

¹ Вечер нового искусства в Московском литературно-художественном кружке был устроен 24 апреля 1907 г. с благотворительной целью и состоял из трех отделений: литература; музыка; мелодекламация и мелопластика. Среди участников вечера были объявлены — Брюсов, Ал. Брюсов, Ю. Балтрушайтис, Н. Петровская, Андрей Белый, С. Кречетов, переводчик Вл. Высоцкий и др. (см. «Русские ведомости», 1907, № 92, 21 апреля). Белый выступил на вечере с чтением отрывков из своей впоследствии утерянной поэмы «Дитя-Солнце».

74. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

<Москва. После 22 апреля 1907 г.>

Дорогой Валерий Яковлевич!

Не осудите меня: конечно, по прочтении вашего письма я решительно отказался от вечера, тем более что решил в деревне не участвовать на вечере (схватил сильнейшую простуду). Я отказывался дважды: наконец, в последний раз барышня расплакалась, и я, растерявшись совершенно (не могу видеть как плачут), при всем нежелании участвовать принужден был согласиться. Еще раз не осудите ¹.

Глубоко преданный вам Борис Б у г а е в

Ответ на п. 73. Датируется приблизительно, по этому письму.

¹ В письме к отцу, конец апреля 1907 г., Брюсов сообщал: «Я <...> в этом вечере не участвовал, ибо меня рассердило рекламное объявление. Приглашали меня читать просто в благотворительном концерте, а вдруг объявляют о «вечере нового искусства». Вместе со мной отказались еще — Игумнов, Балтрушайтис и Н. Петровская. Отказался было и Андрей Белый, но устроительница приехала к нему, рыдала, умоляла, и он уступил. Ко мне она тоже приезжала и передо мной тоже рыдала, но я остался тверд» (ГБЛ, ф. 386.142.9; см. о том же в письме к А. А. Шестеркиной, б.д. — ГБЛ. ф. ОР. 128. 12).

75. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

<с. Надовражино, 25 мая 1907 г.>

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Пишу вам из деревни. Ужасно жалею, что не простился. Устал. Надо работать — писать. В Москве не дают. На днях пришло рецензию о Чулкове ¹. Скоро вышлю «Симфонию» ² и «Перевал» ³. Хотелось бы получить «Весы». Адрес: по Николаевской ж. д. Станция Крюково. Село Надовражино. А. С. Любимовой ⁴ для передачи мне. Можно узнать, будет ли печататься мой сборник? ⁵. Если что нужно для «Весов», готов. Вообще готов для «Весов» все делать. Остаюсь глубоко преданный и любящий вас

Б. Б у г а е в

Открытка. Почт. шт.: Крюково Моск. г. 25.V.1907; Москва. 25.V.1907.

¹ Рецензия на кн.: Георгий Ч у л к о в. Тайга. Драма. СПб., «Оры», 1907 («Весы», 1907, № 6).

² «Кубок метелей». См. п. 61, примеч. 5.

³ Борис Б у г а е в. На перевале. VIII. Синемаатограф («Весы», 1907, № 7).

⁴ Одна из трех сестер-поповен (Любимовы Авдотья, Александра и Екатерина Степановны), живших в Надовражине, знакомых Белого и С. М. Соловьева. Имеется в виду, вероятно, Александра Степановна — «умница с «вкусами», она проницала все вздохи душевных изгибов Сережи» (*Между двух революций*, стр. 87).

⁵ См. п. 57, примеч. 20.

76. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

<с. Надовражино. 19 июня 1907 г.>

Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич,

все собирался вам писать, но все время или недомогал, или был занят, да и думал быть в Москве. Ужасно хочу вас видеть: что за восторг ваше стихотворение «Встреча» ¹. Только в печати его оценил. Люблю вас ужасно: вы — самое дорогое, близкое, родное и безусловное, что есть сейчас для меня в литературе. От «Огненного ангела» тоже в восторге: хотелось бы очень много с вами о нем говорить ².

На конверте почт. шт.: Крюково Москов. г. 19.VI.1907; Москва. 19.VI.1907.

¹ Стихотворение «Встреча» (впервые: «Весы», 1907, № 5) вошло в цикл «Эротика» книги «Все напевы» (*Пути и перепутья*, т. III).

² Белый пишет о первых трех главах романа, напечатанных в «Весах» (1907, № 1—3, 5); в них уже отчетливо выступал биографический подтекст отношений Брюсова и Белого (см. вступит. статью).

³ См. п. 57, примеч. 20.

⁴ Белый работал над «четвертой симфонией» «Кубок метелей» с 1902 г.; см.: «Отрывок из 4-ой симфонии». — Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1903, стр. 52—61. Белый писал: «Время написания этой «Симфонии», вернее 4-ая переработка трех порч первой редакции (1902 года) — лето 1906 — до лета 1907 года, т. е. самый болезненный период моей жизни, когда я чувствовал угасание жизни в себе; и этою болезненностью пропечатаны образы «Симфонии...» («Материал к биографии...», л. 55). Белый закончил «четвертую симфонию» в мае-июне 1907 г. на даче.

⁵ Как попытку реализации этого замысла можно рассматривать рассказ Белого «Адам. Записки, найденные в сумасшедшем доме» («Весы», 1908, № 4), явившийся предварительным наброском темы, разработанной позднее в романе «Серебряный голубь» (1909). О намерении Белого работать над новой повестью «Серебряный голубь» сообщила газета «Час» (1907, № 37, 3 ноября). Одновременно с этим в журнале «Перевал» (№ 10, 1907, стр. 51) извещалось, что в ближайшее время в издательстве «Гриф» выйдет роман Белого «Адмиралтейская игла». Объединив различные свидетельства, К. Н. Бугаева и А. С. Петровский пришли к выводу, что «в 1907—1908 гг. А. Белый работал над каким-то художественным произведением, текст которого нигде не обнаружен» (К. Б у г а е в а, А. П е т р о в с к и й. Литературное наследство Андрея Белого. — ЛН, т. 27-28, стр. 599).

77. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Петербург. Первая половина октября 1907 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Обсудив условия, которые вы предложили нам для вступления в газету «Голос Москвы», и посоветовавшись с А. Блоком, я пришел к следующему решению.

Решение наше возможно исключительно в том случае, если «Голос Москвы» открыто (печатно) объявит себя газетою беспартийною.

Это наше условие совершенно необходимое особенно ввиду теперешнего положения политических дел и успеха октябризма ¹.

Примите уверения ⟨в⟩ глубочайшем почтении

Борис Б у г а е в

¹ «Голос Москвы» (1906—1915) — ежедневная газета, главный орган Союза 17 октября. В октябре 1907 г. Брюсов вел с редакцией переговоры об издании «Литературных приложений» к газете при ближайшем участии его самого, Белого, Блока и Сологуба. Основные условия издания «Приложений» Брюсов оговорил в письме к Сологубу от 16 октября 1907 г.:

«1. «Голос Москвы» становится газетой внепартийной.

2. «Литературное приложение» выходит отдельно от газеты, под нашим редакторством *, четыре раза в месяц.

3. В каждом № «Приложения» 2000 строк, оплачиваемых в 400 р., а в месяц 8000 строк, оплачиваемых 1600 р.

4. Каждый из нас четырех (я, вы, А. Блок, А. Белый) имеет право ежемесячно поместить своих произведений на сумму до 200 р.

5. Вы, я и А. Белый имеем право получить в месяц по 100 р., хотя бы в данный месяц и не поместили в газете соответствующего количества строк.

6. Наш гонорар **: стихи — 80 коп. стих; художественная проза — 25 коп. строка; критика — за подписью 20 к., без подписи — 10 к. строка» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 94).

* Общая редакция газеты сохраняет за собой право *veto* на тот случай, чтобы не появилось в газете произведений, которые могли бы повлечь за собою ее закрытие или тяжелый штраф (примеч. Брюсова).

** Это для нас четырех. Для других: стих — 35 к., проза 15 и 10 к. строка (примеч. Брюсова).

Предполагаемый договор не был реализован, что Брюсов связывал с победой октябристов на выборах в Государственную думу. В конце октября он сообщал Сологубу: «Октябристы после победы оказались гораздо менее стоворчливыми. С другой стороны, А. Белый, вспомнив вдруг, что он «левый», отказался от участия в «Голосе». В результате вся комбинация с этой газетой расстроилась» (там же). Сологуб, подобно Белому, отказался от участия в «Голосе Москвы»: «В данный момент я не могу уклониться вполне далеко кадетов», — писал он Брюсову 28 октября 1907 г. (ГБЛ, ф. 386. 103. 26).

78. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

(Москва. Апрель 1908 г.)

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

верьте, что все нижеследующее не есть продукт досады на ваши слова, в которых вы квалифицировали мою отдачу стихов в «Руно», как 1) *недобросовестный* поступок, 2) как *продажу* себя (так я понял) ¹.

То, что я сам просил вашего *искреннего* мнения о своем отношении к «Руно», конечно, не вызывает во мне резкой отповеди, какая последовала бы, если бы вы по собственному почину назвали мой поступок так, как называли сегодня: тогда это было бы оскорблением; теперь это ваша по отношению ко мне *«горькая правда»*. И я вам искренне благодарен за *«искренность»* ваших слов (от которых голова у меня идет кругом и которые, конечно, я отвергаю; ибо приняв их... — мне осталось бы пустить пулю в лоб; или заточить себя в арестантские роты). Люди отняли у меня все, жизнь лишила меня всего, и вот уже давно я живу лишь тем, что доброе имя мое не *запятнано низостью*. Если бы я был человеком продажным, я не был бы сейчас таким одиноким, несчастным; о, я сумел бы устроиться с жизнью. Вы пытались (невольно) у меня отнять сегодня и мое *сокровище*.

Нет, Валерий Яковлевич, я не принимаю ваших слов... И я не сержусь на вас: я вам искренне благодарен за прямоту: так давно от людей я не слышал прямого слова, хотя говорил и писал на своем веку много прямых слов; оттого-то, быть может, умею принимать от людей чужую *«правду»*, хотя и не разделяю, конечно, ее.

Конечно, не стану оправдываться: (схоластику к черту!) скажу только, что вовсе с другой точки зрения смотрел на возвращение в «Руно»; мне даже в голову не приходило, что можно квалифицировать кодексом нравственности мои внешние отношения к той или иной редакции, хотя мои отношения к «Весам» всегда мне казались внутренними. Вот я и хотел объяснить вам как редактору «Весов» то, что вынудило меня с неудовольствием дать стихи в «Руно». Вы взглянули иначе: вы судили мою нравственную личность. Не допускаю и мысли, что вы до глубины души раз навсегда высказались о моей сущности...

Какое создалось теперь положение из всего происшедшего:

1) Я уж, конечно, не могу допустить появления моих стихов в «Руне», раз есть хотя бы один человек, который может высказаться об этом поступке так, как высказались вы, которого я уважаю; я делаю все от меня зависящее, чтобы они (стихи) не появились; имею ли я юридическое право остановить №? Написал в «Руно» требование остановить печатание (хотя стихи уже сверстаны). Все, что в моей воле, я делаю: они могут только насильно напечатать. Тогда будет грандиозный скандал: пусть. Надеюсь, все же не напечатают. *Во всяком случае я не сотрудник «Руна».*

2) Но чувствуя себя нравственно заподозренным, я не могу считать себя сотрудником идейного журнала, ибо не могу себя считать в ваших глазах идейным сотрудником; знаю себе цену (как нравственной личности), но не могу насильно заставить вас видеть себя таковым. Что мне остается? Только, увы, прекратить свое участие в «Весах», пока вы не

формально, а искренно снимете с меня ужасное подозрение, что я в ваших глазах черт знает кто. Не могу вас *оскорблять* (внутренно) участием с вами в столь дорогим и близким вам органе, как «Весы». Это мне и больно и горько: но иного выхода не существует. И во всяком случае формальное удостоверение меня в том, что я еще не негодяй, т. е. снисхождение ко мне я не допускаю.

Это не отказ, Валерий Яковлевич, от «Весов»; это не каприз, и не истерика; это — аксиома: как же иначе?

Я еще раз подчеркиваю свое уважение к вам, отсутствие личного чувства, т. е. неприязни, досады и т. д.

Но моя гордость унижена: я не могу быть там, где есть хоть один человек, который может смотреть на меня так, как взглянули вы на меня, утверждая мою бесчестность и продажность. Дорогой Валерий Яковлевич, во всех серьезных обстоятельствах, касающихся карьеры и чего-либо подобного, я поступал инстинктивно так, чтобы обстоятельства повернулись против меня, но чтобы я не имел возможности утверждать, что поступил, сообразуясь с выгодой.

Вопреки своей выгоде я бросил Университет, где мне предлагали остаться; вопреки выгоде разорвал круто с разными чиновниками; вопреки выгоде поступил так же в одном личном деле, отчего жизнь моя разбита ²; вопреки выгоде ругаюсь вот уже год ³. Когда я согласился дать стихи в «Руно», мной руководило желание напечатать 2—3 своих стихотворения. У меня много стихов и мне их негде печатать; я должен ограничиваться 7 — 8-ю стихами раз в год ⁴. У меня есть фундаментальные статьи, и в «Руно» собиралось их печатать (где я мог высказать свое «credo») ⁵; в «Весах» не нашлось бы места; ни в каком другом журнале я не пишу; и мне приходится предстать в литературе не в моем настоящем облике.

Кроме того: деликатности ради я до сих пор не устроил дел со своим именем на Кавказе, которое дало бы мне возможность не вполне зависеть от печатных строк ⁶; устройство этого дела есть вопрос для меня внутренне крайне трудный, хотя формально вполне возможный. И вот только из-за деликатности в настоящее время я как нищий; в последние месяцы я исключительно жил «Весами», а разве можно (вы сами знаете) существовать гонораром в «Весах»?

Более того, Валерий Яковлевич: мне не на что купить себе самых необходимых вещей. У меня нет даже костюма; каждую вещь необходимую (пальто, сапоги, калоши) мне трудно приобрести. Мне ужасно совестно всякий раз обращаться к «Весам». У меня же есть самолюбие.

Вдобавок: по выходе «Кубка метелей», за который я должен был получить по уговору 150 рублей, со мной не произвели расчета; правда, я дважды брал аванс (всего около ста рублей), но за это время в №№ журнала вышло рублей на 90 — на 100 моих произведений, считая от № 2 до 4-го (апрельского, который на днях выйдет) ⁷; если бы в редакции были бы мне посторонние люди, я просто попросил бы сделать подсчет; но со знакомыми у меня язык не поворачивается говорить так.

И вот все эти мелочи при моем внутреннем убеждении, что вопрос о «Руно» просто вне плоскости вопроса о моей нравственности, в связи с желанием сказать свое «credo» и противопоставить его Иванову ⁸ (ведь у меня же есть что сказать: у меня грома материалов по теории символизма: в «Весах», я знаю, технически невозможно все это печатать) — все это присоединилось к тому, что я склонился отдать стихи. И ваши слова были жестоки: или вы не знаете, что резкость моего тона в «Весах» отрезала мне возможность писать где бы то ни было для заработка; ведь только потому одно время я пытался стать хоть фельетонистом (постыдное дело!) ⁹, а с заработком в «Весах» не проживешь.

Вот все это в связи с нравственным утомлением, в связи с чувством подрезанных крыльев создает для меня в области литературы не жизнь, а каторгу.

И я серьезно помышляю уйти вовсе из литературы, где, кроме оскорблений, напраслины, муки и нищеты, мне нечего ожидать.

Конспектирую все сказанное. 1) В «Руно» я не вернусь. 2) В случае нового скандала из-за стихов я принужден вовсе уйти из литературы. 3) С Блоком и Ивановым я разрываю всякие личные сношения¹⁰. 4) В «Вессах» сотрудничать не имею права, пока нравственная физиономия моя там искажена для кого бы то ни было.

Все это, Валерий Яковлевич, я пишу конфиденциально вам.

Прочтите это не как нарекание, а как искреннее слово.

Остаюсь глубоко уважающий и искренне преданный вам

Борис Б у г а е в

Р. С. Ввиду необходимости на этих днях вернуть гонорар «Руна» 50 рублей (большую половину которого заплатил в виде долга), я обращаюсь уже не конфиденциально, а формально к вам с просьбой передать в «Скорпион» следующую мою просьбу:

1) На этих же днях произвести подсчет того, сколько мне следует за № 2, 3 и 4 «Весов» гонорара; сличить, покрывается или не покрывается следуемая мне сумма взятыми авансами.

2) Усиленно прошу заплатить мне гонорар за «Кубок метелей» по условию (150 рублей). По моему расчету за вычетом авансов мне приходится от ста рублей (может быть немного более).

Мне это необходимо 1) для того, чтобы тотчас же вернуть «Руну» 50 рублей, 2) «Руно» может представить мне счет за изъятие *стихов* (уже сверстанных).

Жду вашего ответа, как официального, так и конфиденциального.

¹ В августе 1907 г. группа писателей «весовцев» во главе с Брюсовым разорвала отношения с «Золотым руном» (см. вступит. статью, стр. 341). Основанием для этого послужил конфликт между Белым и издателем «Золотого руна» Н. П. Рябушинским; тем самым «весовцы» выступили в поддержку Белого. «Главная причина выхода сотрудников из «Золотого руна» — обида, нанесенная Н. П. Рябушинским Андрею Белому», — писал Г. М. Соловьев Брюсову 21 сентября 1907 г. (ГБЛ, ф. 386. 103. 23).

Белый в апреле 1908 г. отдал для опубликования в журнал «Золотое руно» цикл из четырех стихотворений «Меланхолия» («Золотое руно», 1908, № 3-4), который был незамедлительно принят к печати. Секретарь «Золотого руна» Г. Э. Тастевен писал Г. И. Чулкову: «Андрей Белый прислал стихи в «Руно» и вообще возвращается в число сотрудников, мотивируя это тем, что он принципиально ничего не может иметь «против «Руна» и что он не связан «Весами»; думаю, что во всяком случае сотрудничество А. Белого в беллетристическом отделе ценно, что касается его сотрудничества в других отделах, то пока об нем вопрос еще не ставится, но, во всяком случае, это будут статьи по вопросам общеполитическим, в которых он не может разойтись с теоретической позицией «Руна» (ГБЛ, ф. 371. 4. 70).

² Намек на отношения с Л. Д. Блок.

³ Белый имеет в виду свою интенсивную полемику с мистическим анархизмом и связанными с ним идейно-художественными веяниями, которую он вел на страницах «Весов», в заседаниях «Общества свободной эстетики», в обостренной переписке с Блоком и т. д.

⁴ В «Вессах» ежегодно публиковалось по одному циклу стихотворений Белого: в 1906 г. (№ 8) — «Одинокие» (7 стихотворений); в 1907 г. (№ 6) — «Панихида» (9 стихотворений); в 1908 г. (№ 5) — «Стансы» (10 стихотворений).

⁵ В пору сотрудничества Белого в «Золотом руно» там публиковались его теоретико-философские статьи («Принцип формы в эстетике». — 1906, № 11-12) и рецензии.

⁶ Белый унаследовал после смерти отца права на владение именем на Кавказе, которыми по ряду причин не воспользовался.

⁷ В этих номерах были помещены статья «Далай-лама из Сапожка» (№ 3), рассказ «Адам» (№ 4), очередные статьи цикла «На перевале» (№№ 2-4) и несколько рецензий.

⁸ Имеются в виду статьи Вяч. Иванова по философии и эстетике символизма, печатавшиеся в 1904—1905 гг. в «Весах», а затем в «Золотом руне».

⁹ Белый говорит о своем сотрудничестве в 1907—1908 гг. в газетах «Накануне», «Час», «Правда живая», «Литературно-художественная неделя», «Раннее утро», «Свободная молва» и др.

¹⁰ Это намерение не было осуществлено.

79. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Москва. Апрель 1908 г.⟩

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Спасибо за книгу ¹.

Был тронут, получив ваше письмо.

Но верьте: мне нужно было знать ваше отношение ко мне; пробежавшая между нами тесть в связи с целым рядом утверждений (переданных мне), что вы *вынуждены* печатать мои статьи, что вам они *неприятны*, что ко мне вообще нельзя относиться с доверием и т. д. и т. д. — все это давно меня досадовало; я полагал, что как бы ни были различны люди, есть общая почва, стоя на которой они могут говорить друг другу открыто все, не теряя уважения друг к другу; и вот, чувствуя себя заподозренным в чем-то, неуважаемым и т. д., я негодовал, что так или иначе вы печатаете статьи, подводящие «Весы» под неприятности, без оговорок; далее: прошлым летом вы высказывались о методе написания статей в том смысле, в каком я и писал; и я не чувствовал столь неприятной недоговоренности. Теперь область наших личных отношений: мы, конечно, люди разные: стало быть, у каждого из нас свой взгляд на мир; может быть, вы делите человека на человека и литератора; я же где-то внутри признаю примат достоинства *в человеке*, а не в литераторе. И вот, будучи не уверен в том, что вы считаете меня человеком *прямым* во всем серьезном, требующем прямоты действий, я чувствовал, что у меня рождается стена недоверия к вам, поскольку вы обращены ко мне.

Вот отчего я так серьезно отнесся к вашим словам, принимая их не внешним, а внутренним образом. И напрасно вы думаете, что я мог обидеться, я чувствовал, все что хотите: но это было нечто более серьезное, чем *обида*, *пафос*, *истерика*, уязвленность и т. д.

Чувствуя трудность своего положения в столь дорогом для меня органе, как «Весы», пока в составе сотрудников, которых я привык уважать, находится хотя бы один сотрудник (и тем более — вы), который мог бы меня не уважать как человека, я чувствовал, что нравственная моя обязанность по отношению к себе состоит в выяснении наших отношений; а пока я мог только *вообще не писать нигде*.

Вообще мой поступок с письмом к вам не носил ничего эмоционального, хотя я и был взволнован. Я просто не вдумывался в серьезность возвращения в «Руно» как поступка; а есть ряд областей, в которых моральная доброкачественность зависит не от факта, а от вносимого содержания (например: убийство миллионера с намерением ограбить, убийство миллионера с намерением отомстить за честь, наконец убийство на дуэли и т. д.).

Вы обратили мое внимание на серьезность поступка, и я задумался над самим собой. Скажу в оправдание себя еще и то, что разумел наш совместный выход как согласие в вопросе о тактике: то же, что прочие вышли из-за меня, *не было главным импульсом к выходу*. Я сам, так сказать, не вступил обратно в «Руно» лишь потому, что на условиях, которые они мне предоставляли лично, я не остановился и перенес вопрос на реорганизацию самой редакции по вашему совету; после этого я и разорвал переговоры с «Руном»; они не напечатали ответ Метнеру; т. е. в результате бывший инцидент ²; теперь: чувствуя (как я теперь вижу, это чувство превратно) себя третированным как предатель, сумасброд, как *сума-*

сбродная недотыкомка»³, слыша о том, что подвожу «Весы» резкостями и т. д.; досадуя, что мне прямо не укажут на мои недостатки как публициста, а как с *человеком* не объясняются (если есть факт нашего личного общения как *человека с человеком*), я полагал, что я одинок в высказывании своих взглядов; т. е. *вне какой бы то ни было группы*. Я и отнесся к возвращению в «Руно» легко, полагая, что взгляды мои не изменятся от журнала, в котором пишу, раз идейная связь вышедшей группы между собой = «О» (я-то не менялся, но мог думать, что вы изменились во взгляде на существовавшую солидарность в вопросах тактики). Я не имел случая слышать ваше мнение месяцев семь. Конечно, мое возвращение неосторожно — и только. Принимаю все меры к исправлению своего поступка. Буду впредь осторожнее.

Теперь о фактическом положении. Конечно, в «Руне» буря. И вопрос осложняется невероятно. Во-первых: 1) соглашаясь, что я еще не вошел в состав сотрудников, они наотрез отказываются вырезать страницы с моими стихами, утверждая, что юридически я не прав и что они готовы идти на судебный процесс, но мне не уступят; я советовался с юристом, и он выдвигает ужасный факт (я взял аванс, и они вольны не принять его обратно); вопрос идет не о моем сотрудничестве, а о факте появления стихов, причем протест в газетах или в «Весах» мой есть сигнал для них, после которого они ни на чем не остановятся. Тастевен уже собирался ехать в Петербург для ультиматума Сологубу, Блоку, Иванову, Городецкому, Ремизову и другим: «Весы» или «мы», и при этом «Руно» утверждает, что у них все данные к тому, что эти писатели перейдут к ним. Утверждают и то, что сейчас они сами готовы быть журналом беспартийным, но с этого момента превратить журнал в узко тенденциозный, расширить место теоретических статей и т. д. Грозят обнаружением каких-то писем и т. д.

Словом скандал невероятный.

Вместе с тем они заявляют, что вполне способны понять мой взгляд на некорректность моего поступка относительно прочих из вышедших писателей, не считают факт появления стихов сотрудничеством и печатают в следующем № «Руна» мое заявление о том, что я сотрудником не состою, в форме для «Руна» элементарно-корректной. Ввиду этих осложнений в связи с поездкой Тастевена, с их неопределенными угрозами, с желанием потушить инцидент, мне остается только допустить появление стихов, а в следующем № заявить, что мое появление на страницах «Руна» есть недоразумение⁴. Конечно, я в смешном положении, но я охотно беру на себя эту роль. Дальнейшая же суматоха, и снова *роль моя* в связи с возможным скандалом, просто вредна общему делу, ставит меня *по-новому* в неловкое положение относительно «Весов» и прочее. Меня же лично она опять извне ставит в роль *шута*, т. е. заставляет вовсе прекратить всякую публицистическую и критическую деятельность.

Вот, дорогой Валерий Яковлевич, как обстоит дело; спасибо вам еще раз за доверие ко мне и за ваше *хорошее* обо мне мнение.

Остаюсь глубоко уважающий и любящий вас

Борис Б у г а е в

Ответ на несохранившееся письмо Брюсова, содержащее отклик на предыдущее исповедальное послание Белого (п. 78). Судя по настоящему письму Белого и по тому, что положение его в «Весах» не изменилось, можно полагать, что Брюсов сумел понять тяжелое душевное состояние Белого и нравственно поддержал своего «весовского» соратника.

¹ Вероятно, вышедшая в апреле 1908 г. кн.: *Пути и перепутья*, т. II.

² О выходе группы писателей из «Золотого руна» см. наст. том, стр. 341.

³ Образ, рождающийся в больном сознании Передонова (Ф. Сологуб. «Мелкий бес»).

⁴ Подобное заявление Белого в печати не появилось.

ЖУРНАЛ «ЗОЛОТОЕ РУНО»

1907, № 1

Обложка

80. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. 20 февраля 1909 г.〉

Дорогой Борис Николаевич!

Простите, если напомню вам, что сегодня, в пятницу, вы обещали заехать (ненадолго хотя бы!) ко мне, в 3 или 3½ часа дня. У меня будет П. И. д'Альгейм¹. Хотелось бы окончательно условиться о наших лекциях². Если вам можно, умоляю, заезжайте. И очень обрадуете, и очень это нужно.

Всегда ваш сердечно Валерий Брюсов

¹ Пьер (Петр Иванович) д'Альгейм, барон (1862—1922) — французский журналист и романист, организатор (совместно с женой, М. А. Олениной-д'Альгейм) в Москве в 1908 г. «Дома песни» — с целью пропаганды классической и современной камерной вокальной музыки. Им была написана книга о М. П. Мусоргском (Р. D'Alheim. Moussorgsky. P., 1896), а также переведено на французский язык либретто оперы «Борис Годунов».

² Брюсов и Белый предполагали выступить в «Доме песни» с лекциями о русских поэтах (см. п. 81).

81. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

«с. Бобровка. 21 февраля 1909 г.»

Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Ужасно расстроен, что не мог быть у вас вчера. Я получил ваше письмо в момент отъезда и мог только послать вам уведомительную открытку.

Вашу программу вполне одобряю; я сделал лишь поправку у себя в лекциях, включив Ф. Туманского¹ и вычеркнув Щербину² и Жемчужникова³, о которых буду говорить вскользь. Что касается до модернистов, то я беру две лекции (в первую включаю лишь Вл. Соловьева, о котором есть что сказать); во второй лекции я коснусь уже собственно модернистов⁴. Петр Иванович просит меня вам передать, что если бы вы в свою очередь захотели бы две лекции о модернистах, то стоит только передвинуть числа.

Ужасно хотелось бы с вами поговорить. Как-нибудь или попробую зайти, или если вы мне на той неделе назначите число; сегодня же нельзя. Остаюсь искренне любящий Б. Б у г а е в

Р. S. Заняты: (вечер воскресенья, понедельник)⁵.

На конверте обратный адрес: Виндавская ж.д. Станция Оленино. Село Бобровка, Анне Алексеевне Рачинской (для Бугаева). Почт. шт.: Оленино. 25.2.09; Москва, 26.II.1909.

Ответ на п. 80. Датируется по связи с ним.

¹ Федор Антонович *Туманский* (1799—1853) — второстепенный поэт из дельвиговского кружка (см. о нем в кн.: «Поэты 1820—1830-х годов». Библиотека поэта, большая серия, т. 1. Л., 1972, стр. 312—317). Вероятно, Белый спутал Ф. Туманского с его троюродным братом, Василием Ивановичем *Туманским* (1800—1860), видным поэтом романтической школы 1820-х годов (см. там же, стр. 252—311).

² Николай Федорович *Щербина* (1821—1869) — поэт, автор антологических стихотворений. В 1860-е годы примыкал к консервативному лагерю; в это время им написано много сатир и эпиграмм.

³ Алексей Михайлович *Жемчужников* (1821—1908) — поэт, участник группы, создавшей Козьму Пруткову. Печатался в «Современнике», испытал влияние поэзии Некрасова.

⁴ Проект цикла лекций в «Доме песни» о русской поэзии Белым не был осуществлен.

⁵ На следующей неделе эти дни приходились на 1 и 2 марта.

82. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

«Москва. 4 апреля 1909 г.»

Дорогой Борис Николаевич!

Позвольте рекомендовать вам Дмитрия Сергеевича Навашина, молодого поэта, который читал мне свои очень интересные стихи и сказки¹. Надеюсь на ваше к нему внимание.

Ваш всегда Валерий Брюсов

1909, апр. 4

¹ Дмитрий Сергеевич *Навашин* — поэт, студент-юрист Киевского университета, сын профессора ботаники, позднее академика С. Г. Навашина; к Брюсову обратился с рекомендательным письмом Ф. Ф. Зелинского от 5 марта 1909 г. (см. письма Д. Навашина к Брюсову. — ГБЛ, ф. 386. 95. 46). 6 апреля 1909 г. Навашин писал Белому: «Несколько дней тому назад я имел честь и удовольствие беседовать с Валерием Яковлевичем Брюсовым. Подводя итоги нашего разговора, Валерий Яковлевич предложил познакомить меня с вами, на что я отозвался живейшей благодарностью и, насколько помню, в тот же день оставил у вас его письмо. Ежели вы ничего не имеете против подобной встречи, не откажите в любезности сообщить мне, в какой день и час я мог бы застать вас дома...» (ГБЛ, ф. 25. 27. 17). Брюсов опубликовал стихи Навашина и его рассказ «Морской разбойник» в *СЦ*—1911. Белый сдержанно отозвался об этих произведениях: «...единственное их достоинство — та юная свежесть, которая присуща и многим другим начинающим, не попавшим однако на страницы «Северных цветов» (*РМ*, 1911, кн. 10, отд. III, стр. 25).

83 БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. 27 августа 1910 г.〉

Дорогой Борис Николаевич!

Мне *очень надо* было бы вас видеть. Я заезжал к вам, но вы, к сожалению, были тогда в деревне¹. Не могу ли я заехать к вам в понедельник между 2 и 3 часами дня? Если это возможно, не откажитесь известить меня. Если же вы предпочитаете приехать ко мне, то застанете меня дома в воскресенье вечером, между 7 и 9, или в понедельник и вторник утром, до 2 часов дня². Своим посещением меня, конечно, очень обрадуете. Вы догадываетесь, что я хочу говорить с вами о вашем сотрудничестве в «Русской мысли»³.

Я живу уже *не* на Цветном бульваре. Мой новый адрес: 1-я Мещанская, д. 32 (Баева), кв. 2, вход со двора.

Ваш всегда Валерий Брюсов

27 авг. 1910

Закрытое письмо — «секретка». Почт. шт.: Москва. 28.8.10.

¹ Летом 1910 г. Белый жил в селе Демьянове, Клинского уезда Московской губ., где снимала дачу его мать.

² 29, 30, 31 августа.

³ С сентября 1910 г. Брюсов становится заведующим литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль». Одновременно с письмом к Белому Брюсов разослал письма ряду других писателей (Бальмонту, Сологубу, Блоку, Мережковскому, Ремизову, А. Н. Толстому и др.), стремясь привлечь их к постоянному сотрудничеству в журнале (см.: «Литературный архив», т. 5. М.— Л., 1960, стр. 260).

84. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. Около 17 сентября 1910 г.〉

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

извиняюсь, что задержал рецензии; но, право, я не виноват. Присылаю их¹.

Льщу себя надеждой, так же как все у нас, что вы посетите нас на чтении Садовского, которое имеет быть во вторник, 21-го, в 8^{1/2} часов в редакции «Мусажета»².

Искренне преданный вам Борис Бугаев

Датируется приблизительно, по связи с п. 85.

¹ Рецензии Белого на книги: К. Бальмонта. Змеинные цветы. М., «Скорпион», 1910 («Русская мысль», 1910, № 10); В. Розанов. Когда начальство ушло... СПб., 1910 (там же, № 11).

² Чтение Б. Садовским своей повести «Двуглавый орел» (см.: РМ, 1911, № 7 и 8).

85. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

〈Москва. 19 сентября 1910 г.〉

Дорогой Борис Николаевич!

Простите. Я ошибся. Во вторник я *не* могу быть в «Мусажете». В этот день очень важное общее собрание Литературного кружка. Мне на нем быть *необходимо*¹.

Но мне очень хотелось бы слышать повесть Б. А. Садовского. Нелзя ли, если еще приглашения не разосланы, перенести чтение хотя бы на четверг? Я был бы очень, очень благодарен. Извиняюсь за причиненное беспокойство².

Ваш Валерий Брюсов

Закрытое письмо — «секретка». Почт. шт.: Москва, 19.IX.1910; Москва, 19.9.10.
 Ответ на п. 84.

¹ 21 сентября 1910 г. состоялось «чрезвычайное» собрание членов Литературно-художественного кружка, посвященное разбору скандального инцидента, случившегося на одном из предшествовавших заседаний (см.: «Русское слово», 1910, № 217, 22 сентября; «Русские ведомости», 1910, № 217, 22 сентября).

² 22 сентября 1910 г. Брюсов писал Б. А. Садовскому: «К сожалению, мне, как вы знаете, не пришлось присутствовать в «Мусагете» на чтении вашего романа» — и просил дать иную возможность ознакомиться с рукописью (ЦГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед. хр. 33). Отзыв о повести «Двуглавый орел» Брюсов дал в письме к П. Б. Струве от 27 сентября 1910 г. («Литературный архив», т. 5, стр. 286—287).

86. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Москва. 19 $\frac{X}{18}$ 10

Дорогой Борис Николаевич,

весной вы дали мне одно обещание, которое я решаюсь вам напомнить. Именно, вы сказали мне, что после того, как кончите работу над своим «Символизмом»¹, вы охотно одолжите мне на время «Словарь» Остолопова². Я не хотел просить у вас эту книгу раньше, чем кончу свою критическую статью о вашем «Символизме». Теперь не только статья написана, но уже и корректура ее мною просмотрена и возвращена в «Аполлон»³. Я почитаю себя поэтому вправе вновь обратиться к вам с той же просьбой, как и весной. «Словарь» Остолопова нужен мне для одной большой начатой мною работы. Вы знаете, что достать его не легко. Формально обещаюсь вам — возвратить вашу книгу не позже как через *семь* дней.

Если вы согласны оказать мне эту услугу, укажите, пожалуйста, день и час, когда я мог бы приехать к вам за словарем или кого-либо прислать за ним. Вряд ли нужно добавлять, что возвращаю я вам книгу в полнейшей сохранности.

Всегда ваш Валерий Брюсов

¹ Андрей Белый. Символизм. Книга статей. М., «Мусагет», 1910; вышла в мае 1910. В книгу вошли стиховедческие исследования Белого.

² «Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым», ч. 1—3. СПб., 1821. Книга представляет собой один из первых в России опытов систематизированного справочника по теории и истории стиха.

³ Валерий Брюсов. Об одном вопросе ритма (по поводу книги Андрея Белого «Символизм»). — «Аполлон», 1910, № 11; статья в основном содержит критический анализ предложенного в «Символизме» метода исследования русского четырехстопного ямба (см. наст. том, стр. 348, примеч. 81).

87. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

«Москва. 18 октября 1910 г.»

Дорогой Борис Николаевич!

Не свободны ли вы завтра, во *вторник*, днем, в 1 час дня. Я бы очень просил вас приехать к нам завтракать. Будет наш петербургский гость Ф. Сологуб. Но и помимо того, мне весьма хотелось бы повидать вас. Почему-то случилось так, что последние недели мы не встречались вовсе, и мне это очень грустно. Если приедете, обрадуете очень, и я вас «очень жду».

Сердечно ваш Валерий Брюсов

P. S. Я печатаю второе издание «Земной оси». Вы позволите оставить посвящение этой книги вам? И в той же форме? Мне это было бы очень дорого¹.

БРЮСОВ НА ЗАСЕДАНИИ ДИРЕКЦИИ
МОСКОВСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА

Фотография, 1910-е годы

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Датируется по связи с п. 88, в котором Белый отвечает одновременно на п. 86 и 87, а также по словам: «завтра, во вторник» (вторник был 19 марта).

¹ Посвящение Андрею Белому во втором издании «Земной оси» (М., 1910) было сохранено.

88. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Москва. После 18 октября 1910 г.〉

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич,

посылаю вам Остолопова. Извиняюсь, что вовремя не доставил. Надеюсь, что вы сегодня в «Русской мысли». На днях буду у вас в редакции. Так много есть к вам вопросов и просьб. Благодарю очень за любезное посвящение мне вашей книги.

Остаюсь неизменно преданный Б. Б у г а е в

Ответ на п. 86 и 87.

89. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

〈Палермо. Около 17 декабря н. ст. 1910 г.〉

Дорогой Валерий Яковлевич,

привет из Палермо ¹. Море, пальмы, солнце, розы, апельсиновые рощи, золотые апельсины. Тепло. Радостно-бестолково. На днях найду себе помещение: постоянный адрес пришлю. Привет!

Преданный Б. Б у г а е в

ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 88.

¹ Белый посетил Палермо во время своего путешествия по странам Средиземноморья с декабря 1910 по май 1911 г. (Венеция — Сицилия — Тунис — Египет — Палестина). Он подробно описал свои впечатления о Палермо (Андрей Белый. Путевые заметки, т. 1. Сицилия и Тунис. М. — Берлин, «Геликон», 1922, стр. 55—118; см. также: ЛН, т. 27-28, стр. 413—415). Письмо отправлено, очевидно, сразу по приезде в Палермо, когда Белый и его жена, Анна Алексеевна Тургенева (1891—1966), еще не устроились на жительство в Монреале (см. п. 90).

90. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Монреале. 11/24 декабря 1910 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Постоянный мой адрес: Italia. Sicilia. Monreale. Ristorante Savoia. Мне.

Я — в Монреале, старом городке у подножия гор; здесь все дико; много мавританско-испанского ¹. Мало итальянского. Жду указаний, книг для рецензий и самой «Русской мысли». Привет Иоанне Матвеевне.

Искренно любящий Б. Б у г а е в

Открытка. На обороте цветная репродукция: Palermo. Capella Palatina. Почт. шт.: Monreale — Palermo. 24.12.10; Москва. 16.12.10.

¹ Монреале — небольшой город в 5 км. от Палермо (см.: Андрей Белый. Путевые заметки, т. 1, стр. 121—170).

91. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Тунис. 23 декабря 1910 г./5 января 1911 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич, привет из Туниса!

Арабы великолепны; город (арабский) сказочен ¹. Мечтаю пробраться хотя бы к границе Сахары ². С Новым годом! Иоанне Матвеевне привет.

Любящий вас Б. Б у г а е в

Открытка. На обороте цветная репродукция: Tunis. Cathedrale et Avenue de Jules Ferry. Почт. шт.: Tunis — Tunisie. 5.I.11; Москва. 29.XII. 1910.

¹ Белый жил в Тунисе и в деревне Радес в январе — феврале 1911 г. (см.: Андрей Белый. Путевые заметки, т. 1, стр. 173—308). Ср. в письме Белого Блоку, написанном в тот же день: «Тунис великолепен: арабы превосходны <...> Каждый араб — художественное произведение. Европейский город, как везде; арабский кольцом его окружает; он прямо сказочен» (Переписка, стр. 244).

² Белый совершил путешествие в глубь Туниса до Кайруана во второй половине февраля 1911 г. Описал его в путевых заметках «Кайруан» («Воля России», Прага, 1923, № 1; см. также: ЛН, т. 27-28, стр. 417—420).

92. БРЮСОВ — АНДРЕЮ БЕЛОМУ

⟨Москва> 22 янв<аря>/4 февр<аля> 1911

Дорогой Борис Николаевич!

Благодарю вас за письма, которые меня очень радовали. Радовали, потому что я видел, что путешествие вам было нужно, что вы запасааетесь впечатлениями, образами, мыслями. Ждем вас сюда возрожденным, обновленным. Несколько слов о делах. Хотите ли вы писать для «Русской мысли» о книгах? Если да, если есть у вас для того досуг, — сообщите ваш более точный и более постоянный адрес: я книгу пришлю ¹. Не напишете ли для «Русской мысли» и еще чего? Впечатлений с пути, кроме тех, которые, как

я слышал, назначены для «Речи»? ² Не пришлете ли для «Русской мысли» стихов? новых, африканских? Обрадовали бы ³. Вы говорили о помещении в «Русской мысли» продолжения «Голубя» ⁴. Чтобы печатать роман в *этом* году, рукопись (более или менее законченную) надо нам иметь уже *теперь*. Если пришлете еще весной или к началу лета, назначим его в первые книжки 1912 года. Помните ли вы, что обещали Сергею Александровичу рассказ или отрывок (хотя бы из «Голубя») для «Северных цветов»? Альманах уже *печатается* и ваша рукопись нужна *безо всякого промедления* ⁵. Ее надо выслать в 2—3 дня по получении этого письма.

Но все это, конечно, пустяки. Важнее — дышите южным воздухом, смотрите на синее небо, удивляйтесь на все неожиданное, что еще есть для наших душ в мире. Если нет охоты, не пишите ничего: это придет. А прежде всего будьте здоровы. И веселы. И счастливы. *Вам* это можно.

Ваш всегда Валерий Брюсов

¹ В 1911 г. в *РМ* появился только отзыв Белого о 5-м выпуске *СЦ* (см. п. 95).

² Заметки Белого о путешествии в *РМ* не публиковались. В газете «Речь» было опубликовано семь его путевых заметок (1911, № 24, 25 января; № 32, 2 февраля; № 43, 13 февраля; № 151, 5 июня; № 179, 3 июля; № 200, 24 июля; № 267, 29 сентября).

³ В *РМ* стихи Белого не печатались.

⁴ К работе над романом «Петербург», задуманным первоначально как продолжение «Серебряного голубя», Белый приступил во второй половине 1911 г. Предварительные переговоры с Брюсовым о помещении его в *РМ* Белый вел еще до отъезда за границу, надеясь начать работу над романом во время путешествия, однако этот проект не осуществился. По возвращении в мае 1911 г. в Москву он возобновил переговоры с *РМ*.

⁵ В *СЦ*—1911 произведения Белого помещены не были.

93. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Каир.⟩ 2⟨/15⟩ марта ⟨1911 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Привет вам от Сфинкса. Он — нежный ¹. Искренне любящий вас

Борис Б у г а е в

Р. S. Иоанне Матвеевне привет. Адрес: Kaire (Egypte). Poste restante.

Открытка. На обороте цветная репродукция: Vue de la grande Pyramide de Cheops. Почт. шт.: Caïro. 16.III.11; Москва. 12.III.1911.

¹ Сфинкс произвел на Белого сильное впечатление. «Пишу тебе, потрясенный Сфинксом, — писал он матери. — Такого живого, исполненного значением взгляда я еще не видал нигде, никогда. <...> На голубом небе, прямо из звезд в пустыню легит взор чудовищного Сфинкса; и он — не то ангел, не то — зверь, не то прекрасная женщина» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 359); ср. письмо Белого к Блоку на ту же тему. (*Переписка*, стр. 249) и главу «Сфинкс» в путевых заметках (Андрей Белый. Египет. — «Современник», 1912, № 6). Эти переживания отразились также и в эпилоге романа «Петербург», в фельетоне «О злободневном и вечном» («Биржевые ведомости», 1916, 23 июня), в книге «На перевале. I. Кризис жизни» (Пб., «Алконост», 1918, стр. 24—26).

94. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨с. Боголюб. 26 июля 1911 г.⟩

Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Простите мне деловое это письмо; для меня оно очень важно. Дело в том, что я очень и очень нуждаюсь в литературном заработке; для меня это дело жизни и смерти. Вы знаете *диапазон* моих литературных занятий; кроме стихов, рассказов, симфоний, я могу писать рецензии, небольшие статьики à la «На перевале» ¹, публицистические статьи, статьи просто; тем у меня множество, но я не знаю *формы*, приемлемой для «Русской

мысли», в которой могло бы выразиться более близкое и постоянное мое в ней сотрудничество; что касается *до способа* письма, то вы знаете, что я могу приспособиться, писать популярней; и вот, очень нуждаясь в будущем в заработке, я хотел бы, чтобы вы мне сказали, в чем выразилось бы постоянное мое сотрудничество; нельзя ли мне каждый месяц печатать *рецензии*, маленькие статейки в «Русской мысли»; может быть, мне нужно было бы писать, как в «Весах», *на перевале*, разумеется, в формах приемлемых. Статьи, само собой, я буду писать. Главное в том, нуждаетесь ли вы в моем сотрудничестве, как я работал в «Весах». Мне бы было очень приятно работать в том журнале, где руководящее направление в литературном отделе у вас. На все это мне хотелось бы иметь ваш ответ в ближайшем будущем.

Пока же присылаю мой очерк тунисской жизни «Радес»; я писал популярно, но *все же* не в фельетонной форме. Мне хотелось бы скорей получить ответ, пойдет ли мой *очерк*. Если нет, то очень прошу вас сохранить рукопись; она войдет в *мою книгу* «Путевые заметки»².

Если в «Русской мысли» статья не может идти, то я попытаюсь ее пристроить (средств у меня нет никаких, а теперь я *женат*), так что придется думать о будущем). В-третьих: кажется, в «Русской мысли» лежит моя статья о Достоевском; если она годится, уведоьте меня; если же нет, она пойдет брошюрой в «Мусагете»³ («Мусагету» я много должен⁴).

Ну вот, все о делах...

Ужасно жалею, что мы виделись в Москве так мало⁵. Как ваше здоровье; надеюсь, теперь вы совсем поправились.

Я сейчас в Волынской губернии, у родителей жены⁶; здесь прелестно; начинаю много работать. На днях приступаю к «Голубю»⁷. Скоро пришло для «Русской мысли» стихов⁸.

Мой привет Иоанне Матвеевне.

Остаюсь глубоко преданный и любящий Б. Б у г а е в

Р. S. Читаю много Верхарна. О вашей драме хотелось бы много поговорить: она меня удивила и озадачила⁹.

На конверте почт. шт.: Луцк. 26.7.11; Москва. 29.7.11.

¹ Цикл статей Белого «На перевале», печатавшийся в «Весах» в 1906—1909 гг.

² «Радес» в *РМ* напечатан не был.

³ Статья Белого о Достоевском в *РМ* опубликована не была; вместе со статьей «Лев Толстой» (*РМ*, 1911, № 1) она вышла отдельным изданием: Андрей Б е л ы й. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М., «Мусагет», 1911.

⁴ Белый был должен издательству «Мусагет» 3 тысячи рублей.

⁵ Брюсов и Белый встречались в Москве в мае 1911 г.

⁶ Лето 1911 г. Белый проводил в селе Боголюбы, близ Луцка, где жили мать и отчим А. А. Тургеневой, С. Н. и В. К. Кампиони.

⁷ К непосредственной работе над романом «Петербург» Белый приступил в октябре 1911 г.

⁸ См. п. 92, примеч. 3.

⁹ Драматическая сцена Брюсова «Путник. Психодрама в 1 действии». — *РМ*, 1911, № 1.

95. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

«Москва. Сентябрь — октябрь 1911 г.»

Дорогой и многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Боюсь, что рецензия о «Северных цветах» вышла длинна. Но принимая во внимание, что в связи с последним альманахом я говорю о деятельности «Скорпиона» (1901, первый выпуск — 1911, нынешний) за десять лет, думаю, что некоторая длиннота рецензии искупает тему¹.

Остаюсь искренне преданный Борис Б у г а е в

«СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ
1901—1902—1903»

Обложка по рисунку К. А. Сомова
Переиздание первых трех выпусков
альманаха

Р. S. В пятницу приношу мою рукопись «О Египте»². Очень хотел бы вас видеть; не знаю — где.

¹ Андрей Б е л ы й. Десять лет «Северных цветов» («Северные цветы» на 1911 г., собранные кн-вом «Скорпион». М., 1911). — *РМ*, 1911, № 10.

² Путевые заметки «Египет» в *РМ* напечатаны не были. См.: «Современник», 1912, № 5, 6 и 7.

96. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

Москва. 10 <января 1912 г.>

Глубокоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Спешу уведомить вас, что моя порция романа «Злые тени»¹ готова; задержка лишь за ремингтоном, который может опоздать и быть готовым 14-го, 15-го. Итак 15-го или 16-го числа я очень хотел бы видетсья с вами, чтобы лично вам передать роман. Оконченная порция представляет собой около 13 печатных листов (12½ приблизительно); состоит из четырех очень больших глав (три последние представлю до апреля-мая, чтобы к моменту предполагаемого печатания у вас весь роман был на руках). Согласитесь, что раз я мог с октября до 25 декабря написать около 300 страниц, написанных мелко (285), причем у меня по непредвиденным обстоятельствам пропали 3 рабочих недели и, собственно говоря, я работал не более 2 с лишним месяца, то остающиеся 150—180 страниц в течение января, февраля, марта, апреля я напишу безусловно; и, таким образом, «Русской мысли» беспокоиться нечего.

Мною написаны четыре очень *больших главы*²; остаются 3 *меньших*. Главы рассчитаны так, чтобы соответствовать месячному печатанию. Всех глав — 7. Если будете печатать с июня по главе, то до декабря весь роман успеет пройти; если же покажется, что иные главы слишком велики для напечатания в одной книжке, то можете успешно, начав с апреля печатать, печатать апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь; материала на 6 книжек *есть*. Если бы я даже на 3 месяца заболел и потерял работоспособность, все-таки вы ничем не рискуете, ибо в *крайнем*, отчаянном случае у меня для 3 глав есть 9 *месяцев*...

Но обещаю весь роман доставить к апрелю-маю.

Сейчас же мне необходима двух-трехнедельная передышка, ибо уподобляюсь загнанной кляче (до того измучен).

Теперь, дорогой Валерий Яковлевич, я перехожу к вопросу, для меня сейчас существенному *весьма*. Ввиду того, что с октября до сих пор ничего *не мог написать* для заработка, я живу полтора месяца *в долг*, без единой заработанной копейки. Вы сказали, что в «Речи» неудобно мне было печатать отрывки романа; и далее — мой «Египет» неопределенно застрял у Струве³ («Речь» предлагала печатать отрывки «Египта» или *романа*⁴); поэтому, согласно нашему условию, мне сейчас необходимо *очень* получить от «Русской мысли» часть гонорара, т. е. я хотел бы получить за минимум написанного, считая этот минимум 12 *печатных листов*. Вот как я произвел подсчет написанного: не зная количества букв в вашем печатном листе, я исходил условно из 40 000 букв; средняя моей строки (54 буквы); взяв абсолютный минимум 52 буквы и умножая на количество строк моей страницы 34, имею $52 \times 34 = 1768$ букв; и деля 40 000 на 1768 имею $22\frac{1}{2}$ моих. *Страницы* моей рукописи равны печатному листу «Русской мысли» (цифры я беру средние, т. е. 54—52 буквы имеет моя средняя строка, колеблющаяся от 49 до 60 букв); откидывая $\frac{1}{2}$ страницы и для круглого счета считая 23 страницы за печатный лист «Русской мысли», я делю 285 страниц моей рукописи на 23, получаю $12\frac{1}{3}$ печатных листа. На самом деле около 13 печатных листов (ибо всюду брал минимумы).

Итак, я прошу очень вас, глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, дать мне авансом 1200 рублей. Теперь: если это возможно *сразу*, то, конечно, лучше всего мне получить бы сразу; если же для этого нужен вам срок (7—10 дней, как говорил Струве), то я бы просил сперва рублей 400, тем более что я должен на эти деньги 1) съездить по делам журнала в Петербург, 2) прожить в Москве, 3) заплатить часть долгов. А на прочие деньги едем с женой в Бельгию, ибо работать вдумчиво в России сейчас мне невозможно. Гарантия того, что я из-за границы к середине февраля представлю вам 5-ю главу, к середине марта 6-ю и в апреле привожу вам 7-ю главу, есть та, что мне *нужны будут к лету деньги*, и потому буду работать.

Дорогой Валерий Яковлевич, надеюсь, вы поймете, что денежный вопрос есть для меня вопрос *роковой*, что условие скорейшего окончания романа, жизни и многого другого стоит для меня в связи с тем, что я пишу, т. е. необходимость получить 400 рублей сейчас и прочих 800 к концу января, а по возможности и всех 1200 теперь же. Иначе все для меня расстраивается.

Итак, жду назначенного вами числа и срока для сдачи рукописи (лучше всего 14—15-го) и получения *хотя бы* (до конца января) 400, ибо по делам мне 17 января (или 16) надо ехать в Петербург.

Простите, дорогой Валерий Яковлевич, что утруждаю вас.

Было бы хорошо, если бы вы и Иоанна Матвеевна нашли вечер побывать у нас 13-го, 14-го, 15-го. Привет Иоанне Матвеевне.

Остаюсь преданный вам Борис Б у г а е в

Р. S. Завтра, послезавтра поговорю с вами по телефону.

Наш адрес: Москва, Плющиха, Шестой Ростовский пер., д. Орлова, кв. 2.

¹ Одно из ранних названий романа «Петербург» (другие варианты — «Путники», «Лакированная карета», «Красное домино»). Окончательное название предложил Вяч. Иванов (в конце января — начале февраля 1912 г.).

² 4-я глава первой редакции романа к тому времени целиком написана не была; Белый закончил ее в мае 1912 г. в Брюсселе.

³ См. п. 95, примеч. 2.

⁴ В газете «Речь» Белый опубликовал на протяжении 1911 г. путевые очерки (см. п. 92, примеч. 2).

97. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — БРЮСОВУ

⟨Льгов, вокзал. 17 марта 1912 г.⟩

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите, что пишу карандашом: пишу с дороги ¹. Извиняюсь за беспокойство, которое причинил вам письмом. Я думал, что рукопись моя о Египте в редакции. Но ввиду выхода книги, мне, то есть, верней, «Муссагету», она нужна. Конечно, дело не в дне, а в том, чтобы П. Б. Струве в возможно скором времени ее выслал, ибо книга уже набирается ². Вас же я попрошу *очень* переслать в «Муссагет». Едем в Брюссель. Мой привет Иоанне Матвеевне.

Остаюсь преданный вам Борис Б у г а е в

Открытка. Почт. шт.: Льгов, вокзал. 17.3.12; Москва. 19.3.12.

¹ Письмо написано в поезде, на пути из Москвы в Брюссель.

² Издание путевых заметок Белого в издательстве «Муссагет» не состоялось.